



Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 7, № 2 (30), 2022

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, генерал-майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – заведующая кафедрой финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Aliqperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Head of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Gurbanov Ramin Afad ogly – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – врио проректора Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Acting Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истине, доктор политических наук

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Doctor of law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Svechnikova Natalia Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Law, Associate Professor

Fatyantov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместители главного редактора: **А. М. Белялова,**
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова

Ответственный секретарь **М. О. Румянцева**

Редактор **Н. В. Пятосина, Т. Л. Савельева**

Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**

Подписано в печать 8.07.2022. Формат 60 x 84 1/8.

Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 12,16.

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editors: **A. M. Belyalova, K. I. Naletov,**
N. V. Svechnikova

Executive Secretary **M. O. Rumyantseva**

Editor **N. V. Pyatosina, T. L. Saveleva**

Cover design **Yu. S. Zhigalova**

Signed in print 8.07.2022. Format 60 x 84 1/8.

Printed sheets 13. Conv. sheets 12,09. Publ. sheets 12,16.

Circulation 500. Order

Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления	
Славный юбилей именитого издания. Журналу «Государство и право» – 95	7
Жизнь, полная свершений и открытий: профессор Ж. Т. Тощенко отмечает день рождения	9
О легендарном ученом и преданном друге: к 70-летию Юрия Владимировича Голика	11
Информационные технологии и право	
Южанин Н. В., Пугачев В. Э.	14
Цифровизация на защите государственных интересов	
Генералов А. В.	20
Особенности интеграции блокчейн-технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью (интеллектуальными правами)	
Белозерова Ю. Г.	25
Регулирование деятельности физических лиц в Интернете	
История государства и права	
Серегин А. В.	30
Правовое регулирование института кормления в Московском государстве в начале XVI в.	
Международное право	
Зембатова Б. В.	37
Правовой статус Каспийского моря в контексте проблем текущего этапа развития отношений между странами «Каспийской пятерки»	
Миграция и интеграция	
Салимов А. А.	44
Современные вызовы правам человека в сфере миграции, сопряженные с изменением климата	
Энергетическое право	
Василькова С. В.	50
Развитие водородной энергетики в России: вызовы времени и актуальные правовые вопросы	
Гражданское право и процесс	
Мартынова А. А.	59
Об актуализации подхода к определению критериев признания вещи бесхозяйной	
Иванченко Е. А., Воротилина Т. В.	64
Отдельные проблемы соблюдения и реализации принципов гражданского судопроизводства	
Уголовное право и процесс	
Коробейников Д. В.	71
Непреступное уголовно-противоправное бездействие как разновидность уголовного проступка	
Румянцева М. О.	77
Особенности применения мер пресечения при производстве дознания	
Наследственное право	
Гаджиев А. А.	85
Сравнительно-правовой анализ института наследственного договора в праве России, Франции и Германии	
Сахно Ю. А.	91
Berliner Testament: особенности взаимного распоряжения супругов-наследников	
Плехановская школа молодых ученых	
Якубова Д. Р.	97
Механизмы государственного управления инвестиционной привлекательностью Республики Татарстан	
Требования к публикациям	103

CONTENTS

Congratulations	
The Glorious Anniversary of the Famous Publication.	7
The Magazine "State and Law" – 95	
A Life Full of Achievements and Discoveries:	9
Professor Zh. T. Toshchenko Celebrates his Birthday	
About the Legendary Scientist and Devoted Friend:	11
to the 70th Anniversary of Yuri Vladimirovich Golik	
Information Technology and Law	
Yuzhanin N. V., Pugachev V. E.	14
Digitalization Based on the Protection of State Interests	
Generalov A. V.	20
Features of the Integration of Blockchain Technologies in the Field of Intellectual Property (Intellectual Property) Management	
Belozerova Y. G.	25
Regulation of the Activities of Individuals on the Internet	
History of State and Law	
Seregin A. V.	30
Legal Regulation of the Institution of Feeding in the Moscow State at the Beginning of the 16th Century	
International law	
B. V. Zembatova	37
The Legal Status of the Caspian Sea in the Context of the Problems of the Current Stage of Development of Relations between the Countries of the "Caspian Five"	
Migration and integration	
Salimov A. A.	44
Modern Challenges to Human Rights in the Field of Migration Associated with Climate Change	
Energy Law	
Vasilkova S. V.	50
Development of Hydrogen Energy in Russia: Challenges of the Time and Topical Legal Issues	
Civil Law and Process	
Martynova A. A.	59
On Updating the Approach to Defining Criteria Recognition of a Thing as Ownerless	
Ivanchenko E. A., Vorotilina T. V.	64
Individual Problems of Compliance and Implementation of the Principles of Civil Procedure	
Criminal Law and Procedure	
Korobeinikov D. V.	71
Non-Criminal Criminally Illegal Inaction as a Kind of Criminal Misconduct	
Rumyantseva M. O.	77
Features of the Application of Preventive Measures during the Investigation	
Inheritance law	
Hajiyev A. A.	85
Comparative Legal Analysis of Hereditary Institution Contract in Russia, France and Germany Law	
Sakhno J. A.	91
Berliner Testament: Peculiarities of the Mutual Disposition of Spouses Who are Heirs	
Plekhanov School of Young Scientists	
Yakubova D. R.	97
Mechanisms of State Management of Investment Attractiveness in the Republic of Tatarstan	
Requirements to the Publications	103

Славный юбилей именитого издания. Журналу «Государство и право» – 95

В отличие от советского периода, когда количество журналов юридического профиля можно было посчитать по пальцам («Советское государство и право», «Правоведение», «Социалистическая законность», «Советская юстиция» и др.), сегодня российский издательский рынок насыщен правовой периодикой, число которой зашкаливает за сто. Например, только Издательская группа «Юрист» выпускает более 60 юридических периодических изданий. Если к сказанному добавить и издания российских высших юридических учебных заведений, различных НИИ правового профиля, ведомственные журналы правоохранительных органов страны, частных издательств (таких как «Криминология: вчера, сегодня, завтра», «Уголовное право» и т. д.), то станет очевидным, насколько велико в Российской Федерации количество журналов на правовую тему, из которых более пятидесяти включены в перечень ВАК Российской Федерации.

Среди них особое место занимает всемирно известный журнал «Государство и право» (до распада СССР – «Советское государство и право»), который на протяжении многих десятилетий неизменно доминирует среди юридических журналов, причем, как по числу читателей, так и по количеству цитированных работ, опубликованных на его страницах. И это закономерно, так как с момента выхода в феврале 1927 г. первого номера, он стал популярным не только среди юристов, но и социологов, конфликтологов и психологов, девиантологов и виктимологов и т. д., и каждый из них может найти на его страницах публикации по своему профилю. Сегодня постоянными читателями журнала «Государство и право» являются тысячи и тысячи ученых-юристов, преподавателей и студентов, аспирантов и докторантов, политологов и государствоведов из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Столь большой авторитет журнала объясняется многими его достоинствами, среди которых – высокий теоретический уровень публикуемых материалов, их разнообразие, охват актуальных проблем государственного строительства и правового регулирования общественных отношений, возникающих в различных сегментах социума. Нет такой отрасли права, фундаментальные или сложные прикладные проблемы которой не освещались бы на его страницах. Заметим, что это является устойчивой традицией и приоритетным направлением редакционной политики журнала.

«Государство и право» за свои 95 лет прошел достаточно тернистый путь, на себе испытал как горькие издержки советского периода, так и авторитаризм чиновников, имеющих власть. За этот период журнал пять раз менял свое название: «Революция права» (1927–1930 гг.); «Советское государство и революция права» (1930–1932 гг.); «Советское государство» (1932–1939 гг.); «Советское государство и право» (1939–1992 гг.); «Государство и право» (с 1992 г. и по настоящее время). Однако, несмотря на превратности судьбы, частые смены названия и руководства, журнал оставался верным своей взвешенной редакционной политике – публиковать на своих страницах рукописи новаторских исследований и результаты фундаментальных разработок по концептуальным проблемам государства и права, представленным в редакцию как выдающимися учеными-юристами и крупными государствоведами, так и молодыми талантливыми исследователями, причем, не только из России и других союзных республик, но и из зарубежных стран. Отрадно, что эта мудрая и сбалансированная политика журнала сохраняется по сей день, в силу чего читатели имеют возможность периодически знакомиться с исследованиями своих коллег из других стран.

Еще одна характерная особенность редакционной политики «Государства и права» заключается в том, что руководство журнала никогда не избегало острых дискуссий на его страницах, смело публиковало конструктивные критические отклики на те или иные материалы, не делая при этом скидок на звездность или малоизвестность, социальный статус или национальность, страну проживания и т. д. того или иного автора.

Эти демократические принципы, заложенные в основу деятельности журнала такими выдающимися российскими учеными-юристами, как П. И. Стучка, С. А. Голунский и др., в разное время возглавлявшими редакционную коллегию этого легендарного издания, давно являются визитной карточкой «Государства и права», сделали его флагманом юридических журналов, издаваемых на постсоветском пространстве, снискали ему высокий авторитет и уважение сотен тысяч читателей, а публикуемые на его страницах

материалы часто становятся своего рода правовым камертоном для различных отраслей права, ориентиром в лабиринте поиска ответа на те или иные нерешенные фундаментальные вопросы государства и права, наконец, источником вдохновения и для маститых специалистов, и молодых исследователей.

Как в советское, так и в настоящее время для многих ученых-юристов и государствоведов России и других стран постсоветского пространства журнал «Государство и право» является наиболее авторитетным изданием, руководство которого всегда уважительно относится к авторской позиции, не злоупотребляет бритвой Оккама при подготовке рукописи к печати, не ломает авторский стиль изложения, а если возникают вопросы, замечания или рекомендации по содержанию рукописи, то это всегда преподносится автору в весьма корректной и дружелюбной форме. Поэтому любой исследователь, будь он академиком или аспирантом, профессором или доцентом, считает для себя честью опубликовать результаты своих научных изысканий на страницах журнала «Государство и право».

В Азербайджане это именитое издание традиционно пользуется большим авторитетом, в силу чего многие государствоведы и правоведа с нетерпением ждут выхода каждого номера, так как уверены, что в нем они найдут что-то новое в решении тех или иных проблем государства и права, ознакомятся с той или иной прорывной идеей.

Все это свидетельствует о высоком профессионализме редакционной коллегии журнала, творческой атмосфере, царящей в этом безбрежном источнике науки о государстве и праве.

В завершении эссе об этом легендарном издании хотим поздравить руководство и коллектив журнала «Государство и право» со столь знаменательной датой, пожелать дальнейших творческих успехов, постоянного расширения читательской аудитории и роста тиража, максимальной наполненности редакционного портфеля новыми рукописями инновационного характера.

Фархад Абдуллаев

*председатель Конституционного суда Азербайджанской Республики,
заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук*

Азер Джафаров

*заместитель министра юстиции Азербайджанской Республики,
заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук, профессор*

Ильхам Рагимов

*президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона,
заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук, профессор*

Рашад Курбанов

советник Президента Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Низами Сафаров

*депутат Милли Меджлиса (национального законодательного собрания)
Азербайджанской Республики, доктор юридических наук*

Ханлар Аликперов

директор Центра правовых исследований, доктор юридических наук, профессор

Жизнь, полная свершений и открытий: профессор Ж. Т. Тощенко отмечает день рождения



3 января 2022 г. исполнилось 87 лет большому другу Азербайджана, выдающемуся социологу современности, члену-корреспонденту Российской Академии наук, доктору философских наук, профессору, главному научному сотруднику Института социологии ФНИСЦ РАН, почетному директору Института социологии РАН Жану Терентьевичу Тощенко.

За более чем шестидесятилетнюю научно-исследовательскую деятельность Жан Терентьевич своими фундаментальными исследованиями внес неоценимый вклад в социологическую мысль не только бывшего Советского Союза, России и постсоветских стран, но и в мировую сокровищницу теории познания бытия социальной жизни.

Он - автор более 450 трудов в области философии и психологии, многие из которых сегодня не только стали бестселлерами в сфере философии и фундаментальной социологии, но и широко востребованы как на постсоветском пространстве, так и далеко за его пределами. К примеру, его бесценные «Парадоксальный человек», «Социология», «Общество травмы: между эволюцией и революцией», «Прекариат: от протокласса к новому классу» являются настольными книгами не только философов и социологов, но и многих ученых-криминологов, к которым они часто обращаются, когда пытаются понять тайны социальной природы преступления и наказания, проникнуть в их неизведанные пласты. Кстати, именно профессор Тощенко выдвинул и обосновал возможность особой научной парадигмы, рассматривающей социологию как социологию жизни. Это - трактовка объекта социологии как гражданского общества и предмета социологии как взаимосвязанного единства реально функционирующего общественного сознания, деятельности (поведения) и объективных условий.



Другой оригинальной теоретико-методологической новеллой Жана Терентьевича стало его блестящее исследование феномена «парадоксального человека», «кентаризма» и «фантомности», в которых отразились базовые и в то же время специфические изменения в общественном сознании и поведении людей, в их реальной жизни, когда они в одно и то же время искренне преследует взаимоисключающие цели.



Жан Терентьевич Тощенко родился 3 января 1935 года в деревне Павловка Климовского района Брянской области. Его родители были сельскими учителями. После окончания школы поступил на исторический факультет МГУ, который окончил в 1957 году. Затем вместе с будущими известными историками Ю. Н. Афанасьевым и В. В. Гришаевым уехал в Сибирь, на строительство железной дороги Абакан-Тайшет. В 1967 г. окончил аспирантуру Академии общественных наук с защитой кандидатской диссертации на тему «Социальное планирование в системе научного управления социалистическим обществом», а 1973-м - докторскую на тему «Методологические проблемы социального планирования». С 1995 по 2018 г. был главным редактором всемирно известного журнала РАН «Социологические исследования». Жан Терентьевич Тощенко стоял у истоков создания социологического факультета в Российском государственном гуманитарном университете, где в настоящее время является научным руководителем факультета и заведующим кафедрой теории и истории социологии.

Жан Терентьевич - лауреат премии РАН имени М. М. Ковалевского (2007) за серию работ по концептуальному анализу трансформации ценностных ориентаций российского общества и разработки понятийного аппарата социологической науки, участник многих международных социологических конгрессов и симпозиумов (1970, 1978, 1982, 1990, 1994, 1998, 2002 годы), является членом Академий наук Беларуси и Казахстана.

Эти достаточно фрагментарные автобиографические штрихи к портрету профессора Ж. Т. Тощенко показывают, что жизненный путь этого прекрасной души человека был достаточно тернист (к примеру, в

1941 году на его глазах фашисты расстреляли его отца-партизана, у него было тяжелое детство, с 12 лет он был вынужден работать и т.д.), характеризуется подъемами и спадами, несомненными яркими победами и горечью полны интриг недоброжелателей.

Словом, многое было за прошедшие восемьдесят семь лет в жизни этого мудрого и благородного человека. Но, невзирая на превратности судьбы, Жан Терентьевич всегда сохранял и сегодня сохраняет стойкость духа и твердость характера, никогда не изменяет своим мировоззренческим принципам и проповедуемым морально-нравственным ценностям.

Мы благодарны судьбе, что она свела нас с такой величественной глыбой социологической мысли, ведь общение с ним не только обогащает твои знания о сущем и законах мироздания, но и в прямом смысле слова очаровывает его умением говорить простыми словами о сложнейших проблемах философии и социологии, истории и политологии, доступно объяснять глубинные причины различных процессов и явлений, происходящих в социуме, органически связывать их с моралью и нравственностью, издержками личности человека и его необузданными потребностями, негативными процессами, происходящими в различных сегментах общества и государства.

Конечно, невозможно в рамках одной небольшой публикации даже тезисно рассказать о многогранной личности этого выдающего ученого-теоретика современности, поэтому мы от всей души говорим: «С днем рождения, уважаемый Жан Терентьевич!»

Желаем, чтобы 2022 год стал для Вас рубежом новых свершений в науке, неиссякаемым источником здоровья и семейного благополучия!



Ильхам Рагимов

*президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона,
заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук, профессор*

Рашад Курбанов

советник Президента Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Ханлар Аликперов

директор Центра правовых исследований, доктор юридических наук, профессор

О легендарном ученом и преданном друге. К 70-летию Юрия Владимировича Голика



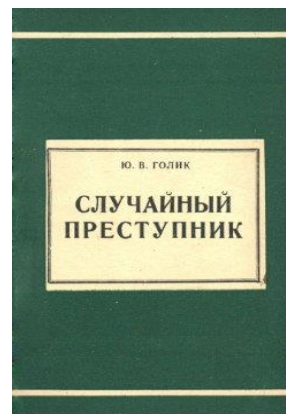
23 февраля 2022 г. исполняется 70 лет одному из ведущих криминологов современности, академику Академии педагогических и социальных наук, члену-корреспонденту Академии российской словесности, генерал-майору таможенной службы, действительному государственному советнику Российской Федерации 2-го класса, доктору юридических наук, профессору Юрию Владимировичу Голику.

Профессор Ю. В. Голик родился 23 февраля 1952 г. в Томске. В 1969 г. он окончил среднюю школу в Анжеро-Судженске, а в 1981 г. – юридический факультет Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева.

С 1984 г. работал на юридическом факультете Кемеровского государственного университета доцентом, а затем деканом этого же факультета. В марте 1989 г. был избран народным депутатом СССР, в марте 1990 г. – председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью, членом Президиума Верховного Совета СССР. В феврале 1991 г. Юрий Владимирович Голик был назначен председателем Комитета при Президенте СССР по координации деятельности правоохранительных органов. С 1996 по

2001 г. был советником председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ, членом ряда государственных и правительственных комиссий.

С 2001 г. по настоящее время занят научной и преподавательской деятельностью. За это время Юрий Владимирович был директором Центра по изучению организованной преступности в экономике и торговле Российского государственного торгово-экономического университета, директором Центра специальных правовых программ Независимого института стратегических исследований, профессором Елецкого государственного университета (с 1995 г.), занимал должность вице-президента фонда «Антимафия». В настоящее время он является профессором кафедры уголовного права Академии Следственного комитета Российской Федерации. В свои неполные 29 лет (1981 г.) он блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Личность случайного преступника: криминологические и уголовно-правовые проблемы», а в 1994-м – докторскую диссертацию на тему «Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы)».



Юрий Владимирович Голик – автор свыше 500 научных трудов в области философии права и криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, многие из которых опубликованы в авторитетных зарубежных изданиях.

Как заметит внимательный читатель, даже сквозь эти сухие автобиографические сведения явно прослеживается многогранность личности юбиляра, масштабы его научных интересов и продуктивность научно-исследовательской деятельности. Преступноведы, близко знакомые с научным творчеством профессора Ю. В. Голика, знают, что в его трудах всегда сочетаются традиционный реалистичный взгляд на ту или иную актуальную проблему уголовно-правового либо криминологического характера и реалистический прогноз развития тех или иных событий, в том числе и

криминогенного характера, на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Так было, к примеру, с его предвидением использования чипов в противостоянии с преступностью, внедрения IT-технологий в деятельность правоохранительных органов, позитивного влияния Интернета на динамику и структуру преступности среди несовершеннолетних и молодежи, появления киберпреступности и т. д.



Другой характерной чертой его научного творчества является то, что многие его произведения и публичные выступления на научных форумах становятся предметом широких дискуссий на страницах юридических изданий.



И это вполне понятно, так как многие озвученные им мысли, гипотезы и т. д. заставляют читателя (слушателя) думать, проводить ревизию своей позиции по той или иной проблеме преступности, задуматься над поиском новых подходов для их оптимального решения. Еще одно несомненное достоинство произведений профессора Голика, которые как магнит притягивают читателя – высокая читабельность и выразительность языка, полет авторской мысли, свободной от просторных рассуждений по мелким вопросам. К сказанному надо добавить и его неповторимые образные метафоры, пленительные аллегории, увлекательные экскурсы в лабиринты истории предмета исследования, мимолетные намеки, ориентирующие читателя на глубинные пласты рассматриваемой проблемы и т. д.

Помимо этого, читая труды Юрия Владимировича, порой сталкиваешься с его поразительными выводами по тем или иным актуальным вопросам, которые словно пламенная смола обжигают сознание своей откровенностью и правдивостью, открывают подводные «ядовитые» течения, медленно отравляющие истоки права и благородный смысл его нормативного выражения. Все это особенно четко прослеживается в его монографиях «Истина в уголовном праве» и «Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и уголовном праве». Эти уникальные качества профессора Голика, составляющие в своем диалектическом единстве целостную картину его научного творчества, снискали ему непререкаемый авторитет среди коллег по научному цеху, причем не только на просторах России, но и далеко за ее пределами.



Естественно, все это не только плод его таланта и самобытности, но и результат многолетнего кропотливого труда над каждым из них, итог сотен и сотен бессонных ночей, затраченных на формирование их концепции, работу с первоисточниками, бесконечные дополнения и изменения архитектуры создаваемого произведения, шлифовку его словесной композиции и т. д. А если к сказанному добавить и таких спутников научного творчества, вечно преследующих ученого, как феномен «пера и белого листа», дилемму «бритвы Оккамы» и т. д., то нетрудно представить, насколько тернист путь от рукописи до издания монографии...

За свою многолетнюю научно-исследовательскую деятельность профессор Ю. В. Голик помог многим в подготовке и защите диссертации, в частности, был научным руководителем и консультантом около тридцати аспирантов и докторантов, которые успешно защитили свои диссертации и тем самым получили путевку в большую науку.

Но, честно говоря, научно-исследовательская деятельность ученого измеряется не только числом учеников, а прежде всего его фундаментальными трудами. Мы не случайно на первое место поставили труды, так как волатильность научной жизни с ее бесконечной чередой успехов и горечи свидетельствует, что, увы, не все ученики (аспиранты, докторанты и т. д.) платят добром своему учителю, особенно по истечении определенного периода времени. Поэтому только научные труды, как безмолвные плоды творческой деятельности ученого, и есть его самые преданные и бескорыстные друзья в науке, которые «шелестом своих листов» прославляют своего создателя. Здесь мы имеем в виду не учебники, монографии и т. д., в которых сказано лишь о чём-то. Как правило, «луч» таких произведений, невзирая на их тираж, быстро «угасает» в храме науки, либо они, как одуванчики на обочине дороги, пылятся на полках книжных магазинов и библиотек.





Мы имеем в виду исключительно те исследования, в которых сказано *что-то*, до этого не сказанное другими, в силу чего знакомство с ними целиком поглощает читателя, открывает ему потайные двери доселе неизведанного, побуждает внутренним взором взглянуть на ту или иную проблему с иного ракурса. Именно так можно охарактеризовать фундаментальные научные труды нашего юбиляра, которые внесли неоценимый вклад в копилку мировой криминологии и уголовного права.

Наш юбиляр – невероятно эрудированный человек, с широкими энциклопедическими познаниями, причем не только в праве, но и в истории, философии, социологии, психологии, художественной литературе, классической музыке, изобразительном искусстве. Отсюда и один из секретов того, что он всегда был и остается желанным участником любых мероприятий, будь то масштабные международные научные форумы или дружеские посиделки.

Да и по жизни Юрий Владимирович очень чуткий и мудрый собеседник, умеющий терпеливо выслушать, высказать свои концептуальные суждения, подсказать конструктивные пути решения той или иной проблемы, по поводу которой к нему обращаешься. Говоря об этой глыбе современной теории уголовного права и криминологии, нельзя обойти молчанием еще один немаловажный штрих его личности. Юрий Владимирович всегда был и остается искренним другом, готовым бескорыстно помочь ближнему, поддержать в трудную минуту, протянуть руку помощи друзьям и близким, которые в этом нуждаются, всегда поступает по совести, не учит других жить и не бравитует своими блестящими достижениями в науке и карьере.

Многие из нас, его друзей, эти благородные качества юбиляра наблюдали наяву в течение многих десятилетий, в том числе и когда он находился в высших эшелонах власти как во времена СССР, так и в постсоветский период.

И сегодня в отношениях с друзьями и коллегами Юрий Владимирович остается таким же внимательным и заботливым, как и тридцать-сорок лет назад. И нет сомнений в том, что он останется таким всю жизнь.

Поэтому нам хочется еще раз поздравить юбиляра, пожелать ему крепкого здоровья, семейного благополучия, творческого вдохновения, новых достижений и сказать:

«Дорогой наш Юрий Владимирович, добро пожаловать в клуб молодых 70-летних криминологов!»

Ильхам Рагимов

президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона,
заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук, профессор

Рашад Курбанов

советник президента Российской Академии наук, доктор юридических наук, профессор

Шахла Самедова,

заведующая кафедрой уголовного права Бакинского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор

Габил Курбанов

председатель независимого профсоюза Национальной Академии наук Азербайджана,
доктор юридических наук, профессор

Махир Ахмедов

заместитель начальника Академии полиции Азербайджанской Республики,
доктор юридических наук, профессор

Мирага Джафаркулиев

главный научный сотрудник Института права Национальной Академии наук Азербайджана,
доктор юридических наук, профессор

Ханлар Аликперов

директор Центра правовых исследований, доктор юридических наук, профессор



DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-14-19>

Цифровизация на защите государственных интересов

Н. В. Южанин

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
и процесса Академии ФСИН России.

Адрес: ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
390036, Рязанская область, Рязань, улица Сенная, дом 1.
E-mail: yuzhanin15@mail.ru

В. Э. Пугачев

адъюнкт кафедры гражданского права и процесса
Академии ФСИН России.

Адрес: ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний»,
390036, Рязанская область, Рязань, улица Сенная, дом 1.
E-mail: pugachevvlad1994@mail.ru

Digitalization Based on the Protection of State Interests

N. V. Yuzhanin

Doctor of Law, Professor of the Department Civil Law and Process
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Address: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya Str.,
Ryazan, Ryazan Region, 390036, Russian Federation.
E-mail: yuzhanin15@mail.ru

V. E. Pugachev

Adjunct of the Department of Civil Law and Procedure
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Address: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1 Sennaya Str.,
Ryazan, Ryazan Region, 390036, Russian Federation.
E-mail: pugachevvlad1994@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья направлена на рассмотрение правовой природы предмета исследования – единой информационной системы государственных закупок (ЕИС), цифровизации государственных сервисов ЕИС. При написании статьи использованы теоретические и эмпирические методы исследования. Цель статьи – анализ динамики становления и развития ЕИС, влияние электронного сервиса на реализацию процесса государственных закупок и качества защиты прав и интересов государственного заказчика. Проведен анализ законодательной основы государственных закупок, изменений, внесенных в законодательство в части цифровизации электронного портала zakupki.gov.ru, а также реализации правовых норм, регулирующих процесс электронного документооборота закупочной сферы. Проведена аналитика статистических данных ЕИС и данных Счетной палаты Российской Федерации. Изучена роль электронного прогресса в процессе государственных закупок, как способа защиты интересов государственного заказчика и эффективного использования государственных бюджетных средств. На основе проведенного исследования сделаны выводы о необходимости соблюдения баланса интересов государственного заказчика и субъектов бизнеса (исполнителя государственного контракта) при реализации инноваций электронных сервисов ЕИС. Выде-

лены пути решения развития и эффективного использования электронных сервисов ЕИС, а именно проведение обновления функций защитного механизма интересов государственного заказчика на платформе государственного портала электронных закупок zakupki.gov.ru.

Ключевые слова: единая информационная система (ЕИС), государственные закупки, электронный портал ЕИС, участники правоотношений, государственный заказчик, государственный контракт, электронный документооборот, права и интересы государственного заказчика.

Abstract

This article is aimed at considering the legal nature of the subject of research - a unified information system (UIS) for public procurement, digitalization of public services of the UIS. When writing the article, theoretical and empirical research methods were used. The purpose of the article is to analyze the dynamics of the formation and development of the UIS, the impact of electronic service on the implementation of the public procurement process and the quality of protection of the rights and interests of the state customer. The analysis of the legislative framework for public procurement, changes made to the legislation in terms of digitalization of the electronic portal zakupki.gov.ru, as well as the implementation of legal norms governing the process of electronic document management in the procurement sector was analyzed. The role of electronic progress in the public procurement process has been studied as a way to protect the interests of the state customer and the effective use of state budget funds. On the basis of the study, conclusions were drawn about the need to balance the interests of the state customer and business entities (executor of the state contract) when implementing innovations in EIS electronic services. The ways of solving the development and effective use of EIS electronic services are highlighted, namely, updating the functions of the protective mechanism of the interests of the state customer on the platform of the state e-procurement portal zakupki.gov.ru.

Keywords: unified information system (UIS), public procurement, electronic portal of the UIS, participants in legal relations, government customer, government contract, electronic document management, rights and interests of government customers.

В условиях современной экономики сфера государственных закупок занимает главенствующую роль. На государственном уровне создаются условия, при которых государство выступает в роли покупателя в естественных рыночных отношениях.

В настоящее время институт государственных закупок в Российской Федерации достаточно развился, но все же постоянно находится в процессе трансформации.

Следуя духу времени, государственные закупки, как и вся экономика, нуждаются в электронно-цифровом прогрессе. Российская Федерация, являясь частью мирового сообщества, следует современным тенденциям в области развития цифровых инноваций. Так, Указом Президента России было закреплено, что одной из целей цифрового развития экономики в России выступает внедрение технологии обработки данных с помощью электронных технологий в целях уменьшения затрат при выполнении работ, оказании услуг и производстве товаров, а также формирования цифрового общества¹.

Цифровизация экономики предопределила в том числе и новые подходы к регулированию области государственных закупок. Внедрение цифровых технологий в контрактную систему происходило в рамках развития информационного общества, где основной задачей запуска электронных сервисов было обеспечение доступности и открытости государственных услуг.

Первоначальная версия электронного портала государственных закупок в 2004 г. была разработана по заказу Министерства экономического развития для размещения информации о проводимых с 2002–2005 гг. конкурсах.

С введением в действие Федерального закона № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», в соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации № 229-р от 20 февраля 2006 г., определяется официальное издание Российской Федерации для опубликования информации о размещении заказов в сети Интернет – сайт zakupki.gov.ru².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 229-р от 20 февраля 2006 г. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102104948&rdk=0#1012

С 1 января 2011 г. законодатель обязал государственных и муниципальных заказчиков закупать товары и услуги на открытых электронных площадках, в связи с чем портал государственных закупок нуждался в усовершенствовании.

В соответствии с действующим контрактным Законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ было установлено создание электронной базы, которой впоследствии стал портал Единой информационной системы (далее – ЕИС): zakupki.gov.ru. Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 г. ответственным за разработку и бесперебойную работу ЕИС было назначено Федеральное казначейство. ЕИС официально была введена в эксплуатацию с 1 января 2016 г.

С 2019 г. все государственные закупки были переведены в электронную форму (кроме госконтрактов с единственным поставщиком), а с 1 января 2020 г. регистрация в ЕИС для всех участников стала обязательной. Другими словами, с развитием контрактной системы государственных закупок в России поэтапно модернизируется и ЕИС.

На каждом этапе развития электронные закупки встречали сопротивление как со стороны заказчиков, так и со стороны участников контрактной системы. Связано это прежде всего с техническими проблемами (обновление программного обеспечение, обучение персонала), а также психологическими, так как ломать уже сложившиеся правила и нежелание учиться новому становились основными причинами протестов. Точная оценка цифровой трансформации дана автором М. В. Шмелевой, которая говорит о том, что «перемены никогда не бывают легкими, иногда они могут быть даже болезненными, но они необходимы. Система государственных закупок должна адаптироваться и развиваться с такой же скоростью, как и меняющийся мир. Стремительные технологические изменения требуют большей гибкости от системы закупок» [6].

Концепция контрактной системы Российской Федерации закрепила принцип прозрачности организации и обеспечения государственных закупок. На сегодняшний день можно утверждать, что

ЕИС была создана с целью информационного обеспечения, обработки и хранения информации контрактной системы, с помощью которой осуществляется весь цикл механизма государственных закупок – от размещения заказа и подачи заявок на участие до контроля за исполнением государственных контрактов и мониторингом сферы государственных закупок в целом.

Стоит отметить, что проведение государственных и муниципальных закупок обеспечивается несколькими информационными системами различной ведомственной принадлежности, такими как информационная система казначейства «Электронный бюджет», информационные системы утвержденных электронных торговых площадок (далее – ЭТП), в том числе специализированная электронная площадка – Автоматизированная система торгов государственного оборонного заказа («АСТ ГОЗ»), региональные и муниципальные информационные системы в сфере закупок, информационная система ФАС России, обеспечивающая ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

ЕИС представляет собой достаточно автономную систему, в которой аккумулируется информация о государственных и муниципальных закупках (кроме малых закупок), а основные процессы взаимодействия участников и заказчиков контрактной системы выведены за границы ЕИС и осуществляются на платформах ЭТП. Кроме того, именно операторы ЭТП обеспечивают взаимодействие с банками (для открытия участникам специальных счетов для учета движения денежных средств, предназначенных для обеспечения заявок, в том числе их автоматического блокирования и прекращения блокирования и списания (в установленных случаях) на основании сообщений оператора электронной площадки [4]. Таким образом, электронные торговые площадки уменьшают технологическую нагрузку на систему ЕИС, и тем самым увеличивают возможность обеспечения прозрачности и открытости закупочных процедур.

Стоит признать, что действующая электронная система государственных закупок остается далеко несовершенной сферой в части защиты интересов государственных заказчиков. Так, по дан-

¹ Федеральный Закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 31 июля 2018 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

ным Счетной палаты Российской Федерации, несмотря на постоянное совершенствование законодательства о закупках не снижается количество нарушений, выявляемых органами контроля (аудита) в сфере закупок, общее количество которых в динамике с 2014 по 2020 г. увеличилось в 4 раза: с 21,5 до 83,5 тыс. нарушений, а общая сумма финансовых нарушений выросла почти в 6 раз: с 66,1 до 362 млрд рублей¹. Статистические данные говорят о недостаточном контроле в сфере закупок, несовершенном контрактном законодательстве, наличии недобросовестной конкуренции, пробелах в электронизации закупок, позволяющих «нечистым на руку» участникам контрактных правоотношений обогащаться за счет государственных средств.

Модернизация и цифровая трансформация необходимы для совершенствования реализации закупочной деятельности, а также возможности решать текущие проблемные вопросы. Возникают новые требования к коммуникациям, информационным системам и сервисам. Значительно увеличивается общая нагрузка на системы в связи с большим количеством пользователей в режиме онлайн. В целях информационного обеспечения контрактной системы в сфере закупок электронные системы должны постоянно модернизироваться и обновляться.

Важным шагом в трансформации электронных закупок стало внедрение в ЕИС электронного документооборота (далее – ЭДО), реализация которого была запланирована с 1 апреля 2021 г., но ввиду разных обстоятельств (в том числе неготовности ведомств) фактически заработало в середине 2021 г.

Формирование и утверждение документов о приемке товаров, работ или услуг с использованием функционала ЕИС (электронное активирование) в 2021 г. стало обязательным для установленного Распоряжением Правительства № 1659-р от 18 июня 2021 г.² перечня государственных распорядителей бюджетных средств (далее – ГРБС). Остальным государственным заказчикам рекомендовано предусмотреть в государственных контрактах условия электронного активирования. Тем не менее обязательным это нововведение станет

для всех государственных заказчиков и поставщиков с 1 января 2022 г. в соответствии с принятым от 2 июля 2021 г. Федеральным законом № 360-ФЗ³.

Реализация нового формата приемки товаров, услуг призвана оптимизировать и упростить работу государственных учреждений, контролирующих органов и участников контрактных правоотношений. Кроме того, предполагается, что сократятся сроки отправки документов, оплаты и согласования приемки товара, уменьшится бумажный документооборот, расходы на формирование, отправку документов, снизится риск технических ошибок, следовательно, повысится прозрачность и открытость закупочного процесса.

Электронные площадки активно используют ЭДО в своей работе. С его помощью они отправляют бухгалтерские документы участникам закупок – счета, акты, УПД.

Немаловажным введением стало применение участниками закупок нового функционала в ЕИС в части подачи жалобы в электронном виде в ФАС России и ее территориальные органы. По данным ЕИС, запуск функционала стал важным шагом к переходу на электронный документооборот и автоматизацию процесса рассмотрения жалоб, о чем говорят следующие цифры:

- более 2 300 жалоб подано посредством ЕИС, что составляет свыше 15% от общего количества поданных жалоб;
- в 1,5 раза меньше отказов в принятии к рассмотрению жалоб, поданных посредством ЕИС, чем жалоб, поданных на бумажном носителе.

Кроме того, использование электронного обжалования значительно снижает трудозатраты и минимизирует количество ошибок при подготовке и направлении жалоб, а также дает возможность управлять процессом подачи и отзыва жалобы через личный кабинет участника закупок ЕИС.

Электронизация сферы госзакупок предоставляет возможность государственным заказчикам получать больше информации об участниках и исполнителях. Кроме того, портал государственных закупок и другие электронные торговые площадки предлагают широкий ассортимент продукции, что

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1659-р от 18 июня 2021 г. – URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/06/main/1659-r.pdf>

³ Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

способствует росту конкуренции и, в свою очередь, улучшению качества предлагаемого товара.

Современное общество стремительно развивается. Цифровизация охватывает практически все процессы жизнедеятельности граждан (трудовую деятельность, быт, отдых, путешествия).

Следует данным тенденциям и контрактная система государственных закупок, поэтапно модернизируясь и совершенствуясь, однако постоянно вносимые изменения в контрактное законодательство приводят к усложнению процесса как для государственного заказчика, так и для участников закупочной деятельности. По словам разработчиков цифровых сервисов государственных закупок, электронизация призвана упростить процесс и предотвратить лишние сложности электронного формата процедуры закупок.

Несмотря на тенденцию роста объемов и усовершенствования контрактной системы, проблема в части защиты интересов государственных заказчиков остается актуальной. Все нововведения являются резонными, однако, к сожалению, цифровые технологии осваиваются недобросовестными участниками гораздо быстрее, чем меняется контрактное законодательство.

Учитывая данный факт, при реализации цифровых инноваций в сфере государственных закупок необходимо соблюдать баланс интересов государства и субъектов бизнеса, поскольку закупки базируются на государственных финансах. Законодателю следует обратить внимание на инновацию функций защитного механизма интересов государственного заказчика.

По нашему мнению, следует принять ряд управленческих решений:

- совершенствовать цифровое взаимодействие ЭТП (в том числе региональных) и ЕИС, в настоящий момент на форумах госзакупок остается много негатива по части работоспособности электронных площадок и передачи информации с них в ЕИС, в связи с чем заказчику приходится дублировать размещенную информацию;

- доработать вопрос обеспечения исполнения государственного контракта, а именно следует ввести некоторые преференции (скидки по объему обеспечения заявок и исполнения контрактов) для компаний, качественно исполнивших ранее заключенные госконтракты, с анализом размещенных подтверждающих документов в ЕИС, а также установить регистрацию и закрепить контроль на уровне Центрального банка Российской

Федерации банковских гарантий, обеспечивающих заявки на участие и исполнение государственных контрактов;

- настроить процесс взаимодействия, интеграции информационных систем Федеральной налоговой службы и ЕИС, с возможностью проверки заказчиком данных из ЕГРЮЛ информации о потенциальном поставщике;

- предоставить государственному заказчику возможность отображать поэтапное исполнение государственного контракта в ЕИС и в случае нарушений сроков исполнения контракта или поставки товара несоответствующего качества передавать информацию из ЕИС в ФНС для дальнейшего блокирования банковских счетов нарушителя (как в случае неуплаты налогов).

Данные меры позволят государственному заказчику сократить время и ресурсы на проверку надежности поставщика, его обеспечительной документации, а также уменьшить количество нарушений в части исполнения государственных контрактов, а следовательно, увеличит результативность и эффективность сферы государственных закупок.

В целом можно сказать, что стремительное развитие сферы государственных закупок предполагает большую решимость и одновременно гибкость от законодателя при принятии технологических решений.

Важность осуществления цифровой трансформации процессов закупочной деятельности заключается также в сложности и объемности закупочного законодательства.

Дальнейшее развитие и реализация электронных технологий позволят упростить процедуру государственных закупок, однако решение одних проблем может привести к появлению новых, во избежание которых необходимо проводить постоянное тестирование программных комплексов и систем, проведения обучающих семинаров online (на базе ЕИС).

Создание комплекса управленческих механизмов для решения возникающих проблем информационного обеспечения государственных закупок в электронном формате является частью эффективного социально-экономического развития Российской Федерации на современном этапе.

Таким образом, цифровизация государственных закупок должна реализовываться, защищая прежде всего государственные интересы (в интересах российских граждан) и сохраняя государственные финансы.

Список литературы

1. Бижоев Б. М. Основы интеллектуальной контрактной системы в сфере государственных закупок // Журнал экономического регулирования. – Т. 9. – № 1. – 2018.
2. Гладиллина И. П. Критерии оценки эффективности деятельности работников контрактных служб столичного мегаполиса // Актуальные вопросы развития профессионализма заказчиков в системе закупок города Москвы : сборник научных статей. – Чехов, 2016. – С. 16–19.
3. Гладиллина И. П., Кадыров Н. Н., Строганова Е. В. Цифровая грамотность и цифровые компетенции как фактор профессионального успеха // Инновации и инвестиции. – № 5. – 2019. – С. 62–65.
4. Стырин Е. М., Родионова Ю. Д. Единая информационная система в сфере закупок // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 3. – С. 49-70.
5. Ширина Ю. Ю. «Цифровизация» закупок: взгляд с практической стороны // Вестник института государственных закупок. – 2019. – № 4. – С.17.
6. Шмелева М. В. Цифровая трансформация системы государственных и муниципальных закупок // Юрист. – 2019. – № 7. – С. 15–22.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-20-24>

Особенности интеграции блокчейн-технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью (интеллектуальными правами)

А. В. Генералов

аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»,
117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а.
E-mail: anton.generalov@mail.ru

Features of the Integration of Blockchain Technologies in the Field of Intellectual Property (Intellectual Property) Management

A. V. Generalov

Postgraduate Student of the Russian State Academy of Intellectual Property.
Address: Russian State Academy of Intellectual Property,
55a Miklukho-Maklay st., Moscow, 117279, Russian Federation.
E-mail: anton.generalov@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам, касающимся особенностей интеграции блокчейн-технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью (интеллектуальными правами). Автором была поставлена задача выявить проблемы, которые существуют в сфере управления интеллектуальной собственностью, а также провести исследование возможностей применения блокчейна для решения таких целей. Дополнительной задачей было продемонстрировать, как блокчейн может справиться с вызовами, которые существуют в традиционной системе управления интеллектуальной собственностью. В статье используются такие методы научного исследования, как теоретический анализ, сопоставление, синтез, индукция и дедукция. Раскрыты аспекты, касающиеся управления объектами промышленной собственности и авторского права. Проведен технологический анализ решений по выявленным особенностям блокчейна в отношении управления интеллектуальной собственностью. Сформулирован вывод о том, что при интеграции блокчейн-технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью (интеллектуальными правами) это позволит упростить систему поиска объектов интеллектуальных прав, ускорив такой процесс, и предоставит обладателям интеллектуальных прав гарантии в том, что их достижения будут находиться под защитой.

Ключевые слова: блокчейн, распределенный реестр, промышленная собственность, авторское право, борьба с контрафактной продукцией, одноранговые платежи, смарт-контракты, доказательства прав собственности, схемы согласия, дью-дилидженс, товарный знак, лицензирование, национальный реестр.

Abstract

The article is devoted to issues related to the features of the integration of blockchain technologies in the field of intellectual property (intellectual property) management. The author was tasked to identify the problems that exist in the field of intellectual property management, as well as to conduct research on the possibilities of using blockchain to solve such goals. An additional task was to demonstrate how the blockchain can cope with the challenges that exist in the traditional intellectual property management system. The article uses scientific research methods such as theoretical analysis, comparison, synthesis, induction and deduction. Disclosed aspects related to the management of industrial property and copyright. A technological analysis of solutions on the identified features of the blockchain in relation to intellectual property management was carried out. The conclusion is made that when integrating blockchain technologies in the field of intellectual property (intellectual property) management, this will simplify the system for searching for objects of intellectual property, speeding up this process and providing guarantees to intellectual property owners that their achievements will be protected.

Keywords: blockchain, distributed ledger, industrial property, Copyright, fight against counterfeit products, peer-to-peer payments, smart contracts, proof of ownership, consent schemes, due diligence, trademark, licensing, national register.

Быстрорастущие темпы цифровизации и технологический бум привели к развитию и интеграции совершенно новых технологий. Анализируя историческое развитие экономики XX в., можно утверждать, что мир на 80% состоял из фиатных активов, а оставшиеся 20% представляли собой нематериальные объекты (новые развивающиеся технологии, маркетинг, брэндинг и т. д.), которые формировали интеллектуальную собственность.

В XXI в. все изменилось. Нематериальные активы промышленных и научных предприятий благодаря внедрению 3D-печати и искусственного интеллекта предоставили великолепные возможности для бизнеса производить высокотехнологичную аналоговую продукцию, тем самым обостряя проблему, касающуюся защиты авторских прав [2. – С. 2]. В связи с этим актуальным является решить вопрос по созданию системы, которая смогла бы управлять интеллектуальной собственностью, в корне отличаясь от традиционной системы. Так как на сегодняшний день тот объем правовой информации, который содержится в ней, недостаточен и имеются устаревшие способы управления интеллектуальной собственностью (далее – ИС), они не могут больше справляться с теми вызовами, которые привносит окружающий нас мир, изменяющийся технологически и социально. Блокчейн имеет все возможности, чтобы стать полезным инструментом, и это предстоит раскрыть далее.

Для начала, для прозрачности понимания, рассмотрим определение блокчейна. Данный инструмент подразумевает под собой некую информационную технологию, где происходит процесс шифрования и передачи данных через самоформирующийся распределенный реестр, в котором представлены сведения о проведенных операциях с тем или иным массивом данных. Она предоставляет надежную систему записи данных, которая позволяет двум и более сторонам цепочки децентрализованной системы участвовать в транзакции без сопутствующих рисков, блокируя стороннее вмешательство, к примеру кибератаки. Проходя каждую цепочку вычислительных решений, каждый блок сети поэтапно проверяется и передается всем участникам этой сети и также проверяется каждым из этих участников узла [8. – С. 21]. Когда блок данных прошел стадию проверки, затем следует стадия добавления его в реестр или цепочку данной сети. Таким образом, это обеспечивает надежность проведенной операции в рас-

пределенном реестре, что не дает принять неверное решение в блоке цепи этого распределенного реестра [8].

Из описания определения блокчейна можно сделать вывод о том, что при применении этого новаторского инструмента для ИС открывает широкие перспективы в целях усовершенствования процедуры регистрации объектов интеллектуальной собственности. Блокчейн также помогает упростить процедуру отслеживания объектов интеллектуальных прав, а именно сделать для нематериальных объектов процесс такой регистрации легким и безопасным.

Немаловажным преимуществом является возможность использования технологии для однорангового способа передачи активов, ускорения системы платежей или транзакций в режиме реального времени для любого субъекта.

Существует также важная преимущественная составляющая – доказательство прав собственности [1. – С. 43]. Давно используемая система охраны объектов промышленной собственности (товарных знаков, патентов и пр.), как известно, основана на национальных реестрах прав на объекты интеллектуальной собственности, исходя из принятых правил ведущих ведомств по товарным знакам и патентам. В системе насчитывается более 190 организаций. В Российской Федерации это Роспатент, который использует традиционную систему регистрации объектов интеллектуальных прав. К сожалению, такой процесс является долгим, что приводит к невозможности успеть в более выгодный срок обработать большое число заявок, а для разработчиков и создателей объектов интеллектуальной собственности это является неблагоприятным фактором, так как для них важно, чтобы все их идеи могли быть претворены в жизнь как можно скорее [8. – С. 21].

Таким образом, при помощи блокчейна объектам промышленной собственности потребуются затрачивать мало времени для прохождения процедуры их регистрации или проведения корректировки данных, при этом отображается полный отчет о потенциальных нарушениях или несоответствиях о публикуемом объекте.

Упрощается процедура лицензирования, если использовать умные контракты блокчейна. Благодаря такому реестру управление правами и распределением ответственности делает каждое решение в такой системе слаженным и выверенным.

Потенциал, который хранит в себе распределенный реестр блокчейна, предоставляет использование единой системы, которая не потребует винушительных изменений в законодательстве, скорректировав лишь цифровые сделки. Объем правовой охраны и ее срок будет зависеть от индустрии, так как цифровые платформы позволяют делать гибкие сроки охраны. Особенность отличия блокчейна от традиционной системы заключается в том, что блокчейн «уходит» от устаревшей модели оценки новизны и проверки на качество объектов интеллектуальных прав. Его применение позволяет предоставлять *более детализирующую, ускоренную оценку* новизны и качества для любого нового объекта. После внедрения такой технологии эксперты, которые компетентны по той или иной отрасли ИС, сэкономят много времени для правовой оценки, предоставления экспертизы, сокращая сроки для патентования объектов. Это дает возможность проследить за всем циклом продвижения экспертизы объекта ИС: предоставляя информацию о том, когда товарный знак впервые был подан, зарегистрирован, использован в торговле; когда дизайн, товарный знак или патент были лицензированы, переданы и т. д. Вдобавок большим плюсом является то, что при использовании открытой публикации для патента имеется перспектива получения вознаграждения для тех, кто стоял у истоков создания объекта ИС. При помощи внедрения блокчейна в ИС авторам или создателям будет уже гарантирована возможность получать достойную оплату за свои труды.

Стоит отметить плюсы и в интеграции данной технологии в систему ускоренного и упрощенного доступа к данным, когда стоит задача для администрирования прав ИС. Такое решение может быть актуальным для субъектов, обладающих одним и более товарными знаками, где зачастую судебные разбирательства проходят одновременно не в одной территориальной юрисдикции.

Проведение сделок с ИС осуществимо через процедуру дью-дилидженс, когда стоит сложная задача при слиянии или поглощении компаний или организаций. Весомый вклад блокчейн делает при решении проблемы с конфиденциальностью, когда владельцы интеллектуальных прав при помощи схемы согласия (opt-in) при использовании системы смарт-контрактов, во-первых, минимизируют расходы и время по операциям. Во время передачи данных не требуется тратить несколько дней на совершение транзакций, а это, в свою

очередь, позволяет обезопасить любую транзакцию от перехвата злоумышленниками. Во-вторых, то же самое касается и обеспечения безопасности данных, когда блокчейн предоставляет полные гарантии по их конфиденциальности, а это означает сохранность ценных документов, цифровых ключей, схем и много другого [3. – С. 67]. В-третьих, метод предоставления достоверной информации об использовании товарного знака в коммерческой деятельности – официальное ведомство, отвечающее за охрану объектов промышленной собственности, которое может узнать исчерпывающую информацию о конкретном товарном знаке и потенциальных нарушениях.

Рассмотрим раздел авторского права, примером которого послужит Бернская конвенция «Об охране литературных и художественных произведений» 1886 г. Учитывая заложенные в ней принципы, произведения охраняются, если они отвечают критерию оригинальности. Другие критерии не определены. Блокчейн в этой связи может не только быстро передавать информацию об объекте авторского права и о его правообладателе, но также и о всех сопутствующих данных – дизайне, работе создателя, подкрепляя это фиксируемой временной отметкой о созданном объекте.

Известны четыре общепризнанных вида регистрации права на произведение:

- 1) произведение создано = право приобретено;
- 2) право оформлено и его авторство обнаружено;
- 3) вовлечение третьих лиц на законных основаниях в рамках исключительного права на такое произведение (регистрация прав);
- 4) право, приобретенное субъектом на пользование и распоряжение произведением.

Анализируя, можно отметить среди ранее исследуемых преимуществ блокчейна то, что он может сыграть огромную роль на этапе создания произведения, устранив проблему по порядку определения вознаграждения за созданную работу. Автор после создания произведения имеет гарантии, что любое вмешательство со стороны третьих лиц и другого рода незаконной активности на его произведение будет полностью исключено.

Потенциал блокчейна довольно широк, в чем можно убедиться, упростив с его помощью процесс получения всей необходимой защищенной информации об объекте. Это помогает заключить договор и провести любую сделку любой степени

сложности, защищая интересы авторов при заключении договоров с их потенциальными партнерами, исключая в дальнейшем судебные разбирательства, так как каждая сделка подтверждается верифицированной цифровой подписью [4. – С. 12].

Не стоит забывать и об лицензионном аспекте, который является важным направлением при лицензировании программ для ЭВМ (электронно-вычислительных машин). Блокчейн осуществляет контроль за лицензионными соглашениями, удостоверяет, что все этапы соблюдены и также то, что передача права на объекты ИС от одного правообладателя к другому проведена без нарушений. Процесс не требует дополнительных проверок данных о правообладателе авторских прав, предотвращает и борется с недобросовестной конкуренцией (пиратством).

Блокчейн после подключения к глобальной системе защиты интеллектуальных прав сможет за считанные секунды получить достоверную информацию. Создателям и авторам больше не придется переживать о судебных тяжбах и разрешении споров по защите своих законных прав на свои создания, а судам это сократит путь к вынесению решения [3. – С. 81].

Применение блокчейна возможно и в сфере ИС товарных знаков, для борьбы с незаконным их использованием, например, при производстве контрафактной продукции. Для того чтобы упростить судебное разбирательство и вынести правильное судебное решение в сложившемся споре, блокчейн находит достоверные факты и определяет сторону, которая права (идентифицировать конкретного лицензиата, точки взаимодействия в сделках, цепочки поставок, дополняя это информацией о связи с потребителем и таможней и проверяя оригинальность продукта). Поиск по выявлению происхождения товарного знака дает следствию точные данные о том, когда и где произведена продукция, учитывая этапы производства и происхождения сырья.

Технология успешно может зарекомендовать себя в любой отрасли и предоставить гарантии потребителям, о достоверности информации об объекте. Примером может послужить система,

применяемая на различных способах тегирования, штрих-кодов, что является гарантом защиты от вмешательства со стороны правонарушителей.

Неограниченно поле действия блокчейна для процесса сертификации путем прикрепления марок оригинальности, что дает возможность учесть все критерии подлинности и соответствовать установленным, принятым законодательно стандартам, что является показателем качества изготовленного товара (например, 100% шелка).

На сегодняшний день большинство стран продолжают искать решения, которые бы смогли регулировать блокчейн в сфере управления интеллектуальной собственностью (интеллектуальными правами) на законодательном уровне, так как без утвержденных нормативных правовых актов у такой технологии не будет шансов, для того чтобы интегрироваться в правовое поле любой страны. В России по части регулирования криптовалют, которые разработаны на системе блокчейна, они регулируются законом № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте»¹. Такой закон имеет ограниченную силу влияния на криптовалюты и по-прежнему имеет массу недочетов. Без разработки и принятия соответствующих законов, а также определения места блокчейна не получится учесть судебную ответственность, которая будет применяться в случае недолжного следования указам и постановлениям, при интеграции новой технологии в российском праве. Необходимо принять закон, который в дальнейшем регулировал бы ее. Большие вызовы имеются и перед различными юрисдикциями позитивно настроенных к блокчейну стран, так как создание единого международного реестра могло бы в разы упростить обмен информацией о всех интересующих потребителя и органы власти данных об объектах ИС.

Логичным будет дальнейшая переквалификация кадров, работающих в сфере ИС, что потребует определенных затрат на переобучение сотрудников, которые не смогут быстро интегрироваться в новую систему, учитывая также и проблему по хранению огромного массива данных и затрат на электроэнергию, проводников и других компонентов.

¹ См.: Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 06.03.2022).

Ожидаемые сбои в работе компьютеров и поддерживающих устройств, хакерские атаки и многие другие вызовы [5. – С. 14] являются угрозами, и тем не менее даже при таких потенциальных угрозах обществу требуются новые, свежие решения по управлению за ИС. Примером доверительного отношения к блокчейну может послужить, пример, Комиссия Европейского союза и США, которые уже делают первые шаги в этом направлении и решили создать обсерваторию блокчейна (исследование направлений применения технологий во благо правовой системы Евросоюза и США).

Ведомство интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO) и Конгресс США создали группы по изучению блокчейна [6].

В результате приходим к выводу о том, что блокчейн может успешно интегрироваться в сферу управления ИС. Он будет гарантировать выполнение всех условий по защите объектов интеллектуальных прав, а также защиту коммерческой тайны объектов ИС, их алгоритмов, баз данных, программного обеспечения, исключать предполагаемые риски нарушения авторских прав [7. – С. 31]. Выбор остается за органами власти и правообладателями ИС: идти в ногу со временем или продолжать использовать традиционную систему управления ИС. Блокчейн создаст благоприятный новый фундамент для наиболее эффективного взаимодействия с правообладателями интеллектуальных прав, защищая их интересы и их законные права.

Список литературы

1. *Биргит К., Бэкер М. К.* Блокчейн и право интеллектуальной собственности // WIPO Magazine. – 2018. – № 1. – URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2018/01/article_0005.html (дата обращения 02.03.2022).
2. *Ивалиев Г.* Интеллектуальная собственность. Задачи, перспективы, пути развития // Материалы международной конференции «Цифровая трансформация: интеллектуальная собственность и блокчейн-технологии». – М., 2018.
3. *Матыченко Д. В.* Технология блокчейн в сфере управления интеллектуальной собственностью // Научные записки молодых исследователей. – 2019. – Т. 7. – № 4. – С. 81–88.
4. Открытие блокчейн: глобальное нормативно-правовое руководство // Нортон Роуз Фулбрайт. – Лондон, 2018.
5. *Развал С.* Децентрализованные приложения. Технология блокчейн в действии. – СПб. : Питер, 2017.
6. *Свон М.* Блокчейн: схема новой экономики. – М. : Олимп Бизнес, 2017.
7. *Тапскотт Д., Тапскотт А.* Блокчейн-революция. Как технология, стоящая за биткоином и другими криптовалютами, меняет мир. – М. : ЭКСМО, 2017.
8. *Юничи Кишигами, Шигеру Фуйимура, Хироки Щатанабе, Атсуши Накадаира, Акихико Акутсу.* Система распределения цифровой информации на основе технологии блокчейн : пятая Международная конференция IEEE по большим данным и облачным вычислениям 2015. – Китай : Далянь, 2015.

Регулирование деятельности физических лиц в Интернете

Ю. Г. Белозерова

аспирантка кафедры юридических и специальных дисциплин ПГУ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»,
357532, Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.

E-mail: yulianna3@bk.ru

Regulation of the Activities of Individuals on the Internet

Y. G. Belozerova

Post-Graduate Student of the Department of Legal and Special Disciplines of the PSU.

Address: Pyatigorsk State University, 9 Kalinina Avenue, 357532, Pyatigorsk, Russian Federation.

E-mail: yulianna3@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается идея интеграции некоторых норм, содержащихся в главе 3 Гражданского кодекса Российской Федерации, затрагивающих вопросы дееспособности лиц и возрастного критерия в сети Интернет. Разграничение прав, а равно возможностей пользователей по возрастным и иным критериям, необходимо для корректного осуществления деятельности в цифровой среде и защиты их законных интересов в правовом поле. Необходимость распределения прав и обязанностей в сети обусловлена коммерческим характером, который начинает приобретать Интернет. Три десятка лет назад сеть использовали лишь в интересах государства, затем, для получения информации, немного позже стало популярным общение посредством сети, в настоящее время Интернет является мощным инструментом для осуществления коммерческой деятельности в самых различных сферах, начиная с оказания услуг частными лицами и заканчивая размещением государственных заказов.

Ключевые слова: сеть Интернет, дееспособность, уровень доступа, совершеннолетнее лицо, база данных, верификация данных.

Abstract

The article discusses the idea of integrating some of the norms contained in Chapter 3 of the Civil Code of the Russian Federation, affecting the issues of legal capacity of persons and the age criterion on the Internet. The differentiation of rights, as well as the capabilities of users according to age and other criteria, is necessary for the correct implementation of activities in the digital environment and the protection of their legitimate interests in the legal field. The need to distribute rights and obligations in the network is due to the commercial nature that the Internet is beginning to acquire. Three decades ago, the network was used only in the interests of the state, then to obtain information, a little later, communication through the network became popular, but now the Internet is a powerful tool for commercial activities in various fields, from the provision of services by individuals to the placement of government orders.

Keywords: Internet network, legal capacity, access level, adult, database, data verification.

Ни для кого не секрет, что Интернет стал целым государством, обособленным и развивающимся по своим канонам. В настоящее время более 60% жителей планеты ежедневно используют Интернет по своим интересам. Сеть открыта как для самого молодого поколения, так и для людей старшего возраста, доступ не ограничивается и по другим факторам, таким как пол, раса, религиозная принадлежность, что, несомненно, справедливо и соответствует общему смыслу права Российской Федерации и международного. При этом

Интернет не ограничивается в пользовании, он без труда позволяет получать новую информацию, знания, посещать онлайн новые места, способствует расширению кругозора.

Такой подход принципиально отличает Интернет-государство от реального государства, где действуют определенные запреты и ограничения для некоторых категорий граждан [3].

Так, например, государство разделяет физических лиц на граждан страны, иностранных граждан и лиц без гражданства, наделяя каждую категорию

правами и обязанностями и устанавливая необходимые ограничения и запреты. В качестве примера можно привести запрет для иностранных граждан либо лиц без гражданства занимать должность на государственной службе¹. Государство наделяет либо ограничивает в правах лиц по таким основаниям, как возраст, наличие либо отсутствие дееспособности. Так, малолетнее лицо не вправе самостоятельно совершать любые сделки, так же как и лицо, лишенное дееспособности². Даже если несовершеннолетнему или недееспособному лицу все-таки удастся заключить какую-либо сделку, она непременно будет признана ничтожной и по данной сделке будут приняты последствия признания ее недействительной.

В сети Интернет, напротив, условно все пользователи изначально считаются полностью дееспособными, обладающими всем спектром прав и способными исполнять свои обязанности с точки зрения гражданского права. Соответственно, любой пользователь может приобрести на сайте практически любой товар или услугу, и в том случае если для их приобретения не требуется государственная регистрация или нотариальное удостоверение, то продавец, или специалист, скорее всего не станет проверять, дееспособность лица, совершившего покупку, т. е. достижение необходимого возраста. Однако такая сделка впоследствии может быть признана ничтожной³.

Вместе с тем безответственное пользование ресурсов Интернета может привести к неблагоприятным последствиям, например, к убыткам. Поэтому для некоторых категорий пользователей все-таки необходимо ограничить функционал и законодательно установить правила пользования ресурсами Интернета.

Как известно, не каждый совершеннолетний пользователь обладает дееспособностью в той мере, какая необходима для вступления в любого рода гражданские отношения. Согласно статье 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), граждане считаются способными приобретать права и осуществлять свои обязанности в полной мере по достижению 18-летнего возраста, за исключением случаев эмансипации. И если, при заключении сделки в реальном мире, стороны

могут проверить документы, затребовать специальные справки, визуально оценить потенциального контрагента, то в отношениях, опосредованных цифровой сетью, данных процедур практически никогда не проводится. Таким образом, любое лицо, имея доступ в Интернет, к кредитной карте (зачастую даже не своей) или иным документам, может совершить покупку путем акцепта на публичную оферту, предложить выполнение услуги и т. д., т. е. совершить сделку на крупную сумму, не имея на то достаточного объема правоспособности [1].

В том, что касается физических лиц, ГК РФ субъектами права признаются лица, достигшие совершеннолетнего возраста, не лишенные и не ограниченные в дееспособности. Однако не каждый посетитель сети подпадает под данные параметры. Тем не менее запрещать использование интернет-ресурсов лицам, не обладающим полной дееспособностью, либо не достигшим совершеннолетнего возраста, было бы неразумно. Это, безусловно, ущемляло бы их конституционные права.

Вместе с тем ограничение прав некоторых категорий граждан в сети необходимо так же, как и их защита. Существует потребность в интеграции положений ГК РФ в сеть Интернет с учетом специфики цифровой среды. В первую очередь, необходимо определить, что деятельность в интернет-пространстве могут осуществлять как физические лица – граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, так и юридические лица, посредством представителей, имеющие доступ к информационно-телекоммуникационной сети.

Для защиты прав добросовестной стороны гражданских правоотношений, равно как и для предупреждения неблагоприятных последствий, пользователям сети Интернет необходимо проходить регистрацию с подтверждением возрастных данных. Для этого следует создать площадку по типу поисковой системы «Яндекс», где возможность просмотра информации и осуществления деятельности, порождающей юридические факты, появится только после регистрации пользователя с прохождением возрастной и иных проверок,

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 8 декабря 2020 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 января 2021 г.) // Парламентская газета. – 2004. – 31 июля.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Статья 3301.

³ Звонарева Л. В. Глобальные проблемы современности : учебное пособие. – Тюмень : ГАУСЗ, 2016.

т. е. создавать реестр пользователей с присвоением уровня допуска к совершению определенного рода контента и сделок.

Так, например, 4-й уровень допуска будет означать, что пользователь вправе совершать только мелкие бытовые сделки, не превышающие сумму 5 000 тыс. рублей, либо сумму, установленную его родителями, законными представителями в качестве дневного лимита. При этом он не вправе заниматься деятельностью, направленной для извлечения прибыли, так как является малолетним лицом; также такому лицу будет ограничен доступ на сайты, содержащие информацию, недопустимую для просмотра данной категорией лиц, контенту [2]. Такими пользователями должны признаваться лица, не достигшие четырнадцатилетнего возраста, и их регистрацию в сети необходимо проводить с одобрения их родителей, законных представителей, имеющих доступ 2-го уровня.

К 3-му уровню допуска будут относиться лица от 14 до 18 лет, а уровень 3а будет означать, что лицо ограничено судом в дееспособности, является совершеннолетним, но может совершать только мелкие бытовые сделки, либо иные сделки с одобрения попечителя, который должен иметь доступ не ниже 2-го уровня. Также лицам, имеющим доступ 3-го уровня, будет открыт доступ к информации, имеющей обозначение возрастных ограничений 12+.

Соответственно, доступ к 2-му уровню должен подразумевать совершеннолетнее (эмансипированное) лицо, обладающее полной дееспособностью и в полной мере способное нести ответственность за свои действия. Таким лицам будет доступен полный функционал сети и доступ к любой информации, распространение которой не ограничено или не запрещено законодательством Российской Федерации.

К 1-му уровню доступа следует отнести юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан, оплачивающих специальный налог на профессиональный доход (самозанятые), зарегистрированных в установленном законом порядке. К лицам 1-го уровня будут относиться все те, кто предоставляет в сети Интернет услуги, продает товары, т. е. кто осуществляет предпринимательскую деятельность, направленную на систематическое извлечение прибыли.

Для лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, 3-й уровень присваивается автоматически на основании указанных данных о дате рождения. Автоматически присваивается и 2-й уровень лицам, имеющим 3-й уровень доступа и достигшим совершеннолетнего возраста.

Для того чтобы получить 1-й уровень доступа, лицо должно иметь 2-й уровень. Если лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, имеющее 3-й уровень, признано в установленном законом порядке эмансипированным, оно автоматически приобретает 2-й уровень и вправе получить 1-й уровень доступа.

Для присвоения 1-го уровня гражданину необходимо предоставить документ, справку или выписку о постановке на учет в налоговом органе по месту регистрации. После проверки всех необходимых документов такое лицо вправе осуществлять в сети предпринимательскую или иную деятельность, предусмотренную гражданским законодательством Российской Федерации [6].

В интернет-пространстве существует подобная площадка, где регистрация не является формальной процедурой, и информация о лице подтверждается документально с использованием баз данных налоговых и пенсионных органов.

Так, с 15 декабря 2009 г. начал действовать справочно-информационный интернет-портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации (ЕПГУ)¹, посредством которого можно онлайн записаться на прием к врачу, оплатить налоги, подать заявление на получение пособий и т. д. На указанном портале без регистрации можно ознакомиться с общей информацией и правилами сайта. При этом для совершения юридически значимых операций необходимо пройти процедуры регистрации и аутентификации личности с указанием паспортных данных. Причем персональные данные находятся под защитой нескольких механизмов безопасности, таких как межсетевые экраны, средства анализа содержимого, средства предотвращения вторжений, антивирусные средства, средства мониторинга и контроля защищенности². Это подтверждает реальную возможность регистрации пользователей с указанием действительных данных, а также не менее важный фактор – конфиденциальность персональных данных.

¹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Портал_росударственных_услуг_Российской_Федерации (дата обращения: 09.12.2020).

² URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/personal>. (дата обращения: 09.12.2020).

В настоящее время имеются необходимые средства для создания такой площадки, которая будет отвечать всем требованиям гражданского законодательства и распространять свое действие на граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляющих коммерческую или иную деятельность в русскоязычном пространстве, а также являющихся обычными потребителями.

Диверсификация по возрастному цензу и исходя из наличия дееспособности обуславливается необходимостью безопасного развития экономики, а также для поддержания бизнеса и профилактики мошенничества в Интернете, которое с каждым годом набирает обороты [7].

По данным, предоставленным Центральным Банком Российской Федерации, только за третий квартал 2021 г. мошенники украли у россиян более 3,2 млрд рублей¹.

Так, каким образом обязательная регистрация с верификацией данных может защитить пользователей и предпринимателей?

Прежде всего, каждая совершенная сделка будет заведомо совершаться совершеннолетними лицами, т. е. сделкоспособными (дееспособными лицами). Это значительно снизит количество споров по сделкам, совершенным в сети Интернет по основаниям участия ненадлежащей стороны, необоснованного отказа от сделки и т. д. В свою очередь стороны смогут быть уверенными друг в друге и вступать в безопасные отношения. Продавец, или эксперт, оказывающий услуги, будет знать, что собой представляет контрагент, а потребитель без страха и риска сможет приобретать товар и услуги.

В настоящее время вопрос гражданского регулирования сети Интернет остается актуальным, и большинство исследователей считают необходимым развитие правового регулирования отношений в информационной среде. Однако прежде, чем начать внедрение правовых норм и интегрировать их в цифровую среду, необходимо определить комплекс прав и обязанностей для каждой категории пользователей. Данное требование позволит повысить качество развития гражданско-правовых отношений в интернет-среде. Разграничение пользователей по уровням допуска, в каждом из которых предусмотрен определенный пе-

речень прав и обязанностей, поможет предупредить значительное количество нарушений гражданских прав в сети Интернет.

При этом встает вопрос, каким образом можно будет получить информацию о потенциальном контрагенте и уточнить, в праве ли данное лицо вступать в договорные отношения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выделить две сферы, в которых пользователь может функционировать в Интернете [5]. Так, пользователь может получать информацию бесплатно, просматривая видеоролики, слушая музыку, играя в игры, а может приобретать все вышеперечисленное за деньги, так же как и разнообразные товары, заказывать услуги и пр.

Необходимо также создать для каждого уровня сетевой профиль, доступ в который будет возможен по достижению определенного возраста и при наличии полной дееспособности. В случае добавления новой информации автору или правообладателю нужно определить, в какой профиль он разместит свою работу и для какого уровня допуска она предназначена. Затем, после обязательной проверки администраторами изображение, видео-, аудиопроизведение будут подлежать публикации.

При регистрации в сети Интернет у каждого пользователя создается личный аккаунт, содержащий персональную информацию, которая необходима лишь для процедуры регистрации и верификация данных о личности и не может быть раскрыта неопределенному кругу лиц. Такая информация должна иметь несколько уровней защиты: с помощью межсетевых экранов, механизмов анализа содержимого, средств предотвращения вторжений, антивирусных средств, непрерывного мониторинга и контроля защищенности.

Таким образом, автор предлагает размещать информацию в виде цифрового обозначения с указанием соответствующего уровня доступа, что поможет без раскрытия личной информации потенциальному контрагенту убедиться в том, обладает ли будущий партнер сделкоспособностью в той мере, в какой это необходимо. В том случае, когда необходима более конкретная информация, она может быть предоставлена в личном аккаунте пользователя, но в том объеме, в каком решит пользователь, путем направления запроса в адрес потенциального контрагента. При этом информация предоставляется не самим контрагентом, а

¹ URL: <https://www.pnp.ru/social/v-cb-rasskazali-skolko-deneg-moshenniki-ukrali-u-rossiyan-v-tretem-kvartale-2021-goda.html>

интернет-порталом, а контрагент дает лишь разрешение на ее предоставление.

В случае возникновения конфликтных ситуаций (например, незаконное использование изображений, оскорбление в сети, нарушение авторских прав), доступ к информации может быть предоставлен администрацией портала по заявлению лица, чьи права нарушены. Данным лицом должны быть предоставлены доводы, доказывающие факт правонарушения. При этом объем предоставляемых персональных данных должен быть обоснован необходимостью их использования для личного обращения с претензией в соответствующие государственные органы (суд, полицию). Данные правила предотвратят несанкционированный доступ к необоснованному завладению полным объемом личных данных.

Стоит отметить, что пользователь вправе зарегистрироваться в сети только один раз, т. е. один пользователь может создать от своего имени только один аккаунт. Также при создании аккаунта необходимо исключить возможность регистрации без предоставления паспортных данных. Такие меры станут существенной преградой к созданию ложных аккаунтов и благоприятным образом повлияют на сокращение числа киберпреступлений, поскольку зачастую преступления в сети совершаются именно с подменных аккаунтов, где указаны недостоверные данные либо данные лица, непричастного к созданию аккаунта или сайта.

Регистрация и верификация данных пользователей, помимо уменьшения числа правонарушений, существенным образом облегчит процесс привлечения правонарушителей к ответственности, а также взыскание убытков, поскольку появится возможность узнать данные правонарушителя для направления претензии или искового заявления.

Создание подобной системы на национальном уровне – вполне выполнимая задача, которая потребует немало времени и сил. Существует множество задач, решение которых обусловлено созданием базы данных, имеющей необходимые резервы для хранения огромного количества информации, обеспеченной технологическими мощностями, способными обрабатывать терабайты информации.

Вместе с тем необходимо создание документальной базы, включающей принципы политики обработки персональных данных, согласие на обработку персональных данных от пользователей, правила пользования новым интернет-ресурсом, которые должны приниматься каждым пользователем, желающим зарегистрироваться в Интернете.

В настоящее время также остается актуальным вопрос безопасности и предотвращения потери персональных данных. Следовательно, необходимо предпринимать активные действия к защите информации, что требует наличия специалистов, которые будут разрабатывать новые уровни защиты персональных и коммерческих данных.

Список литературы

1. Березуев Е. А., Звонарева Л. В. Квазимодернизация в современной России как противостояние ценностей модернизма и традиционализма // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 93–98.
2. Булдаков В. П. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем // Вопросы философии. – 2015. – № 12. – С. 15–26.
3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики) : в 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Новый хронограф, 2016. – Т. 2.
4. Заева Т. И. Сенатор И. В. Лопухин о проблемах гражданской ответственности личности // Вестник МГТУ. – 2014. – Т. 17. – № 4. – С. 681–686.
5. Симонова И. А., Кружкова О. В. К проблеме соотношения гражданской субъектности и исторической ответственности // Вестник Омского университета. – 2016. – № 3. – С. 27–32.
6. Сеницын С. А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. – 2015. – № 6. – С. 52–67.
7. Степанов Д. И. Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 21–26.

ОИ: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-30-36>

Правовое регулирование института кормления в Московском государстве в начале XVI в.

А. В. Серегин

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Legal Regulation of the Institution of Feeding in the Moscow State at the Beginning of the 16th Century

A. V. Seregin

PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Аннотация

В статье рассматриваются историко-правовые проблемы юридического оформления института кормления в условиях создания и укрепления единого централизованного Русского государства в начале XVI столетия. На основе изучения содержания великокняжеских и удельных грамот о кормлении делается ряд выводов об ограничении полномочий представителей общедержавной власти на местах. Доказывается, что московские государи правовыми средствами ограничивали произвол наместников, волостелей, тиунов и других должностных лиц общерусской администрации строго прописанными сроками, объемами обязательных выплат в натуральной или денежной форме для их материального содержания, а также путем предоставления соответствующих привилегий отдельным профессиональным сообществам рыбаков, сокольников, бобровников и т. п. В рамках института кормления обнаруживается сохранение в качестве действующих норм права дикой виры, известной Русской Правде, что ставит дополнительный вопрос о соотношении юридической силы Великокняжеского судебника 1497 г., грамот московских государей, списков Русской Правды и местных обычаев (например, по выплате убруса или выводной куницы). Доказывается, что удельные системы кормления были абсолютно идентичны общегосударственным, действующим в интересах Московской Руси.

Ключевые слова: кормление, Московская Русь, наместник, тиун, волость, удельное княжество, централизованное государство, великокняжеские грамоты, Великокняжеский судебник 1497 г, дикая вира, убрус, выводная куница.

Abstract

The article deals with the historical and legal problems of the legal registration of the institution of feeding in the context of the creation and strengthening of a single centralized Russian state at the beginning of the 16th century. Based on the study of the content of grand-ducal and specific charters on feeding, draws a number of conclusions about the limitation of the powers of representatives of the all-power authorities in the field. It is proved that the Moscow sovereigns by legal means limited the arbitrariness of governors, volostels, tiuns and other officials of the all-Russian administration by strictly prescribed deadlines, the volume of obligatory payments in kind or in cash for their material maintenance, as well as by granting appropriate privileges to individual professional communities fishermen, falconers, beaver hunters, etc. Within the framework of the institution of feeding, it is revealed that the wild virus, known to Russkaya Pravda, is preserved as the current norms of law, which raises an additional question about the relationship between the legal force of the Grand Duke's Code of Laws of 1497, letters of Moscow sovereigns, lists of Russian Pravda and local customs (for example, according to payment of ubrus or hatcher marten). It is proved that the specific feeding systems were absolutely identical to the nationwide ones, acting in the interests of Muscovite Russia.

Keywords: feeding, Muscovite Russia, governor, tiun, volostel, specific principality, centralized state, grand ducal charters, Grand Ducal judicial code of 1497, wild vira, ubrus, brood marten.

Становление русского централизованного государства в XV–XVI вв. протекало в постоянной борьбе между сепаратистскими и унитарными тенденциями в организации политико-правового управления единого державного механизма. Великие московские князья, проводя объединительную политику по собиранию русских земель под скипетром «Третьего Рима», первоначально допускали существование правового партикуляризма на территориях, недавно признавших власть государей «Всея Руси» [8. – С. 37–38]. Например, Василий I (с 1389 г. Великий князь Московский и Владимирский), присоединивший к своим владениям Нижегородские земли, сохранил уделы местным князьям в Городце, Посурье и Суздале, запретив им самостоятельно сношаться лишь с Золотой Ордой [2. – С. 231].

Василий Тёмный (1415–1462 гг.) санкционировал права ростовских бояр на осуществление правосудия по местным стародавним обычаям и законам [4. – С. 29].

При смешении юрисдикций вотчинников, удельных князей и церкви в Северо-Восточной Руси правосудие вершилось в смесных (вобчих) судах, сформированных из великокняжеских наместников, волостелей, тиунов, митрополита, архиепископа, епископа, игумена и иных представителей православного духовенства [3. – С. 227].

Постепенно удельные княжества, поглощаемые Московским государством, превращались из относительно автономных вассально-зависимых политико-территориальных единиц в административно-территориальные округа – уезды, управляемые наместниками и волостелями, присланными из столицы¹. Уезды, в свою очередь, делились на волости и станы [11. – С. 133].

Наместники и волостели полностью подчинялись государю и содержались за счет местного

населения. Иногда в населенных пунктах волостей назначались посельские, которые, по предположению П. В. Полежаева, являлись специальными княжескими чиновниками, призванными постоянно находиться в определенном важном для центральной московской власти поселении и обладающими равнозначными с волостелями правами [7. – С. 113].

Таким образом, институт кормления представлял собой дарованное Великим Московским князем государевым людям за службу на местах право на получение жалования в виде натуральных и денежных выплат со стороны подвластного населения [8. – С. 38].

Этот институт оказался настолько живуч в правовом сознании русского народа, что его отмена царем Иоанном Васильевичем Грозным около 1555–1556 гг.² фактически не смогла отменить систему мздоимства чиновников на местах, вплоть до проблемы коррумпированности руководства в современных субъектах Российской Федерации.

Парадокс состоит в том, что на заре воссоединения российских территорий в будущее великорусское Московское царство центральное правительство сталкивалось с проблемами превышения должностных полномочий государственными чиновниками на местах, которые в нарушение закона и обычая старались обременять местное население нелегальными поборами и всяческими посулами.

В целях пресечения злоупотребления со стороны представителей центральной власти на ме-

¹ Грамота Великого князя Московского Василия Васильевича Тёмного на кормление волостелю Ивану Григорьевичу Раслу 1425 г. / А. И. Юшков // Акты XIII – XVII вв. представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. – Ч. 1. – 1257–1613 гг. – М. : Университетская типография, 1898. – С. 6; Грамота Великого князя Московского Василия Васильевича Тёмного на кормление наместнику Ивану Григорьевичу Раслу сыномъ на

мещерские города 1426 г. // Там же. – С. 7; Грамота о пожаловании наместнику Ивану Карамышеву города Невля въ кормление 1578 г. // Там же. – С. 191; Наѣзжая грамота Ѳедору Кобылину на наместничество въ г. Ямъ Воцкой пятины 1578 г. // Там же. – С. 190.

² Приговор царский о кормлениях и о службах 1555–1556 гг. // ПСРЛ. Т. 13. Первая половина. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. – С. 267–269.

стах, к которым, как правило, относились наместники¹ [1. – С. 63], волостели² [10], недельщики³ [1. – С. 64], тиуны⁴ [1. – С. 108], доводчики⁵ [1. – С. 38, 40], праведчики⁶ [1. – С. 83] и др. должностные лица, московское правительство в лице главы государства Великого князя Василия Иоанновича (1479–1533 гг.) [6. – С. 348–363] в начале XVI столетия планомерно стало проводить политику по регламентированию института кормления специальными Уставными грамотами (например, Уставная грамота Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г.⁷; Уставная Онежская грамота 1536 г.⁸ и др.).

Постепенно на практике сформировался юридически закрепленный порядок содержания населения местными территориальными властями, назначенных великокняжеской властью.

Субъектами податных повинностей института кормления признавались крестьяне и все черные

люди⁹, представителями которых выступали выборные старосты, т. е. главы сельских, рыболовных, охотничьих и иных общин.

Общепринятыми выплатами в качестве кормления являлись:

- плата на въезд,
- плата на Рождество Христово (7 января);
- плата на Велик день (Пасху)¹⁰,
- плата на Петров день (12 июля),
- судебные и торговые пошлины [9. – С. 250].

По мнению историка В. В. Моисеева, плату на въезд можно сравнить с современными подъемными деньгами, выплачиваемыми при назначении на должность при переселении [5. – С. 67].

Размер данной выплаты количественно не определялся. Как правило, в великокняжеских грамотах отмечалось: «кто что принесет»¹¹ или «кто сколько даст»¹².

¹ *Наместник* в Древней Руси (XIII–XVI вв.) – должностное лицо княжеской администрации, управлявший вверенной ему государем определенной территорией, как правило, городом с прилегающим к нему округом. Наместник осуществлял местную военную, судебную, административную и финансовую власть.

² *Волостели* возглавляли сельские административно-территориальные единицы и обладали полномочиями, аналогичными наместникам в городах.

³ *Недельщик* в XVI в. в Московском государстве являлся судебным приставом. «Название свое получил потому, что приставы исполняли свои обязанности по очереди, неделями меняясь друг с другом».

⁴ *Тиун* – княжий или боярский слуга, выполняющий различные поручения (например, тиун ключный управлял хозяйством, тиун конюший – конюшней, *тиун ратайный* следил за выполнением сельскохозяйственных работ и т. д.).

⁵ *Доводчик* – должностное лицо Московской Руси, непосредственно приводящее в XVI в. судебный приговор в исполнение; является аналогом древнерусского *емца* [ѣмьць].

⁶ *Праведчик* в качестве должностного лица начинает широко употребляться в XV в. в отношении служащих, исполняющих решения суда, т. е. «правду».

⁷ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294 – 1598. СПб., 1836. – С. 116–117.

⁸ Уставная Онежская грамота 1536 г. – С. 152–154.

⁹ *Черные люди* – тяглые крестьяне, обрабатывающие землю в домене великокняжеском, а затем и царском домене в XIV–XVII вв. См.: Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294 – 1598. СПб., 1836. – С. 116–117.

¹⁰ Пасха, Велик День, Воскресение Христово или Светлое Христово Воскресение (от греч. *πάσχα*, лат. *Pascha*, ивр. *פֶּסַח* [Pesah]) – главный праздник христиан греко-кафолического (православного или ортодоксального) вероисповедания. Праздник относится к числу переходящих, так как его дата определяется в соответствии с циклом солнечно-лунного календаря. Велик день празднуется в первое воскресенье после наступления полнолуния в день весеннего равноденствия (21 марта по юлианскому календарю или 4 апреля по григорианскому календарю) или сразу же после него. Главный христианский праздник всегда наступает после еврейской Пасхи (Песаха). Если случается совпадение, то канонические правила предписывают перенести Велик день на полнолуние следующего месяца. Особо следует заметить, что астрономическое равноденствие не совпадает с накопившимися ошибками юлианского календаря и приходится на 21 марта григорианского календаря, которым пользуются католическая церковь (с 1582 г.) и протестанты. На сегодняшний день в богослужении юлианский календарь используется Русской, Иерусалимской, Грузинской и Сербской православными церквями, а также афонскими монастырями. Несмотря на это Пасхалия во всех православных (ортодоксальных, от греч. *ὀρθόδοξα* – буквально «правильное мнение») церквях исчисляется по юлианскому календарю, за исключением Финляндской православной церкви, использующей новый стиль (новоюлианский календарь, практически совпадающий с григорианским).

¹¹ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 116.

¹² Уставная Онежская грамота 1536 г. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 152.

В Рождественский день податное население в качестве корма обычно платило натурой полоть мяса¹, десять хлебов, мех² овса и воз сена, а на Петров день кормленщик получал целого барана и десяток хлебов. На Пасху (Велик день) ограничивались взиманием половины туши свиньи или барана и десятью хлебов³.

По желанию волостеля натуральные выплаты могли быть заменены денежной платой: за полоть мяса – 10 денег; за барана, за мех овса, за воз сена платили по алтыну (3 копейки) за каждый продукт в отдельности и по деньге за один хлеб. Тиуну полагалось выплачивать половину от податей, назначенных для кормления наместников или волостелей. На содержание праведчика подбор с одной деревни составлял 8 денег на Рождество, а также по 4 деньги на Пасху и на Петров день. Доводчик в праздничные дни получал ковригу хлеба (круглый каравай), часть мяса (четверть туши) или по одной деньге за каждый продукт, зобню (3,5 четверика $\approx$ 91,84 л) овса или две деньги, а на Петров день сыр (творог) или его стоимость, равную одной деньге. Для покрытия расходов на проезд и на осуществление судебно-исполнительных функций доводчику платили «хоженного... на стану двѣ деньги, а на правду вдвое; а ѣзду въ волось на версту по денгѣ, а на правду вдвое»⁴. Для установления справедливого и соответственно честного (некоррупцированного) правосудия в обширных владениях Московского государства великокняжеская власть постепенно формировала смешанные суды из представителей общерусской администрации и местного населения.

Тиунам и волостелям запрещалось судить без старост и лучших людей. Об этом в Уставной грамоте, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. весьма однозначно прописано, что «А безъ старосты и безъ лутчихъ людей волостелю и его тиуну суда не судити, а о судѣ у нихъ нашъ волостель ходитъ по сей нашей грамоте»⁵.

Данная норма более либеральна, чем та, которая закрепляет ограничения для наместников и волостелей, держащих кормления без боярского суда, в статье 43 Судебника 1497 г. ограничивая их права по отправлению правосудия процессуальной необходимостью сообщать о принятых правоприменительных решениях, подлежащих утверждению центральными органами управления: «Наместником и волостелем, которые дръжать кормление без боярского суда, и тиуном великого князя и боярским тиуном, за которыми кормления с судом з боярским, холопа и робы без доклада не выдати и отпусные не дати; а татя и душегубца не пустити и всякого лихого человека без доклада не продати, ни казнити, ни отпустити»⁶.

В целях пресечения самоуправства и злоупотреблений центральных властей при взимании судебных пошлин уставные грамоты предусматривали четко определенные суммы судебных пошлин, уплачиваемых истцом.

Во-первых, если истец выигрывал судебный процесс, т. е. «доискивался до правды»⁷, то ответчик при сумме иска от 1 рубля и более в пользу тиуна и волостеля уплачивал половину от цены иска. Например, в Уставной грамоте, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. отмечается: «А случится судъ передъ волостелемъ или передъ тиуномъ о рублѣ или выше, а досудить до виноватого, и волостель нашъ и его тиунъ велить на виноватомъ исцево доправити; в собѣ емлють противень въ полы исцова, то ему и съ тиуномъ»⁸.

Примечательно, но данное правило отсутствовало в великокняжеском Судебнике 1497 г.

Во-вторых, если истец проигрывал судебный процесс и еще более его признавали виновным, тогда в соответствии с уставными грамотами с рубля (выше или ниже) в цене иска, он платил 2 алтына в пользу волостеля и по 8 денег – тиуну⁹, что являлось прямой аналогией статьи 3 Судебника 1497 г., в соответствии с которой «...А имати

¹ Полоть мяса – половина туши свиньи или барана.

² Мех (мѣхъ) – мешок, древнерусская мера сыпучих веществ равная 5–7 пудам или 112 кг.

³ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 116.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Великокняжеский Судебник 1497 г. // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского)

права : учебное пособие / сост. А. В. Серегин, М. А. Черкасова. – М., 2020. – С. 182.

⁷ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 116.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

боярину и диаку в суде от рублевого дела на виноватом, кто будет виноват, ищя или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осмь денег. А будет дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету»¹.

В-третьих, в Уставной грамоте, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. в случае перемирия истца и ответчика перед судебным поединком судебные пошлины сохранялись в половинном размере: «А досудятся до поля да помирятся, ино волостелю имати въполы исцова, то ему и съ тиуномъ»². Хотя общерусский Судебник 1497 г. в статье 4 сохранял необходимость выплаты боярину и дяку соответственно по 2 алтына с рубля первому и по 8 денег – второму, оставляя без вознаграждения окольников³ [1. – С. 67] и недельщика.

В-четвертых, по делам о нарушении границ земельных участков (межи) тиун и волостель получали барана или алтын⁴.

В-пятых, особые штрафы предусматривались за самосуд или не выдачу убийцы (душегубца). На основании Уставной грамоты, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г., если «кто поимает татя съ поличным да отпустить прочь», обязан был заплатить волостелю 2 рубля; если не выдавали душегубца, то волость платила 4 рубля «въры»⁵, которая по существу представляла древнерусский институт «дикой виры», известный со времен Русской Правды (ст. 4)⁶.

Волость освобождалась от уплаты «дикой виры» при признаках несчастного случая, повлек-

шего смерть человека, или при совершении самоубийства: «А кого въ лѣсъ съ дерева заразить, или съ древи убѣется, или кого возом сотреть, или кто отъ своихъ рукъ утерается, а обыщутъ того безъ хитрости, ино въ томъ въры и продажи нѣтъ»⁷. Следует сказать, что нормы о самосуде и вире отсутствовала в Судебнике 1497 г., что совсем не мешало использовать их на основании уставных грамот, выдаваемых великокняжеской властью жителям отдельных волостей.

Ограничения юрисдикции наместников и волостей в начале XVI столетия происходило не только для податного крестьянского населения Московского государства, но и в отношении специализированных профессиональных сообществ сокольников, бобровников, рыболовов и т. д. Доказательством этому служит «Жалованная грамота Великого Князя Василия Иоанновича Переславским сокольникам, об освобождении их от суда наместников и тиунов, и о неотправлении ими повинностей наравне с Переславцами 1507 г.»⁸. Согласно содержанию данного документа, Переславские наместники и тиуны могли расследовать и рассматривать в суде исключительно дела о душегубстве или касающиеся общих вопросов, иные же споры были подсудны Великому Князю и его сокольничьему пути⁹. Судебные жалобы подавались два раза в год: на Крещение Христово (19 января по новому стилю) и в неделю Петровского поста¹⁰.

Кроме того, сокольники несли меньше повинностей в пользу государства в отличие от жителей Переславля: они освобождались от проторов и

¹ Великокняжеский Судебник 1497 г. // Собрание средневековых памятников древнерусского (восточнославянского) права : учебное пособие / сост. А. В. Серегин, М. А. Черкасова. – М., 2020. – С. 176.

² Там же.

³ *Окольничий* – второй после боярина служилый чин в Московском государстве. Назван так, потому что находился около (близко) своего господина. Как правило, окольничий выполнял функции высшего советника или судьи (претора) первоначально при великокняжеском, а затем и при царском дворе.

⁴ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 116.

⁵ Там же.

⁶ Пространная редакция. Суд Ярослав Володимирч. Правда Русьская // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. I. Законодательство Древней Руси. – М., 1984. – С. 64.

⁷ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 117.

⁸ Жалованная грамота Великого Князя Василия Иоанновича Переславским сокольникамъ, объ освобожденіи ихъ отъ суда наѣмстниковъ и тиунов, и о неотправленіи ими повинностей наравне съ Переславцами 1507 г., Января 25 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 118–119.

⁹ Там же.

¹⁰ *Петров пост* в Русской Православной Церкви начинается через неделю после Дня Святой Троицы, в понедельник, после девятого воскресения по Пасхе, а заканчивается 11 июля по новому стилю, накануне Дня Петра и Павла, который отмечается 12 июля по новому стилю.

разметов, кормовой, становой и подводной обязанностей; ограничиваясь несением ямской и пошшной службы, а также исполнением городского дела. Годовой оброк сокольники платили в размере полутора рублей¹.

В целях пресечения конфликта интересов со стороны волостелей и тиунов в отношении подвластного им населения великокняжеская власть запрещала своим представителям на местах злоупотреблять гостеприимством управляемого народа: «А волостелины люди и тиуны и боярские люди, и иные никто, – говорится в Уставной грамоте, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г., – незваны къ нимъ не входятъ: а кто къ нимъ на пиръ или на братчину придетъ питии незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно; а не пойдетъ вонъ, учнутъ питии силно, а учинится у нихъ тутъ какова гибель, и тому та гибель платити вдвое безъ суда и безъ исправы, а отъ меня отъ Великаго Князя бытии ему въ казни и въ прдажеъ»².

Более того, князьям, боярам, ратным воеводам и т. п. запрещалось останавливаться в волости и силой брать у жителей корм, подводы и проводников, за исключением остановки с разрешения местного населения при условии свободной покупки провизии по договорным ценам.

Важной частью предмета правового регулирования уставных грамот являлись обязательные выплаты при заключении брака и торговые пошлины. Например, при выдаче дочери замуж в границах волости отец невесты выплачивал своему волостелю убрус в размере одной деньги. Если же дочь заключала брак с супругом из другой волости, то ее отец обязан был заплатить два алтына за «выводную куницу»³.

При купле-продаже лошади в обязательном порядке необходимо было клеймить животное и платить покупателю и продавцу в пользу государства (в лице волостеля или пятещица⁴) по одной московской деньге. В случае уклонения от процедуры обязательного клеймения лошадей покупатель и продавец принуждались к уплате двойной пошлины – по две московских деньги⁵.

Иногда в уставных грамотах запрещалось играть скоморохам⁶. Это считалось важной привилегией местного населения, так как скоморохи для правительства являлись непредсказуемым контингентом, склонным к правонарушениям, бунтам, беспорядкам и распространению языческих суеверий и всяких ересей. Удельные князья Московского государства, следуя общему курсу правовой политики великокняжеской власти, направленной на ограничение произвола наместников и волостелей, как правило, подражали центральному правительству. Например, в Уставной грамоте Дмитровского Князя Юрия Иоанновича Каменского стана бобровникамъ 1509 г.⁷, устанавливались следующие сроки и нормы кормления для ловчего⁸:

- въезжий корм (кто сколько принесет);
- корм на Рождество Христово с пяти деревень составлял полоть мяса, десятеро хлебов (караваям), мех овса и воз сена;
- корм на Велик день, также с пяти деревень определялся в полоть мяса и десятеро хлебов (караваям);
- корм на Петров день с пяти деревень был равен одному барану и десяти хлебам (караваям);

¹ Жалованная грамота Великаго Князя Василя Иоанновича Переславскимъ сокольникамъ, объ освобожденіи ихъ отъ суда наѣмстниковъ и тиунов и о неотправленіи ими повинностей наравне съ Переславцами 1507 г., Января 25 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 118–119.

² Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 117.

³ Там же.

⁴ Пятещиц – должностное лицо Московского государства, в XVI в. занимавшееся клеймением (мятнанием) особо важных товаров, к числу которых относились лошади.

⁵ Уставная грамота, Мариинской трети, Артёмовского стана крестьянам 1506 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 117.

⁶ Там же.

⁷ Уставная грамота Дмитровского Князя Юрия Иоанновича Каменского стана бобровникамъ 1509 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академией наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссиею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 120–122.

⁸ Ловчий – организатор княжеской охоты.

— корм с каждой деревни на осенины (праздник осени – 22 сентября – день осеннего солнцестояния) составлял по «осьмине ржи» и «осьмине овса»¹.

В отличие от ловчего, тиун в те же самые сроки получал выплаты на кормлении в два раза меньшие, чем полагалось платить ловчему. Если тиун и ловчий не желали получать корм натуральными продуктами, то они могли требовать от податного населения денежных выплат соответственно строго установленным расценкам:

- за полоть мяса – 2 алтына (6 копеек);
- за барана – 2 алтына (6 копеек);
- за мех овса – 10 денег;
- за хлеб (каравай) – по одной деньге;
- за воз сена – 2 алтына (6 копеек)².

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы:

— в начале XVI столетия в едином Московском государстве институт кормления имел правовые ограничения не только по срокам и размерам

обязательных выплат населением на содержание государственных чиновников центральной власти, но и по привилегиям отдельных социальных групп (сокольников, бобровников, рыбаков и т. д.);

— великокняжеские и царские грамоты, регулирующие институт кормления в начале XVI в., содержат важные сведения о сохранении таких архаических обычаев Древней Руси, как уплаты дикой виры, убруса и выводной куницы (это наводит на мысль о сохранении в данный исторический период юридической силы различных списков Русской Правды, по крайней мере относительно дикой виры, что требует отдельного дополнительного исследования);

— системы кормления в удельных княжествах были полностью эквивалентны модели общерусского великокняжеского кормления, так как имели свои корни в киевском периоде развития Древнерусского государства.

Список литературы

1. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М., 2001.
2. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М. : Наука, 1984.
3. *Ланге Н.* Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко., 1882.
4. *Михайловъ М.* Исторія образования и развитія системы русскаго гражданского судопроизводства до уложения 1649 года. Сочиненіе, написанное для получения степени магистра гражданского права. – СПб. : Печатано въ типографіи Карла Крайя, 1848.
5. *Моисеев В. В.* История государственно-правовых реформ в России. – Орел : ОРАГС, 2007.
6. *Мясников А. Л.* Рюриковичи и Смутное время. – М. : Вече, 2017.
7. *Полежаев П. В.* Московское княжество в первой половине XIV века: Исторический этюд. – 2-е. изд. – М. : Ленанд, 2016.
8. *Серегин А. В.* Компаративистское исследование формы государства и правовой системы Московской и Литовской Руси : монография. – Ростов/НД ; Таганрог : Южный федеральный университет, 2017.
9. *Серегин А. В.* Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм славянских государств : монография. – М. : Юрлитинформ, 2017.
10. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Т. 1. – СПб. : Типография императорской Академии наук, 1893.
11. *Чертков А. Н.* Развитие правового регулирования территориального устройства России: историко-теоретический аспект. – Брянск : РИО БГУ, 2011.

¹ Уставная грамота Дмитровского Князя Юрія Іоанновича Каменского стана бобровникамъ 1509 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедиціею Императорской Академіею

наук. Дополнены и изданы Высочайше утвержденною Комиссіею. Том Первый. 1294–1598. СПб., 1836. – С. 121.

² Там же.

Правовой статус Каспийского моря в контексте проблем текущего этапа развития отношений между странами «Каспийской пятерки»

Б. В. Зембатова

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Российской таможенной академии;
ведущий научный сотрудник Центра международных финансов
Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов России.

Адрес: ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140009, Московская область, город Люберцы, Комсомольский проспект, д. 4;
ФГБОУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России»,
127006, Москва, Настасьинский переулок, д. 3, строение 2.
E-mail: bella_zembatova@mail.ru

The Legal Status of the Caspian Sea in the Context of the Problems of the Current Stage of Development of Relations between the Countries of the "Caspian Five"

B. V. Zembatova

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Russian Customs Academy;
Leading Researcher of the Center for International Finance Research
of the Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia.

Address: Russian Customs Academy, 4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, Moscow Region, 140009,
Russian Federation;
The Federal State Budgetary Institution, 3 Nastasinsky per., building 2, Moscow, 127006,
Russian Federation.

Аннотация

В статье обосновывается объективная необходимость правового регулирования взаимодействия Прикаспийских государств по освоению ресурсов Каспия как исходного, основополагающего начала, сбалансированного по интересам экономического сотрудничества. При написании статьи использовались общие методы научного познания. Цель статьи – представить обоснование исходных позиций анализа влияния действующего правового регулирования взаимоотношений на формирование основных проблем сотрудничества Прикаспийских государств в инвестиционной сфере и ключевых отраслях (энергетике, торговле, транспорте и др.). Реализация указанной цели осуществлена на основе анализа нормативных правовых актов, принятых Прикаспийскими государствами и призванных регулировать взаимодействие на Каспии по использованию его ресурсов в контексте текущего этапа развития отношений между ними, который позволил выявить в качестве основной причины формирования экономических проблем сотрудничества Прикаспийских государств неопределенность правового статуса Каспия. Результаты осуществленного анализа позволили обосновать подходы к формированию правовых основ прикаспийского экономического сотрудничества и применить их при установлении содержания необходимого понятийного аппарата и принципов формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия, предложенных в качестве главных элементов отсутствующих основ текущего правового регулирования сотрудничества Прикаспийских государств – сососудственников Каспийского моря и его ресурсов.

Ключевые слова: Каспий как объект права; правовой статус Каспия; страны «Каспийской пятерки» как субъекты Каспия и его ресурсов; принципы формирования правового регулятора отношений по поводу владения, использования и распоряжения Каспием как неделимым объектом права.

Abstract

This article is devoted to the substantiation of the objective necessity of legal regulation of the interaction of the Caspian states in the development of the resources of the Caspian Sea as the initial, fundamental beginning of economic cooperation balanced in terms of interests. When writing the article, general methods of scientific

knowledge were used. The purpose of the article is to provide a rationale for the starting positions of the analysis of the influence of the current legal regulator of relations on the formation of the main problems of cooperation between the Caspian states in the investment sphere and key sectors (energy, trade, transport, others). The implementation of this goal was carried out on the basis of an analysis of the regulatory legal acts adopted by the Caspian states and designed to regulate interaction in the Caspian on the use of its resources in the context of the current stage of development of relations between them, which made it possible to identify the uncertainty of the legal status of the Caspian as the main reason for the formation of economic problems of cooperation between the Caspian states. The results of the analysis made it possible to substantiate approaches to the formation of the legal foundations of the Caspian Sea economic cooperation and apply them in establishing the content of the necessary conceptual apparatus and principles for the formation of norms governing the legal status of the Caspian Sea, proposed as the main elements of the missing foundations of the current legal regulation of cooperation between the Caspian Sea states - owners of the Caspian Sea and his resources.

Keywords: The Caspian as an object of law, the legal status of the Caspian, the countries of the "Caspian Five" as owners of the Caspian and its resources, the principles of forming a legal regulator of relations regarding the possession, use and disposal of the Caspian as an indivisible object of law.

В настоящее время Каспийский регион представлен не двумя государствами (Ираном и СССР), как прежде, а странами «Каспийской пятерки», среди которых Иран и новые государства: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Россия как правопреемник СССР. Общая недавняя история новых Прикаспийских государств неизбежно их и роднит, и разъединяет, что проявляется в различии целей взаимодействия по использованию ресурсов Каспия, обусловленных непримиримыми интересами, с одной стороны, и их объективной взаимозависимостью как собственников Каспия – с другой. Неизбежность взаимодействия Прикаспийских государств как равноправных, независимых, свободных в волеизъявлении по владению, пользованию и распоряжению ресурсами Каспия диктует объективную необходимость установления правового статуса Каспия как правового основания такого взаимодействия.

С самого начала истории отношений Прикаспийских государств (с момента распада СССР)

они декларировали полное единство в вопросе значимости установления правового статуса Каспия как исходного начала для разрешения болезненных для всех Прикаспийских стран проблем использования его ресурсов.

Понадобилось более 22 лет для принятия Конвенции о правовом статусе Каспия в 2018 г. (далее – Конвенция 2018)¹, которая не стала необходимым и достаточным правовым основанием, способным обеспечить надлежащий баланс интересов взаимодействующих собственников Каспия. Приведенное заключение является результатом анализа официальных материалов² (деклараций; коммюнике; нормативных актов, принятых Прикаспийскими государствами, в том числе на саммитах глав Прикаспийских государств, двусторонних соглашений о разделе дна и недр Каспия между соседними прибрежными государствами (далее – Соглашения о разделе дна и недр 1998, 2001 и 2002 гг.)³, положений Конвенции 2018; материа-

¹ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 02.06.2022).

² За указанный период состоялось пять саммитов глав Прикаспийских государств, были заключены двусторонние соглашения между соседними прибрежными государствами о разделе дна и недр Каспия. При этом в формировании подходов к установлению правового статуса Каспия участвовали политологи, руководители и представители соответствующих министерств и ведомств пяти Прикаспийских государств, частные нефтяные компании, занимающиеся разработкой месторождений углеводородов на Каспии, представители международных организаций, внерегиональных государств.

³ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. – URL: <https://zakonbase.ru/content/base/48651> (дата обращения: 02.06.2022); Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой от 29 ноября 2001 г. и Протокол к Соглашению 2001 г. от 27 февраля 2003 г. – URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=1039417 (дата обращения: 02.06.2022); Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3806> (дата обращения: 02.06.2022).

лов, содержащих сведения о процессе подготовки Конвенции 2018 и положения об общих подходах к правовому регулированию отношений по совместному владению и использованию Каспия).

Проведенный анализ позволил прийти к заключению, что установление правового статуса Каспия являлось декларируемой, а не реальной целью формирования правовых основ сотрудничества Прикаспийских государств, поскольку их действительные намерения и предпринимаемые по их реализации действия определялись практическим непризнанием за правовым статусом Каспия его истинного назначения, т. е. правовой статус Каспия был не искомым, а заданным¹.

Проблема взаимодействия Прикаспийских государств как обобщенная проблема всех частных проблем является правовой, а точнее – проблемой неопределенности регулирующих правовых начал такого взаимодействия и прежде всего неопределенности правового статуса Каспия. Названная правовая проблема была рассмотрена на основе постатейного анализа основных нормативных правовых актов, принятых за более чем двадцатилетний период, а именно двусторонних соглашений 1998, 2001, 2002 гг. и Конвенции 2018. Анализ содержал обоснование следующих исходных позиций рассмотрения указанных международных нормативных правовых актов, а именно обоснование объективной необходимости установления положениями Конвенции о правовом статусе Каспия:

- понятийного аппарата, включающего такие исходные понятия, как «Каспий как объект права», «правовой статус Каспия», «правовой статус прибрежного государства как сосособственника Каспия»;
- принципов формирования правового регулятора отношений Прикаспийских государств по поводу владения, использования и распоряжения Каспием как природным водным объектом, находящимся в их общей долеговой собственности.

В результате проведенного анализа были обоснованы требования к содержанию понятий «Каспий – объект права», «правовой статус Каспия», «правовой статус прибрежных государств как сосособственников Каспия» и сформулированы

определения содержания названных понятий. Были также обоснованы подходы к установлению содержания положений международного нормативного правового акта, устанавливающего правовой статус Каспия, определяющие принципы формирования правового регулятора отношений по поводу владения Каспием и его использования как природного водного объекта, находящегося в общей долеговой собственности пяти Прикаспийских государств и соответствующие обоснованным подходам принципы как требования к нормам, регулирующим правовой статус Каспия. Принципы формирования норм, регулирующих правовой статус Каспия, диктуют следующие требования к нормам Конвенции о правовом статусе Каспия:

- нормы должны содержать признаки, устанавливающие Каспий как объект права общей долеговой собственности всех его сосособственников;
- формирование норм, регламентирующих права сосособственников на доли ресурсов Каспия в праве общей собственности, должно быть основано на неразделимости воды, дна, биоресурсов, ресурсов недр, воздушного пространства;
- положения, закрепляющие доли каждого государства в праве общей собственности на ресурсы Каспия, должны быть подкреплены положениями, регламентирующими порядок реализации установленных прав Прикаспийских государств на долю в праве общей собственности на Каспий: положение, устанавливающее право долеговой собственности и не предусматривающее возможность реализации предоставляемого права, не является по существу установленным правилом.

Одним из основных признаков принципов правового регулирования является непреложность их исполнения, что для положений Конвенции 2018 означает недопустимость их несоответствия указанным принципам, поскольку изначально обрекает эти положения на неисполнение и недостижение цели, ради которой и формировался правовой регулятор.

Соотнесение установленных принципов формирования правового регулирования отношений

¹ Ярким доказательством справедливости приведенного утверждения являются высказывания Г. Алиева, выразившие оценку значимости правового статуса Каспия не только Азербайджаном, но и остальными Прикаспийскими государствами: «Отсутствие на сегодняшний день единого международного правового статуса Каспия не должно препятствовать осуществлению прибрежными государствами своих суверенных прав на соответствующую долю моря и не может

служить основанием для прекращения разработки природных ресурсов моря в уже сложившихся соответствующих секторах» [3]. Примеры правового нигилизма, допускаемого всеми Прикаспийскими государствами и проявляющегося во взаимном нарушении прав, зафиксированы в заключенных и действующих соглашениях о добыче нефти и газа с вне-региональными компаниями на спорных месторождениях.

сособственников Каспия с положениями Конвенции 2018 и другими нормативными правовыми актами, претендующими на правовое регулирование отношений Прикаспийских государств по использованию ресурсов Каспия, позволило прийти к общему заключению – первопричиной проблем взаимодействия Прикаспийских государств в энергетической сфере (разведке и добыче углеводородов, газа, иных ресурсов на Каспии) и связанной с ней сферой транспортной инфраструктуры, в том числе прокладкой газо- и нефтепроводов, организацией рыбного промысла, сохранением биоресурсов и установлением устойчивого баланса экосистемы Каспия в целом, созданием безопасных условий судоходства и др. является отсутствие правового регулятора, устанавливающего правовой статус Каспия.

Первое на что, в соответствии с обоснованными принципами было обращено внимание – это отсутствие понятия «правовой статус Каспия», которое не определено ни в понятийном аппарате, ни в преамбуле, ни в каком-либо отдельном положении Конвенции 2018. Кроме того, ни на одном саммите по Каспию, ни в одном документе, принятом в порядке подготовки к заключению Конвенции 2018, вопрос о содержании понятия «правовой статус Каспия» не рассматривался. В целом положения Конвенции 2018 не представляют собой систему правовых норм, закрепляющих права каждого Прикаспийского государства на долю в праве общей собственности на Каспий и регулирующих порядок совместного владения, пользования и распоряжения природным водным объектом собственниками, т. е. не устанавливают правовой статус Каспия. При этом следует обратить особое внимание на то, что в Конвенции 2018 Каспий не был определен как водный объект, т. е. не была установлена его принадлежность к морю или озеру, что и обусловило неустановленность его как объекта права собственности, а именно объекта прав общей долевой собственности.

Второе положение, требующее соотнесения с обоснованными принципами, – это положение, определяющее назначение и содержание Конвенции 2018. Так, норма статьи 2 Конвенции 2018 устанавливает, что стороны (Прикаспийские страны) реализуют суверенитет, суверенные и исключительные права, осуществляют юрисдикцию в Каспийском море. В приведенном положении использованы общеупотребимые термины, имеющие устоявшуюся смысловую нагрузку, которая

понятийным аппаратом Конвенции 2018, содержащемся в статье 1, не изменена. В связи со сказанным невозможно не признать, что, если относительно положения о реализации суверенитета (статья 1) можно ограничиться указанием на его избыточность при одновременной невнятности, то положение о реализации суверенных и исключительных прав требует рассмотрения на предмет его соответствия требованиям юридической техники, определенности и исполнимости. Очевидно, что правовая норма поведения субъекта права должна отвечать требованиям ясности, недвусмысленности, в связи с чем формулировка надлежащего правила о реализации прав без указания на то, что это за права и на какие объекты прав они распространяются, правилом быть не может.

Приведенная оценка справедлива и для положения статьи 2, устанавливающего возможность в соответствии с Конвенцией осуществлять юрисдикцию в Каспийском море. Юрисдикция государства в международном праве в самом общем смысле означает полномочия государства решать правовые вопросы, давать правовую оценку фактам, действиям, событиям. Смысловая нагрузка установленного в части 1 статьи 2 Конвенции 2018 положения об осуществлении государством полномочий по решению правовых вопросов в Каспийском море очевидно не отвечает требованиям ясности, недвусмысленности и потому выполнимости. Конструкция статьи 2, по всей видимости, предполагала установление в первой части статьи сферы действия положений Конвенции 2018 в самом общем виде, а во второй – конкретизацию этих общих положений о праве. Однако часть 2 статьи 2 очевидно логически не связана с частью 1 этой же статьи. Кроме того, если конструкция статьи была задумана именно как приведенное предположение, то следует признать, что это не только не лучшее решение, но недопустимое для правовой нормы, в силу неопределенности ее правового содержания.

Следующее положение, требующее рассмотрения на предмет соответствия обоснованным выше принципам, – это положение, устанавливающее права и обязательства сторон в отношении использования Каспийского моря, включая его воды, дно, недра, иные природные ресурсы и воздушное пространство над морем.

Часть 2 статьи 2 Конвенции 2018 определяет права и обязательства в отношении только исполь-

зования ресурсов Каспия (водных и иных, дна, воздушного пространства). При этом, как следует из формулировки части 2 статьи 2, по существу, она содержит определение содержания Конвенции 2018. Поскольку название Конвенции 2018 прямо указывает на назначение Конвенции, то можно заключить, что правовой статус Каспия – это права и обязательства в отношении использования ресурсов Каспия. Но в этом случае неизбежно следует признать несоответствие установленного назначения Конвенции 2018 ее названию. Кроме того, приведенное определение содержания правового статуса Каспия не соответствует содержанию ни родового понятия «правовой статус», ни видового понятия «правовой статус объекта» по известным правовым основаниям, в силу которых права использования Каспия каждого из Прикаспийских государств могут определяться только на основе согласованно установленного ими порядка пользования долями ресурсов Каспия, принадлежащими им на праве общей собственности.

Право использования объектов материального мира – одно из трех правомочий собственности, которое наряду с владением и распоряжением отражает правомочия собственника. Кроме того, правом пользования могут обладать и не собственники, например, арендаторы. Но права использования Каспия принадлежат Прикаспийским государствам именно как собственникам, а точнее, как сособственникам природного водного объекта, т. е. как обладателям долей в праве общей собственности на Каспий как на неделимый объект права.

Иными словами, право использования Каспия каждым Прикаспийским государством является производным от установления долей в праве общей собственности. Таким образом, определение содержания правового статуса Каспия, установленное статьей 2 Конвенции 2018 как права и обязательства сторон в отношении использования Каспийского моря, недопустимо искажает содержание правового статуса Каспия, сужая его до одного из правомочий собственников, и потому становится препятствием для формирования надлежащего, т. е. соответствующего требованиям правовой реальности, правового регулятора отношений стран Прикаспийской пятёрки как сособственников Каспия.

Обоснованность приведенного утверждения подтверждается историей взаимодействия пяти Каспийских государств от момента появления но-

вых собственников до заключения рассматриваемой Конвенции 2018 и продолжающейся по сей день как непрерывная череда споров в первую очередь о правах на долю в общем праве собственности, предстоящих на поверхности правовых явлений как споры о разделе дна, недр, водной толщи Каспия.

Анализ положений Конвенции 2018 с обоснованных позиций дает основание утверждать, что именно неопределенность содержания понятия «правовой статус Каспия» обусловила как невнятность содержания статьи 2 Конвенции 2018, так и отсутствие положений, закрепляющих права собственников Каспия на доли в праве общей собственности на Каспий как на единый объект права. Отсутствие ясно и недвусмысленно определенных прав на доли в общей собственности на неделимое единство воды, дна, недр, иных ресурсов и воздушного пространства и до принятия Конвенции 2018, и в ходе ее подготовки, не устранило объективной необходимости – неизбежности выделения долей каждого государства в праве общей собственности. Конвенция 2018, устанавливая положения об использовании ресурсов Каспия, не определяя при этом должным образом права Прикаспийских государств на их доли в праве, не может игнорированием таких прав освободить использование как одно из правомочий собственника от неразрывной его связи с объектом этого использования. Разорвать указанную связь можно умозрительно, но на то она и объективная связь, чтобы при любых условиях присутствовать в норме под другим именем, ясно не установленная, но неизбежно упоминаемая. Объективная связь между неразделимыми правомочиями собственника, а именно: правомочиями владения, пользования и распоряжения объектом права вопреки воле ее авторов обусловила присутствие в нормах Конвенции 2018 не установленных, а деклараций о праве на долю каждого Прикаспийского государства в праве общей собственности на ресурсы Каспия. И то, что авторами Конвенции 2018 они не названы правом на доли каждого государства в праве общей собственности на Каспий, т. е. они в качестве таковых в Конвенции 2018 не определены, не меняет того неоспоримого факта, что разграничение водной толщи на внутренние и территориальные воды, рыболовные зоны, является не чем иным, как выделением долей водной толщи, право на которую закрепляется положением об юрисдикции каждого Прика-

спийского государства в 15-мильной зоне, составляющей ширину территориальных вод, внешняя граница которых является также государственной границей. Статья 9, декларирующая установление ширины рыболовной зоны в качестве линии отсчета, опирается на границу территориальных вод, определенную в результате выдела водной толщи Каспия как суверенного водного пространства каждого Прикаспийского государства.

Границы территориальных вод каждого Прикаспийского государства зафиксированы именно в результате выдела долей водной толщи и используются для определения площади водного пространства, на которую распространяется юрисдикция государства (статья 12 Конвенции 2018). Именно территориальные воды как доли водной толщи каждого государства, несмотря на то, что они в качестве таковых в Конвенции 2018 не определены, являются объектом права долевого собственности в праве общей собственности на Каспий. Только потому, что рассматриваемый выдел фактически не установлен, но провозглашен, и выдел доли дна и недр, а декларируют раздел дна и недр Каспия. Это и породило проблемы взаимодействия Прикаспийских стран в части установления долей каждого из государств, в том числе на дно и недра и в целом на биоресурсы, и, как следствие такой неустановленности, обусловило отсутствие реального порядка пользования государствами своими долями Каспия как правомерного и обоснованного правового средства реализации права собственников.

Отказ авторов Конвенции 2018 от признания правовой реальности, согласно которой статус Прикаспийских государств как владельцев, пользователей и распорядителей своими долями Каспия непреложен и неизменен, не может ее отменить. Но отсутствие в Конвенции 2018 положений, надлежащим образом устанавливающих права каждого государства на доли в общей собственности на ресурсы Каспия, обусловило возможность существования не только малограмотной с точки зрения права, но и неисполнимой исходной позиции о необходимости разного подхода к разделению воды, дна и недр Каспия как неразделяемого водного объекта, а также возможность предпринимать безуспешные попытки реализовать звучный

возможна декларация порядка судоходства и использование территориальных вод одного государства другим как транзитным водным пространством (статья 10 Конвенции 2018), а также декларация порядка прохода военных кораблей, подводных лодок и других подводных транспортных средств, установление условий, обеспечивающих безопасность и судоходства и прибрежных территорий каждого Прикаспийского государства (статья 11 Конвенции 2018 г.).

Положения Конвенции, декларирующие регулирование только как использование ресурсов Каспия, фактически притязают на регулирование выдела долей дна и недр Прикаспийских государств. И то, что доли дна и недр Каспия в Конвенции 2018 названы секторами, не меняет сути действий, направленных на установление доли дна и недр каждого государства в праве общей собственности. При этом необходимо еще раз подчеркнуть, что положения статьи 8, частей 2, 3 статьи 12, части 2 статьи 13, частей 3, 4 статьи 14 Конвенции 2018, не устанавливая такие права на лозунг «Дно делим, вода общая». Соглашения о разделе дна и недр Каспия, заключенные до принятия Конвенции 2018 (соглашения о разделе дна и недр 1998, 2001 и 2002 гг., к которым отсылают ее положения, декларирующие порядок раздела дна и недр Каспия между его собственниками, принимались без учета неизменяемой никакими договоренностями данности о невозможности разъединить дно и воду Каспия. При этом важно отметить, что в период подготовки Конвенции 2018 и на момент ее принятия, неэффективность указанных двусторонних соглашений о разделе дна и недр Каспия была доказана многочисленными тщетными попытками реализовать декларируемые в них договоренности, приводящие к неразрешимым конфликтам между собственниками¹ [2; 5]. Заслуживает внимания и тот факт, что на первом Каспийском экономическом форуме, прошедшем в Туркмении в 2019 г., на встрече глав кабинетов министров пяти Каспийских государств, вопрос о реализации положений Конвенции 2018 не был включен в повестку дня и даже не упоминался ни в одном из выступлений [4].

Второй Каспийский экономический форум должен был состояться в 2020 г., но из-за известных

¹ Конституция Азербайджанской Республики от 12 ноября 1995 г. – URL: <https://static.president.az/media/W1siZiIsIjIwMTkvMTIvMDQvNjdvbm8wNTJ2bF9rb25zdHV0aXN5YVYydXNfdXBkYXRILnBkZiJdXQ?sha=6f0a333c8a816eee> (дата обращения: 15.06.2022); Закон Туркменистана от 4 мая 2013 г.

№ 389-IV «О государственной границе Туркменистана» // Законодательство стран СНГ. – URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=72299 (дата обращения: 15.06.2022).

событий был перенесен на 2022 г. Из анонсированной Министерством иностранных дел Российской Федерации повестки форума, который должен состояться в Москве во второй половине октября, следует, что основными темами обсуждения будут торгово-экономическое сотрудничество «Каспийской пятерки», взаимодействие стран – участников в сфере транспорта, энергетики, туризма, экологии. Таким образом, вопросы правового статуса Каспия уже в части реализации положений Конвенции 2018, так же, как и на предыдущем форуме, не будут предметом обсуждения [1].

В сложившейся ситуации остается надеяться на единственного объективного арбитра – правовую реальность, которая продемонстрирует свою неодолимую силу по принуждению Каспийских государств совершить неизбежные шаги в двух генеральных направлениях: закрепить положение Каспия как объекта прав собственников для согласованного установления прав долевой собственности Прикаспийских государств на ресурсы Каспия; сформировать порядок реализации установленных прав собственников на основе баланса их прав и законных интересов.

Список литературы

1. Второй каспийский экономический форум намечен на вторую половину октября. – URL http://kaspnirh.vniro.ru/novosti_kaspiya/2022-05-31/2049/ (дата обращения: 22.06.2022).
2. Громов А. Конфликт между Туркменией и Азербайджаном вокруг спорных месторождений на Каспии. 22 ноября 2016г. – URL: <https://vector-eurasia.org/internal/project-analyst/35/104/> (дата обращения: 15.06.2022).
3. Как разделить каспийскую нефть? – URL: <http://www.caspiy.net/dir3/west/4html>
4. Каспийский экономический форум: более полезен, чем может показаться. – URL: <http://casp-geo.ru/kaspijskij-ekonomicheskij-forum-bolee-polezen-chem-mozhet-pokazatsya-klub-valdaj/> (дата обращения: 22.06.2022).
5. Нефтяные и газовые проекты Азербайджана. – URL: <https://ru.president.az/azerbaijan/contract> (дата обращения: 15.06.2022).

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-44-49>

Современные вызовы правам человека в сфере миграции, сопряженные с изменением климата

А. А. Салимовстарший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.E-mail: salimov.aao@rea.ru

Modern Challenges to Human Rights in the Field of Migration Associated with Climate Change

A. A. SalimovSenior Lecturer of the Department
of Civil Legal Disciplines of the PRUE.Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.E-mail: salimov.aao@rea.ru

Аннотация

Процесс эволюции цивилизаций ставил перед человечеством сложные проблемы мирового масштаба. Устоявшиеся права человека в области миграции приобрели всеобъемлющее применение в международном пространстве и гарантируются национальными и наднациональными законодательствами стран, признающих юрисдикцию международных организаций и принимающих непосредственное участие в деятельности этих организаций. Однако происходящие изменения, связанные с экологическими воздействиями на природу, вызывают множество проблем, в частности проблемы с изменениями климата. Происходящие изменения климата вызывают обеспокоенность государств в регулировании на собственной территории миграционных процессов, с учетом обеспечения социально-экономических условий для населения, национальной безопасности своих границ в сочетании с соблюдением норм международного права. В статье отражены результаты исследования, которое проводилось на основе общенаучных методов анализа и синтеза, системного метода, а также частнонаучных методов, в частности сравнительно-правового. Решение научно-практической проблемы ранее принятого международного правового порядка отличается тем, что в рамках данного исследования предлагается формирование глобального международно-правового регулирования общественных отношений в сфере миграции и принятия возможных мер по предотвращению ускоренного изменения климата и тем самым вынужденного передвижения населения планеты.

Ключевые слова: климатическое положение, беженец, миграционный процесс, правовая защита человека, глобальный договор, безопасная, упорядоченная и легальная миграция.

Abstract

The process of evolution of civilizations posed complex problems of a global scale to mankind. Well-established human rights in the field of migration have acquired a comprehensive application in the international space and are guaranteed by national and supranational legislations of countries that recognize the jurisdiction of international organizations and are directly involved in the activities of these organizations. However, the ongoing changes related to environmental impacts on nature cause many problems, in particular problems with climate change. The ongoing climate changes cause concern among states in regulating migration processes on own territory, taking into account ensuring the socio-economic conditions of the population, the national security of their borders in combination with compliance with international law. The article reflects the results of a study that was conducted on the basis of general scientific methods of analysis and synthesis, the system method, as well as private scientific, in particular, comparative legal. The solution of the scientific and practical problem of the previously adopted international legal order is distinguished by the fact that this study proposes the formation of a global international

legal regulation of public relations in the field of migration and the adoption of possible measures to prevent accelerated climate change and thereby forced movement of the planet's population.

Keywords: climatic position, refugee, migration process, human legal protection, global compact, safe, orderly and legal migration.

Введение

Более семи десятилетий как приняты правовые конструкции, регламентированные во Всеобщей декларации прав человека, являющейся международным юридическим документом, который защищает универсальные права человека. Руководством, направленным на защиту прав человека, являются также Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Вышеперечисленные международно-правовые акты, определяющие основные всеми признанные принципы международного права, не являются исчерпывающими. Учитывая динамику интеграции последних лет, необходимо упомянуть о роли международно-правовых договоров.

Среди многочисленных международных договоров, заключенных за последние десятилетия, следует обратить внимание на те, которые непосредственно направлены на признание естественных прав человека, гарантии их соблюдения и на их защиту.

Классификацию достигнутых соглашений, направленных на соблюдение прав человека, обеспечивающих гарантию и правовую защиту, покажем в следующем порядке:

- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты детей;
- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты женщин;
- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты коренных народов;
- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты беженцев;
- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты от расовой дискриминации;
- соглашения, направленные на обеспечение гарантий и правовой защиты наций на самоопределение.

Общие условия роста динамики мирового перемещения населения

Согласно ресурсной информации ООН, в 2019 г. 79,5 млн человек в результате конфликтов и преследований покинули пределы своей страны. В числе 26 млн беженцев более половины не достигли совершеннолетнего возраста. Такая международная ситуация ставит в неравное положение людей, оказавшихся беженцами, в частности, дети лишаются услуг в области здравоохранения, образования и защиты.

При перемещении в другую страну из-за вооруженных конфликтов люди часто трагически погибают. Так, гибель 27 мигрантов в проливе Ла-Манш – событие, произошедшее в ноябре 2021 г., является ярким примером нарушения прав человека. Согласно информации Международной организации по миграции, с 2014 г. в этом проливе пропали без вести 166 мигрантов, а в Средиземном море – 22 930 человек¹.

Одной из причин беспрецедентного перемещения людей за пределы своей страны является изменение климата, который по расчетам ученых в будущем ухудшится. Предлагается исследовать ситуацию, связанную с перемещением населения впоследствии изменения климата. Это очень важно для того, чтобы в будущем не сталкиваться нерегулируемыми процессами, вытекающими из последствий изменения климата.

Согласно информации ООН, в мире 258 млн мигрантов покинули свои дома из-за нехватки воды, ураганов, засух или повышения уровня моря. По прогнозам ООН из-за ухудшения климатического положения этот показатель увеличится до миллиарда человек, состоящих из жителей наименее развитых стран².

Наряду с событиями, происходящими в развивающихся странах в связи с переходом на новый технологический уклад, происходит сокращение рабочих мест, сопряженное с ухудшением соци-

¹ В ООН призвали не допускать трагедий, подобных гибели 27 мигрантов в Ла-Манше // Организация Объединенных Наций. Права человека. 26 ноября 2021 г. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1414532>

² Организация Объединенных Наций. Меры по борьбе с изменением климата. – URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/reports>

ально-экономического положения в этих государствах. Надо отметить важную роль общественных организаций, в том числе профсоюзов, особенно с применением в организациях цифровых технологий управления, способствующих повышению эффективности за счет увеличения коммуникационной активности [3. – С. 4095; 4104].

Критичность изменения климата подтверждается Шестым оценочным отчетом МГЭИК¹. Прогнозируемое в ближайшие 20 лет потепление на 1,5°C может привести к экстремальным погодным явлениям. Следует отметить, что ООН к 2050 г. дает худший прогноз, по которому допускает, что к тому времени участвовавшие наводнения и засухи заставят населения наименее развитых стран массово покидать свои дома. По результатам конференции по климату, состоявшейся в Катове, участники встречи, представители Рамочной конвенции ООН по изменению климата сделали выводы о том, что необходимо учесть в заключительных документах Конференции взаимосвязь изменения климата и миграции.

Как сказал Коко Уорнер: «Если вы, например, фермер, и дождей в вашем районе нет несколько лет подряд, то у вас не будет ни еды, ни доходов и вы примите решение переехать в другое место»².

Особенности внутригосударственных средств защиты прав человека во взаимосвязи с международно-правовыми средствами

Как показывает анализ, опирающийся на информационный ресурс ООН, существуют проблемы с обеспечением эффективных внутригосударственных средств защиты прав человека.

Одной из важнейших функций государства, являющейся предметом международных обязательств, в современных международных отношениях выступает наличие эффективных внутригосударственных средств защиты прав человека.

Невозможно переоценить ведущую роль международно-правовых систем защиты прав человека, оказывающих сильное влияние на применение государствами различных внутригосударственных мер, которые обеспечивают гарантированную защиту прав человека. Международно-

правовые системы способствуют тому, чтобы государства-участники усовершенствовали свои законодательства, обеспечивая право свободы личности, где в случае нарушения последние могут беспрепятственно обращаться в международные органы, например в Европейский Суд по правам человека. ЕСПЧ является важным международным судебным органом по обеспечению и восстановлению прав человека, обладающим судебновосстановительными полномочиями. Как рассуждает Р. А. Курбанов, «прямые ссылки на практику ЕСПЧ можно обнаружить в решениях судов различных инстанций, что подтверждает вывод о значимости данного инструмента для российского правоприменения (например, Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 января 2018 г. № 18 АП-15877/2017 по делу № А07-7364/2011, Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 августа 2017 г. по делу № А74-1378/2017 и др.)» [4. – С. 10–16].

ЕСЧП, являясь международным судебным органом, в своей деятельности руководствуется некоторыми принципами процессуального характера, которые мы предлагаем рассмотреть. Это не случайно, так как ЕСПЧ, как правило, рассматривает заявления по нарушению прав человека государствами-участниками при условии, если исчерпаны все эффективные средства защиты, предусмотренные внутренним законодательством государства. Суд рассматривает жалобы при соответствии их нормам ЕКПЧ.

Согласно пункту 1 статьи 35 ЕКПЧ («Конвенция о защите прав человека и основных свобод» заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г., с изм. от 24 июня 2013 г. вместе с Протоколом № 1, Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод, помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней, Протокол № 7) одним из принципов процессуальной неприемлемости жалоб является необходимость в порядке исчерпания использовать все внутригосударственные средства правовой защиты при принятии жалобы в ЕСПЧ, т. е. заявитель обязан использовать все правовые средства защиты, установленные внутригосударственным правом.

¹ Организация Объединенных Наций. Меры по борьбе с изменением климата. – URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/reports>

² Организация Объединенных Наций. Глобальное потепление оборачивается ростом «армии» мигрантов. Беженцы и мигранты. 8 декабря 2018 г. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344621>

Согласно докладу Специального докладчика г-на Джона Дугарда, «норма об исчерпании местных средств правовой защиты представляет собой одну из норм обычного международного права» [1. – С. 2].

В этом же докладе в поддержку этой нормы приведем аргументы Бошара:

«Во-первых, существует презумпция, согласно которой гражданин, выезжающий за рубеж, учитывает средства, предоставляемые местным правом в целях возмещения ущерба в результате правонарушения.

Во-вторых, право на суверенитет и независимость дает государству местной юрисдикции основания требовать, чтобы вмешательство в деятельность его судов не осуществлялось, исходя из того, что они способны отправлять правосудие.

В-третьих, правительство государства гражданской принадлежности потерпевшего должно дать правительству государства-нарушителя возможность свершить правосудие по отношению к пострадавшей стороне в соответствии с его собственной законной процедурой, что позволит избежать международных дискуссий вообще.

В-четвертых, если ущерб причинен частным лицом или младшим чиновником, исчерпание местных средств необходимо для установления того, что противоправное деяние или отказ в правосудии представляет собой умышленное деяние государства.

В-пятых, если оно представляет собой умышленное деяние государства. Это государство не желает устранить последствия противоправного деяния» [1. – С. 2].

Как вытекает из параграфа 69 Решения Большой Палаты Европейского Суда, исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты составляет неотъемлемую часть и основной принцип функционирования системы защиты.

Согласно практике ЕСПЧ, средство правовой защиты будет считаться эффективным только в том случае, если оно будет приостанавливать действие процесса. Согласно Постановлению ЕСПЧ от 17 июля 2008 г. подача ходатайства о судебном пересмотре может рассматриваться как средство правовой защиты, если предусматривается такой пересмотр и подача ходатайства о пересмотре препятствует выдворению (Регламент 39 ЕСПЧ).

Исключительной особенностью ЕКПЧ является создание условий, при которых неоднократное ее нарушение дает право заявителю обращаться по

данному делу прямо в ЕСПЧ. Такое положение следует из Постановления ЕСПЧ по делу «Аксой против Турции». Как вытекает из упомянутого Постановления ЕСПЧ: «норма об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты не применяется в тех случаях, когда доказано наличие административной практики, выражающейся в совершении неоднократных действий в нарушение Конвенции и в попустительстве со стороны органов государственной власти, что делает любое производство по делу бесполезным или неэффективным».

Как вытекает из суждений А. Е. Гузий, «Высокий стандарт доказывания, на наш взгляд, — это один из самых противоречивых механизмов в интерпретационной деятельности Суда» [2. – С. 32–53]. Согласно вышеуказанному научному исследованию, Европейским судом установлено правило, вытекающее из толкования ЕКПЧ, в отношении государств-ответчиков действует презумпция добросовестности.

Согласно анализу исследования А. Е. Гузий, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, ограничения прав человека государством, связанные с вышеупомянутым Постановлением ЕСПЧ, направлены на исполнение рамочных целей, установленных Конвенцией, где предусматривается правозащитная роль ЕСПЧ, направленная на возможности требования от государства, чтобы последнее в свою очередь оказало поддержку своему гражданину, находящемуся от него в подчиненном положении;

- во-вторых, при ограничении (предусмотрено Постановлением ЕСПЧ, при исчерпании внутригосударственных средств защиты) прав заявителя государством не должны допускаться другие цели, отличающиеся от целей, предусмотренных Конвенцией. В противном случае заявитель вправе обращаться в ЕСПЧ, где суд для рассмотрения заявления исходит из предложенных заявителем фактов, не содействуя ему в доказывании. Данная презумпция вытекает из критериев приемлемости жалобы, где установлено условие: прежде чем обращаться в ЕСПЧ, необходимо исчерпать внутригосударственные средства правовой защиты. Однако во всех правоотношениях с участием ЕСПЧ заявитель находится в неравных статусах с государством. Описанные отношения происходят в сфере публичного права, и государство обладает возможностью сокрытия признаков недобросовестности, значительно затрудняя сбор доказательств.

Согласно пункту 1 статьи 35 ЕКПЧ, заявитель вправе подать жалобу в ЕСПЧ с соблюдением шестимесячного срока. Данный срок начинает течь с даты окончательного решения по делу, где настоящей нормой ЕСПЧ обеспечивает необходимость сохранения правовой определенности, предусматривающей разумный срок рассмотрения дела, являющийся воспрепятствованием органам власти, и исключает неопределенности в течение длительного времени.

На основании проведенного анализа необходимо отметить, что для обращения в ЕСПЧ по защите нарушенных прав необходимо соблюдать множество требований, которые изложены в качестве принципов процессуальной неприемлемости и определяют субсидиарную функцию ЕСПЧ по отношению к другим международно-правовым системам защиты прав человека.

Изменение климата и миграционные процессы

Процесс эволюции цивилизаций ставит перед человечеством сложные проблемы мирового масштаба [6. – С. 267–272]. Возвращаясь к миграционным проблемам, связанным с изменением климата, необходимо отметить, что увеличение количества мигрантов создает множество неразрешаемых проблем для государств – участников международно-правовых систем защиты прав человека. Согласно Справочнику по европейскому законодательству об убежище, границах и иммиграции¹, который упоминает М. Н. Маркелова в своей диссертации «Международно-правовая защита прав детей в условиях вынужденной миграции», мигранты классифицируются в следующем порядке:

- лица, которые ищут убежище;
- лица, которые признаны беженцами;
- лица, которые признаны нуждающимися в дополнительной защите;
- лица, которые признаны жертвами торговли людьми и работающими в особых эксплуататорских условиях труда;
- лица, которые подпадают под действие Правила 39;
- лица, находящиеся на территории страны с нарушением законодательства;
- лица, являющиеся долгосрочными резидентами;

– лица, являющиеся гражданами Турции, третьих стран и членами семей граждан ЕЭП или Швейцарии;

– лица без гражданства и утратившие гражданство или документы».

Возвращаясь к вызовам, т. е. к стратегическим кризисам, сопряженным с изменением климата, влекущим резкое увеличение количества мигрантов, отметим, что это приведет к непредотвратимой сложности при защите прав человека в ЕСПЧ, когда, в частности, применяются только средства Европейского Суда по правам человека. Резко возрастет количество обращений в ЕСПЧ за защитой прав. Сегодня необходимо принятие мировым сообществом мер по предотвращению последствий изменения климата в целях недопущения глобального перемещения народонаселения в будущем.

Следует отметить, что согласно резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН 71/280 от 6 апреля 2017 г. и 72/244 от 24 декабря 2017 г., названным «Порядок проведения Межправительственной конференции для принятия глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции» (далее – договор БУЛ), предусматривалось принятие названного договора.

В итоге конференция «Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах» состоялась 10 и 11 декабря 2018 г., где согласно постановлению устанавливалось начать процесс по межправительственным переговорам с целью заключения глобального договора. Упомянутый договор является уникальной возможностью улучшения управления миграционными процессами, в результате которого укрепится вклад мигрантов в устойчивое развитие [5. – С. 9–15].

Настоящий договор носит универсальный характер и опирается на такие международно-признанные нормативные акты, как:

- Всеобщая декларация прав человека;
- Международный пакт о гражданских и политических правах;
- Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (в том числе Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху)²;

¹ URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_asylum_RUS.pdf

² Международное право : учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2011.

- Конвенция относительно рабства и Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством;
- Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата;
- Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием;
- Парижское соглашение;
- Конвенция МОТ об обеспечении достойной работы и трудовой миграции.

Выводы

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, являясь взаимодополняющим рамочным документом о международном сотрудничестве, лежащий в основе Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах, определяет, что беженцы и мигранты имеют такие же универсальные права человека и основные свободы, подлежащие защите и осуществляющиеся на постоянной основе. Отмечается, что несмотря на это, по отношению к данной категории

субъектов правоотношений применяются разные нормативно-правовые документы.

Заключение

Вышеупомянутый глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции может являться беспрецедентным диалогом международного сотрудничества в вопросах миграции. На основании упомянутого договора необходимо формировать глобальные международно-правовые механизмы мобилизующие усилия всех мировых государств в предотвращении последствий путем координации, принятия всемерных решений и создания специального финансового источника.

Необходимо создать единый координационный центр, который будет распределять вынужденное перемещение населения на основании специально сформированных реестров востребованности трудовых ресурсов в те регионы, где образовалась нехватка трудовых ресурсов, с созданием там необходимых условий для проживания.

Список литературы

1. Второй доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном Дугардом. ООН A/CN.4/514. Комиссия международного права. Пятьдесят третья сессия. Женева. – С. 2. – URL: <https://undocs.org/ru/a/cn.4/514>
2. Гузий А. Е. Интерпретация Европейским Судом по правам человека статьи 18 Европейской Конвенции: основные проблемы и выводы // Право. – М. : ВШЭ, 2019. – № 55. – С. 32–53.
3. Катабай П. Х., Смирнов Ю. И., Абрамов И. Н., Мажиев Х. Н., Скрипникова М. И. Управление локальной профсоюзной организацией на основе применения цифровой платформы // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15. – № 11. – С. 4095–4104.
4. Курбанов Р. А. Правовые позиции ЕСПЧ и Российское законодательство // Экономика. Право. Общество. – 2018. – № 1. – С. 10–16.
5. Мингулова И. Р. Международно-правовое регулирование миграции в рамках деятельности Организации Объединенных Наций и Международной организации по миграции // Международное право и международные организации. – 2019. – № 4. – С. 9–15.
6. Салимов А. А. Роль международного права в обеспечении глобальной безопасности // Право – явление цивилизации и культуры : сборник материалов II Международной научной конференции / отв. ред. М. В. Немытина. – М. : РУДН, 2020. – С. 267–272.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-50-58>

Развитие водородной энергетики в России: вызовы времени и актуальные правовые вопросы

С. В. Василькова

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ,
заведующая кафедрой предпринимательского и энергетического права СПбГЭУ
Адрес: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,
191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, литер А
E-mail: vasilkova973@mail.ru

Development of Hydrogen Energy in Russia: Challenges of the Time and Topical Legal Issues

S. V. Vasilkova

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business
and Energy Law of Saint Petersburg State University of Economics,
Head of the Department of Business and Energy Law
of Saint Petersburg State University of Economics.
Address: 30–32 Griboedov canal emb., St. Petersburg, 191023, Russian Federation.
E-mail: vasilkova973@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье с правовой точки зрения исследуются актуальные вопросы развития водородной энергетики в Российской Федерации, отмечается ее значимость в современных условиях и обозначаются перспективы, которые эта отрасль открывает для российской экономики. На основе анализа нормативной базы, документов стратегического планирования предлагаются правовые подходы к совершенствованию конкретных механизмов, которые могут способствовать существенному развитию водородной энергетики в России. Автором предложен комплекс возможных решений по совершенствованию нормативных актов и правовых механизмов, направленных на усиление как внутренних, так и внешних векторов развития отечественных водородных проектов с целью повышения их конкурентоспособности, роста влияния Российской Федерации в мировой энергетике и обретения в перспективе нашей страной статуса признанного лидера в сфере развития водородной энергетики.

Ключевые слова: энергетическое право, возобновляемые источники энергии, развитие водородной энергетики, совершенствование энергетического законодательства.

Abstract

In this article, from a legal point of view, topical issues of the development of hydrogen energy in the Russian Federation are investigated, its significance in modern conditions is noted, and the prospects that this industry opens up for the Russian economy are indicated. Based on the analysis of the regulatory framework and strategic planning documents, legal approaches are proposed to improve specific mechanisms that can contribute to the significant development of hydrogen energy in Russia. The author proposes a set of possible solutions for improving regulations and legal mechanisms aimed at strengthening both internal and external vectors for the development of domestic hydrogen projects in order to increase their competitiveness, increase the influence of the Russian Federation in the global energy industry and gain in the future our country the status of a recognized leader in the development of hydrogen energy.

Keywords: energy law, renewable energy sources, development of hydrogen energy, improvement of energy legislation.

«Тектонические сдвиги» геополитического, геостратегического характера, происходящие в

настоящее время, со всей очевидностью показывают важность энергетики для всей архитектуры

мировой экономики. Развитие энергетического сектора, технологий в энергетике, инфраструктурных проектов в этой сфере и вместе с тем объемы и направления экспорта энергоносителей во многом определяют степень влияния страны в формирующейся новой системе мироустройства.

Расширение возможностей в энергетической сфере, продвижение собственных национальных интересов, в том числе в условиях необходимости противодействия крайне жесткому санкционному давлению многих стран, представляют собой очень серьезные вызовы нового времени, на которые Россия должна дать адекватные ответы. Для обеспечения безопасности государства и процветания общества необходимы скоординированные совместные усилия государственных органов, бизнеса, прежде всего крупных энергетических компаний, а также научных организаций и экспертного сообщества – всех, кто способен внести интеллектуальный вклад в решение задач развития российской энергетики.

Принципиально важны перспективы развития в нашей стране водородной энергетики, которая способна стать прорывным направлением прогресса в этой сфере и дать существенные конкурентные преимущества.

О значимости этого направления сказано и написано немало. Уже несколько десятилетий перспективы активного использования водорода в энергетике находятся в фокусе внимания исследователей во многих странах. Исследователи отмечают, что «всерьез концепцию водородной энергетики начали изучать в период нефтяного кризиса 70-х гг. прошлого столетия» [5. – С. 1].

Некоторые авторы склонны рассматривать водородную энергетику в качестве одного из самых перспективных путей преодоления зависимости от ограниченности традиционных энергетических ресурсов для человечества в будущем. Некоторыми исследователями отмечается, что для дальнейшего развития необходимо переходить к таким энергоресурсам, как водород и энергетические водородные технологии, так как они не только более эффективны, но и более безопасны [9. – С. 64].

Высказываются экспертные оценки, согласно которым в ближайшие десятилетия среди лидеров по востребованности среди источников энергии будет водородное топливо, так как оно распространено в окружающей среде, не загрязняет ее выбросами и просто в использовании [12. – С. 44].

Водородную энергетику, например, академик Н. Н. Пономарёв-Степной рассматривает как значимый элемент нового технологического уклада, отмечая, что она подразумевает «производство и потребление водорода в качестве энергоносителя, накопителя энергии и компонента промышленных технологий» [8. – С. 484].

Отечественные правоведы справедливо ставят вопрос о важности для страны масштабных энергетических проектов, в том числе серьезного водородного проекта, «где цель будет обозначена конкретно и концентрация ресурсов будет достигать максимума» [2].

При этом принципиально важным является именно вклад правовой науки, юридический взгляд на актуальные вопросы дальнейшего прогресса в сфере водородной энергетики в широком контексте ее влияния на научно-технологическое и социально-экономическое развитие страны. Следует согласиться с академиком Т. Я. Хабриевой в том, что «право может сдерживать либо, напротив, ускорять научный прогресс: чем более развито право, тем более плодотворным становится его воздействие на научный прогресс» [11].

Ввиду этого важной задачей правовых исследований является выработка предложений по совершенствованию нормативной базы и правовых механизмов поддержки развития отечественной водородной энергетики.

Касаясь темы современных вызовов отметим, что зарубежные страны, в том числе те, экономики которых занимают лидирующие позиции в современном мире, уделяют значительное внимание вопросам развития водородной энергетики и выработке соответствующих концептуальных документов. Исследователи приводят примеры США и Китая. Так, отмечается, что в США министерство энергетики обнародовало план развития водородной энергетики в стране, в котором подробно рассматривается тема развития водородных технологий, также особое внимание уделено увеличению объемов его производства, логистики, хранения и приумножение доли его использования. Китай также увеличил темпы развития водородных технологий в стране: начато производство работающих на водороде автобусов, автомобилей, грузовиков. Китай, являющийся крупнейшим в мире импортером энергоресурсов, совершенствуя новый вид источника энергии, сможет не только понизить уровень зависимости от импорта энергоресурсов, но и улучшить экологическую обстановку

путем внедрения чистых технологий в производство продукции, идущей на экспорт. Согласно прогнозам правительства Китая, уже к 2040 г. на долю водорода будет приходиться 1/10 от энергобаланса страны [12. – С. 45]. От государственных проектов по развитию водородной энергетики не отстают и крупные зарубежные энергетические компании (в их числе, например, British Petroleum, Royal Dutch Shell, Total и др.), вырабатывающие и реализующие свои водородные стратегии (см. подробно, например [4. – С. 83–94]).

Все это для России и отечественного бизнеса в сфере энергетики носит характер явного вызова в части возможного отставания в конкурентной борьбе. Поэтому необходимо эффективное встраивание в глобальную конкуренцию за водородный вектор мировой энергетики.

При этом очевидно, что для России важно выбирать перспективные направления сотрудничества с учетом внешнеполитической обстановки. Еще недавно повсеместно отмечалась важность сотрудничества со странами Европы, в частности, оптимистично рисовались благоприятные перспективы российско-германского водородного сотрудничества. К примеру, в 2020 г. исследователи отмечали, что сотрудничество с Германией позволит увеличить темпы развития не только российского сектора водородной энергетики, но и рынка возобновляемых источников энергии. Помимо этого, данное сотрудничество позволит постепенно достигнуть климатически нейтральной экономики [1. – С. 75]. В настоящее время актуальна переориентация на сотрудничество с другими государствами, в частности, необходимо обратить внимание на совместные водородные проекты со странами БРИКС.

По итогам прошедшего 29 сентября 2020 г. круглого стола Комитета Государственной Думы Российской Федерации по энергетике, посвященного актуальным вопросам водородной энергетики, были сформулированы тезисы о том, что водород в ближайших перспективах может стать новым энергоносителем, который заменит собой углеводородные энергоносители, что повлияет на создание и развитие так называемой водородной экономики. Также в рамках круглого стола было верно замечено, что вызовом на ближайшие десятки лет будет являться создание совершенно

нового типа рынка, основанного на низкоуглеродном производстве водорода, его хранении и транспортировке, в создании условий для его полномасштабного потребления в энергетике, транспорте, промышленности¹.

Развитие водородной энергетики сопряжено с важными задачами преодоления определенных ограничений в этой сфере, которые объясняются тем, что неразвитость соответствующих технологий и инфраструктуры делает промышленное освоение водорода не в достаточной степени экономически выгодным. Эксперты отмечают, например, что существует проблема недостаточно оптимизированных технологий производства водорода в промышленных масштабах, поскольку они связаны с высокими издержками, а процент применения водорода в секторе электроэнергетики, в промышленности и на транспорте низкий для того, чтобы наращивать капитал вложений в крупные производства. Помимо данной проблемы, не решен вопрос с обязательной транспортной и складской инфраструктурой [3. – С. 57]. Возможно, это излишне негативная оценка, однако, подобные явления следует учитывать.

В этом контексте отметим, что важно эффективно использовать уже созданную инфраструктуру нефтегазовой отрасли для реализации водородных проектов. Как отмечали, например, еще в 2019 г. эксперты Московской школы управления Сколково, уже существующая газотранспортная система России и продолжающая развиваться сфера сжиженного природного газа (СПГ) предполагают перспективы роста производства «голубого» водорода с наименьшими издержками и тратами на сырье и его экспорт с помощью трубопроводного транспорта и в сжиженном виде [6. – С. 51]. В то же время необходимо прорабатывать проекты по созданию инфраструктурных решений адресно для водородной энергетики.

Обращаясь к анализу современной правовой базы рассматриваемого важного направления энергетической политики, отметим, что на уровне документов Правительства Российской Федерации уделяется самое серьезное внимание вопросам развития отечественной водородной энергетики.

Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. В. Новак, заявив, что

¹ Рекомендации круглого стола Комитета Государственной Думы по энергетике на тему «Водородная энергетика: текущая ситуация и перспективы развития в России и мире».

Утверждены Решением Комитета Государственной Думы по энергетике № 3.25-5/157 от 21 октября 2020 г. – С. 2–3.

«именно водород как экологически чистое топливо может сыграть одну из ключевых ролей в достижении углеродной нейтральности», подчеркнул: «сегодня водородная энергетика получает второй шанс на быстрое развитие. Задача Российской Федерации – на основе имеющихся конкурентных преимуществ воспользоваться открывающимися возможностями и занять лидирующие позиции на рынке» [7. – С. 6].

Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года¹ содержит, в частности, раздел «Водородная энергетика», в котором обозначена главная задача этой отрасли: ускорение темпов роста масштабного производства и использования водорода и в перспективе приобщение к мировым лидерам по производству водородного топлива и его экспорту.

Проведенный анализ ключевых мер по решению вопросов в данном секторе позволяет сделать вывод, что с правовой точки зрения безусловным приоритетом являются создание правовой и законодательной базы для поддержки сектора производства и безопасности водородной энергетике, выработка необходимых правовых механизмов стимулирования развития инфраструктуры и технологий, а также правовое обеспечение условий для наращивания темпов роста трансграничного взаимодействия стран в сфере развития водородной энергетике и возможности выхода на мировой рынок.

Также особое внимание следует уделить ориентированности на экспорт: ключевым показателем результативности решения задач, стоящих перед водородной энергетикой в указанной Стратегии, значится именно экспорт водорода. Указаны две контрольные точки его объема, а именно к 2024 г. – 0,2 млн тонн; к 2035 г. – 2 млн тонн.

В 2020 г., несмотря на непростые условия в разгар пандемии новой коронавирусной инфекции, правительство держало эту проблематику в

фокусе внимания. Был утвержден план мероприятий «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года»², осуществлять мониторинг и контроль реализации которого (с ежегодным, до 30 марта, информированием правительства) поручено Минэнерго России.

В качестве цели указанного плана мероприятий указана разработка плана первоочередных мероприятий по формированию в стране за счет современных технологий и команды профессиональных специалистов эффективной экспортно ориентированной области водородной энергетике. С учетом этого 2020 г. можно считать отправной точкой формирования современной конкурентоспособной, ориентированной на мировые рынки водородной энергетике в нашей стране. Отметим, что данные цели могут быть достигнуты путем совершенствования нормативно-правовой базы, реализации мер господдержки проектов, а также с помощью привлечения научного сообщества с целью проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по актуальным направлениям. Отметим, что особенно важной и перспективной представляется *концентрация значительных усилий на НИОКР в сфере водородной энергетике*.

Анализ нестабильных мировых тенденций в энергетике³ позволяет прийти к заключению, что глубокая научная проработка перспективных прорывных технологий в сферах производства, хранения, транспортировки и использования водорода способна в среднесрочной и долгосрочной перспективах дать нашей стране существенные конкурентные преимущества на внешних рынках в разных макрорегионах, включая Азиатско-Тихоокеанский регион, Африканский континент, Южную Америку, значимость которых для российского экспорта будет стабильно возрастать.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 24. – Ст. 3847.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № 2634-р «Об утверждении плана мероприятий «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 43. – Ст. 6813.

³ Заметим здесь, что, хотя в самом названном плане мероприятий 2020 г. указано, что в настоящее время одним из вызовов энергетической безопасности для Российской Фе-

дерации является изменение структуры спроса на энергоресурсы, включая замещение углеводородов другими видами энергетических ресурсов, в том числе водородом, и сделана отсылка на мировой тренд на декарбонизацию экономики, важно учитывать процессы, которые мы наблюдаем в 2022 г. в связи беспрецедентной санкционной политикой коллективного Запада, затронувшей мировую энергетику и повлекшей серьезные последствия, в том числе явления, способные затормозить в некоторой степени указанный тренд в связи с вынужденным обращением ряда стран к более традиционным энергоносителям и соответствующим технологиям.

В рамках реализации указанного плана мероприятий была разработана и Распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 августа 2021 г. № 2162-р утверждена Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации¹ (далее – Концепция водородной энергетики). Обращает на себя внимание принципиально важный организационно-методологический посыл, отраженный в указанном распоряжении, в котором говорится, что при составлении и коррекции программ Российской Федерации или других государственных документов России о стратегическом планировании федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации должны основываться на Концепции водородной энергетики.

Выдающиеся российские правоведы отмечают важность подобных содержательных, значимых для отечественной экономики подзаконных актов. Например, профессор Ю. А. Тихомиров, рассуждая о том, что «традиционная критика ведомственных актов привела в последнее время к формированию жесткого тезиса о «регуляторной гильотине», что означает недооценку потенциала ведомственного нормотворчества», подчеркивает: «Отрадно, что в последнее время принят ряд содержательных актов» – и приводит в качестве примера именно Концепцию водородной энергетики [10].

Несмотря на бесспорную значимость и высокую степень проработанности Концепции водородной энергетики, отдельные ее положения, на наш взгляд, заслуживают определенной конкретизации. Например, указано, что на II этапе развития водородной энергетики (2025–2035 гг.) будут вводиться в работу коммерческие проекты, связанные с получением водорода, с планируемым результатом по объему экспорта до 2 млн т в 2035 г. (потенциально возможный максимум – 12 млн т). На данном уровне будут достигаться цели по реализации масштабных проектов экспортно ориентированных производств водорода, а также работа над созданием «пилотных» проектов по применению водорода на внутреннем рынке России с помощью отечественных технологий.

Разделяя указанные цели и задачи, отметим, что обозначенный интервал – целое десятилетие

для запуска первых проектов – представляется неконкретным и излишне широким (буквальное толкование приведенного положения означает, что первые проекты могут стартовать как в 2025 г., так и, например, в 2034 г., что будет иметь совершенно разное значение для экономики страны). Мы полагаем важным *обозначать более четкие этапы и сроки*, в том числе запускать проекты в ближайшие годы, не допуская затягивания этого процесса на десятилетие.

Анализ некоторых документов стратегического планирования Российской Федерации, разработанных отраслевыми министерствами и ведомствами, показывает, что положения Концепции водородной энергетики действительно учитываются при прогнозировании развития важных сфер российской экономики во взаимосвязи с вопросами энергетики и ее влияния на жизнь общества. Однако представляется, что в некоторых случаях это делается формально и, по сути, сводится к констатации неактуальности движения в сторону активного внедрения достижений водородной энергетики; при этом обозначаются весьма далекие и туманные горизонты такого внедрения. К примеру, в утвержденной 27 ноября 2021 г. Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года² отмечено, что водородное топливо способно снизить уровень загрязнения окружающей среды за счет минимизирования выбросов вредных веществ, но при этом использование водорода становится экономически невыгодным (в отличие от топлива для двигателей внутреннего сгорания), учитывая себестоимость производства и логистики водорода в связи с нынешним уровнем зрелости технологий. При этом со ссылкой на Концепцию водородной энергетики указывается, что масштабное введение технологий водородной энергетики в сфере транспорта планируется гораздо позже прогнозируемого периода Транспортной стратегии (в 2036–2050 гг.).

Уже сегодня проводится также работа как российскими, так и международными компаниями по промышленному внедрению топливных элементов на транспорте, но, в отличие от российских компаний, международные компании активно ра-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 августа 2021 г. № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16.08.2021. – № 33. – Ст. 6124.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.12.2021. – № 50 (часть IV). – Ст. 8613.

ботают над пилотными моделями воздушных судов, которые используют в качестве топлива сжатый водород, и к 2035 г. планируют ввести их в коммерческое использование.

Полагаем важным высказать рекомендацию *обратить более пристальное внимание на потенциал развития водородной энергетики* в преломлении к внедрению соответствующих элементов в различных отраслях национальной экономики России, *отражая соответствующие приоритеты в правовых актах, документах стратегического планирования.*

При этом обратим внимание на то, что в важных концептуальных документах развитие водородной энергетики совершенно справедливо коррелируется в некоторых аспектах с развитием промышленности и транспорта в стране, акцентируется внимание на практическом внедрении технических и технологических решений, основанных на использовании водорода, а также на продвижении интересов России в этой сфере на международной арене. К примеру, в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года¹ проводится следующая корреляция: федеральный проект «Электроавтомобиль и водородный автомобиль» соотносится с такими мероприятиями, как «развитие энергетической инфраструктуры электротранспорта», «развитие промышленности электротранспорта и водородного транспорта» и «создание водородной заправочной инфраструктуры». План мероприятий «Развитие водородной энергетики в Российской Федерации» на 2020–2024 г. и Федеральный проект «Чистая энергетика» соотносятся с задачей «наращивание темпов производства и потребления водорода, присоединение

Российской Федерации к числу мировых лидеров по его получению и экспорту».

Полагаем важным, чтобы в дальнейшем *комплексы мероприятий по развитию водородной энергетики в еще большей степени были скоррелированы с приоритетами промышленной политики Российской Федерации* в целях максимально эффективного внедрения достижений отечественной водородной энергетики в производственный сектор, в том числе в контексте задач импортозамещения.

Заметим, что на региональном уровне в нормативных актах, документах стратегического планирования в ряде субъектов Российской Федерации уделяется внимание развитию водородной энергетики, отмечаются имеющиеся тенденции, ставятся задачи и намечаются результаты². Считаем важным рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе с учетом перспективных экономических специализаций регионов³, в дальнейшем еще более предметно закладывать *меры и механизмы, включая правовые стимулы, направленные на развитие водородной энергетики в регионе.*

Подчеркнем, что *развитие водородной энергетики лежит в плоскости приоритетов государственной политики.* Бизнес может проявлять определенную осторожность ввиду неопределенности прогнозов по отдаче от инвестиций в эту сферу. Исследователи справедливо акцентируют внимание на важности принятия фундаментальных инвестиционных решений в случае, когда практически невозможно дать объективную оценку стоимости всех затрат на проекты и отрасли в целом [3. – С. 70]. Поэтому *государство должно взять на себя часть бремени путем сти-*

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р (текст размещен на официальном сайте Минэкономразвития России: <https://www.economy.gov.ru>).

² Например, в Энергетической стратегии города Москвы на период до 2025 года, утвержденной еще Постановлением Правительства Москвы от 2 декабря 2008 г. № 1075-ПП (ред. от 9 августа 2011 г.), отмечается, что «мировые тенденции развития водородной энергетики свидетельствуют о перспективности применения топливных элементов как в системах энергообеспечения, так и для транспортных средств»; в Законе Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 41-ЗРТ (ред. от 6 августа 2019 г.) «Об утверждении Стра-

тегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года» в рамках утвержденной Стратегии закреплён раздел «Водородная энергетика», в котором, в частности, закреплено, что «для эффективного развития водородной энергетики в Татарстане необходимо внедрять технологии химического связывания и выделения водорода, разрабатывать системы хранения водорода для крупнотоннажной транспортировки. Накопители энергии на основе использования водорода могут стать эффективным решением в целом для развития ВИЭ» и т. д.

³ Закреплены в Приложении № 1 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 18.02.2019. – № 7 (часть II). – Ст. 702.

мулирования к принятию соответствующих инвестиционных решений и оказания действенных мер поддержки, чтобы не оставлять энергетические компании один на один с вызовами в сфере развития водородной энергетики.

Экономическая значимость водородных проектов бесспорна. Представители Российской академии наук стоят на той позиции, что «при интеграции водорода в экономику страны и мира учитывается постулат: сколько бы ни было произведено экономически приемлемого водорода, он будет востребован и использован» [8]. Ввиду этого с правовой точки зрения важно последовательное принятие государством решений, опосредуемых соответствующим совершенствованием законов и подзаконных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение условий для развития водородного сектора российской энергетики.

Считаем целесообразным в этом аспекте предложить следующие подходы и возможные направления совершенствования, основанные на анализе существующей нормативной базы и задач развития водородной энергетики.

Весьма важен и актуален экспериментальный подход, в рамках которого реализуются *пилотные проекты*, дающие возможность определить эффективность и результативность тех или иных практик с целью их *последующего масштабирования и более широкого внедрения*. В сфере водородной энергетики перспективны, в частности, проекты возведения испытательных полигонов низкоуглеродного производства водорода, базирующихся на предприятиях по переработке углеводородного сырья или на объектах добычи природного газа. Задача по обеспечению их создания предусмотрена пунктом 43 Плана мероприятий по реализации Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года¹, обозначен срок исполнения – 2023 г. Считаем, что подобный подход в сфере развития водородной энергетики заслуживает весьма широкого применения; *необходимо в полной мере использовать потенциал запуска и реализации пилотных проектов,*

а также механизм создания для их осуществления соответствующих проектных офисов, включающих представителей как органов публичной власти разных уровней, так и заинтересованных хозяйствующих субъектов, научных организаций, экспертов.

Принципиально важны эффективные механизмы государственного стимулирования деятельности в сферах производства, хранения, транспортировки и использования водорода, а также *прямой государственной поддержки фундаментальных научных исследований*, НИОКР, направленных на обеспечение инновационных подходов и технологий в указанных сферах, которые должны быть более четко прописаны в обновляющейся нормативной правовой базе развития отечественной водородной энергетики.

Необходимо как *стимулировать развитие водородных проектов крупных российских энергетических компаний*, предоставляя им соответствующие преференции, так и прорабатывать *правовые механизмы для обеспечения оказания мер поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в аспекте водородных стартапов.*

Отметим, что в современном мире растет интерес к инновационным проектам, стартапам в области водородной энергетики². В этом аспекте отечественному рынку нужно обратить внимание на данные тенденции и расставить подходящие акценты. Также необходимо внести дополнительную корректуру в законодательство о поддержке малого и среднего предпринимательства в нашей стране. Обращает на себя внимание, что в Федеральном законе от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»³ предусмотрены в отдельных статьях виды поддержки, оказываемой субъектам малого и среднего предпринимательства в ряде сфер, например, в сфере образования (статья 21), в области инноваций и промышленного производства (статья 22), в области ремесленной деятельности (статья 23). Предусмотрена поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства,

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 июня 2021 г. № 1447-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.06.2021. – № 24 (Часть II). – Ст. 4530.

² См., например: 5 многообещающих стартапов в области водородного топлива. Материал от 21 сентября 2020 г. –

URL: <https://hydrogen.team/5-mnogoobeshhayushhih-startapov-v-oblasti-vodorodnogo-topliva/> (дата обращения: 10.04.2022); Блинова О. Глобальные инвесторы поверили в водород. Материал от 14 октября 2021 года. – URL: <https://www.if24.ru/globalnye-investory-poverili-v-vodorod/> (дата обращения: 10.04.2022).

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

осуществляющих внешнеэкономическую деятельность (статья 24) и т. д. Полагаем целесообразным исходя из приоритетности развития энергетического сектора отечественной экономики предметно проработать вопрос о *дополнении названного Федерального закона специальной статьей, регламентирующей меры поддержки для субъектов МСП, осуществляющих деятельность в сфере энергетики, особо обратив внимание в рамках ее положений на поддержку перспективных проектов в сфере водородной энергетики* (например, дополнить

статьей 22¹, логично расположив ее в структуре акта после статьи о поддержке в области инноваций и промышленного производства).

С учетом современных мировых тенденций и прогнозов долгосрочного возрастания роли водорода в общем энергобалансе полагаем целесообразным в российских документах стратегического планирования, включая названные в настоящей работе ключевые документы, *расширить горизонт планирования развития водородной энергетики до 2050 г.* Также представляется весьма дальновидным посредством последовательного акцентирования внимания на перспективах водородной энергетики и ее «зеленой составляющей», положительных эффектах для окружающей среды и климатической повестки поддерживать и развивать *имидж российских энергетических компаний как экологически ответственных.*

В названных выше рекомендациях круглого стола, проведенного Комитетом Государственной Думы по энергетике, сформулирована рекомендация Госкорпорации по атомной энергии «Росатом»: «В рамках реализации комплексной программы по развитию атомно-водородной энергетики принять меры по гармонизации специализированной системы нормативно-правового регулирования»¹. Разделяем важность этого направления работы и добавим, что в перспективе в целом нужно добиваться не только гармонизации национальной и международной нормативной правовой базы в указанной сфере, но и *внедрения российских правовых подходов в международные документы с целью усиления влияния России в сфере общемирового развития водородной энергетики.* Прогнозы

показывают, что *борьба за лидерство в сфере водородной энергетики будет усиливаться.* К сожалению, в оценках западных политических институтов Россия далеко не всегда фигурирует в числе флагманов в этой области. Например, согласно Европейской комиссии, лидерами в контексте роста инвестиций в сферу водородной энергетики являются Соединенные Штаты Америки, Япония, Южная Корея, Китай и страны Евросоюза [9. – С. 64].

Считаем принципиально важным поступательно наращивать усилия для *обретения Россией статуса признанного лидера в сфере развития водородной энергетики* как по вектору возрастания объемов экспорта водородной продукции и технологий, так и по научно-исследовательскому и внедренческому вектору, с тем чтобы отечественные технологии и разработки получали признание у зарубежных партнеров и пользовались высоким спросом.

Для этого необходимы: *выработка соответствующих правовых механизмов, создание и совершенствование на законодательном уровне комплекса мер поддержки инвестиционной деятельности в сферах производства, хранения, транспортировки и использования водорода, научных исследований, инфраструктурных проектов, а также правовое обеспечение внешнеэкономических связей по продвижению достижений российской водородной энергетики.*

Потенциал развития водородной энергетики в нашей стране огромен, для его реализации есть все необходимое: колоссальная ресурсная база, значительный опыт отечественных энергетических компаний, научно-технологический задел и перспективные сферы НИОКР, соответствующий человеческий капитал и предпринимательская инициатива. От государства требуется совершенствование правовых мер поддержки, принятие последовательных законодательных решений, способных стимулировать развитие водородных проектов. Считаем, что реализация ряда предложений, изложенных в настоящей работе, может способствовать обсуждению, проработке, принятию и реализации таких решений.

¹ Рекомендации круглого стола Комитета Государственной Думы по энергетике на тему «Водородная энергетика: текущая ситуация и перспективы развития в России и мире».

Утверждены Решением Комитета Государственной Думы по энергетике № 3.25-5/157 от 21 октября 2020 г. – С. 26.

Список литературы

1. Белов В. Б. Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией // Современная Европа. – 2020. – № 5.
2. Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Инновации в энергетике: организационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 1.
3. Ковалев С. Ю., Блам И. Ю. Перспективы водородной энергетики в контексте энергетического перехода // ЭКО. – 2021. – № 7.
4. Копытин И. А., Попадьюко А. М. Водородные стратегии крупнейших европейских энергетических компаний // Современная Европа. – 2021. – № 4.
5. Кулагин В. А., Грушевенко Д. А. Сможет ли водород стать топливом будущего? // Теплоэнергетика. – 2020. – № 4.
6. Место России в глобальной водородной экономике // Водородная экономика – путь к низкоуглеродному развитию / Центр энергетики Московской школы управления «Сколково». – Июнь 2019.
7. Новак А. В. Водород: энергия «чистого» будущего // Энергетическая политика. – 2021. – № 4.
8. Пономарёв-Степной Н. Н. Атомно-водородная энергетика // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91. – № 5.
9. Соловьев Д. А. Направления развития водородных энергетических технологий // Энергетическая политика. – 2020. – № 3 (145).
10. Тихомиров Ю. А. Динамика управления в современном обществе // Журнал российского права. – 2021. – № 11.
11. Хабриева Т. Я. Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. – 2009. – № 8.
12. Халова Г. О., Юдин Д. А. Анализ мирового опыта развития производства водородного топлива. Возможности Российской Федерации // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 7.

Об актуализации подхода к определению критериев признания вещи бесхозной

А. А. Мартынова

аспирантка кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9.
E-mail: merelery@gmail.com

On Updating the Approach to Defining Criteria Recognition of a Thing as Ownerless

A. A. Martynova

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law
Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Address: Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russian Federation
E-mail: merelery@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос о необходимости актуализации подхода по установлению признаков бесхозной вещи. С исторической перспективы рассмотрен процесс изменения содержания и количества критериев, в соответствии с которыми вещь признается бесхозной в доктрине гражданского права и гражданском законодательстве. Проведенный анализ позволил автору прийти к выводу о необходимости учета положений института владения при разработке актуальной концепции критериев бесхозности вещи. Особый акцент сделан автором на важность соотнесения признаков бесхозной вещи с грядущими изменениями в вещно-правовых отношениях в силу Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и Концепции развития законодательства о вещном праве.

Ключевые слова: бесхозная вещь, критерии бесхозности вещи, владение, реформа вещного права, выморочное имущество.

Annotation

In the article considered the issue of the need to update the approach to establish signs of an ownerless thing. From a historical perspective, the process of changing the content and number of criteria, according to which a thing is recognized as ownerless in the doctrine of civil law and civil law, is considered. The analysis carried out allowed the author to come to the conclusion that it is necessary to take into account the provisions of the institution of ownership in the development of the current concept of criteria for ownerlessness of a thing. Particular emphasis is placed by the author on the importance of correlating the signs of an ownerless thing with the upcoming changes in real-law relations by virtue of the Concept for the development of the civil legislation of the Russian Federation and the Concept for the development of legislation on property law.

Keywords: ownerless thing, criteria for ownerlessness of a thing, possession, reform of property law, escheated property.

В соответствии с пунктом 1 статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника, или собственник которой неизвестен, или, если иное не предусмотрено законами, от права собственности на которую собственник отказался. Исходя из буквального толкования легальных признаков, закрепляющих в статье 225 Гражданского кодекса Российской Федерации понятие бесхозяйной вещи, представляется разрешенным вопрос об их определенности и достаточности. Однако в связи с грядущими изменениями регулирования вещно-правовых отношений в части предложения о правовом закреплении ключевых положений института владения перечисленные критерии утрачивают свою актуальность, а также требуют перехода от формального повторения законодательных формулировок к выработке актуального содержания критериев квалификации вещи в качестве бесхозяйной.

С точки зрения отечественной цивилистики тема о проработке актуального подхода к определению содержания критериев признания вещи бесхозяйной также остается дискуссионной. Предметом научной дискуссии остается вопрос о том, какие критерии будут необходимы и достаточны на современном этапе развития отечественного гражданского права, какие признаки наука гражданского права позволит рассмотреть в качестве обоснованной квалификации вещи в качестве бесхозяйной.

При этом стоит отметить, что в доктрине гражданского права законодательно закрепленное определение бесхозяйной вещи с течением времени претерпевало значительные изменения. Так, начиная с дореволюционного этапа представители цивилистической науки не смогли прийти к единогласию относительно признаков бесхозяйного имущества. Часть ученых указывала на необходимость теоретического исследования состояния бесхозяйности вещей, другие отрицали само существование данной правовой аномалии, третьи утверждали о возможности квалификации в качестве бесхозяйных только движимых вещей.

Так, Г. Ф. Шершеневич однозначно проводил разграничение между такими первоначальными способами приобретения права собственности,

как завладение и давность владения, относительно движимых вещей (покинутые вещи, рыба в море и озерах, жемчуг в море, дикие животные – вещи, никому не принадлежавшие и не принадлежащие), и недвижимых вещей (земель) соответственно².

Представителем противоположного подхода являлся Д. И. Мейер, который указывал, что «в нашем юридическом быту нет вещей бесхозяйных, так как по статье 406 Свода законов Российской империи³ вещи, не принадлежащие никому в особенности, принадлежат государству. В древнем юридическом быту, конечно, как и у нас, были вещи бесхозяйные; но с той поры, как установилось это правило, юридические определения охватывают весь мир вещей, находящихся на территории Российского государства, и нет такой вещи, которая подлежала бы юридическим определениям и не составляла чьей-либо собственности» [6].

Будучи приверженцем третьего подхода к теоретическому исследованию состояния бесхозяйности вещей, Л. А. Кассо выделял три группы недвижимости: 1) принадлежащие частным лицам; 2) принадлежащие государству, корпорациям, учреждениям; 3) бесхозяйные участки, т. е. не принадлежащие ни физическим, ни юридическим лицам. Ученый отмечал, что действующее гражданское законодательство не признает третьей группы недвижимых вещей, поскольку действует презумпция государственной собственности на землю в силу статьи 406 Свода законов гражданских Российской империи.

При этом Л. А. Кассо подчеркивает, что указанный принцип не должен распространяться на движимые вещи, которые могут быть бесхозяйными и не имеют связи с государством, – дикие животные и птицы, ненужные предметы, выброшенные собственником. Ученый также признавал фикцией право государственной собственности на земельный участок, не имеющий собственника при малочисленности населения, поскольку большие земельные участки не используются по назначению и, соответственно, подвергаются самовольному завладению и использованию со стороны заинтересованных лиц. При этом следуют обращения о правовом закреплении фактического владения

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. – 08.12.1994. – № 238–239.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. – Т. 2. Особенная часть. – М. : Юрайт, 2019.

³ Свод законов Российской Империи 1832 года. – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/svod_zakonov_rossijskoj_imperii_tom_x/ (дата обращения: 25.10.2020).

спорным земельным участком, с соответствующим последующим изменением права государственной собственности на право частной собственности. В качестве примера Л. А. Кассо приводит заимку пустопорожных земель на юге России в XVI и XVII вв., которая в последующем из незаконного завладения претерпевала преобразование в легальное состояние через пожалование занятых земель [4].

Советский этап развития научных исследований относительно рассмотрения критериев бесхозяйности вещей ознаменовался закреплением легальной дефиниции в статье 442 Декрета Совета Народных Комиссаров от 3 ноября 1920 г.: «Бесхозяйным имуществом считается всякое имущество, не находящееся ни в чьем обладании или находящееся в обладании определенных органов без ведома об этом соответствующего Центрального Распределительного органа»¹. Перечисление имущества, которое могло быть квалифицировано в качестве бесхозяйного, носило относительно исчерпывающий характер, поскольку наряду с указанием конкретных видов такого имущества (например, трофейное, эвакуированное без указания адресата или владельца) перечисление заканчивалось следующим видом имущества: «имущество, фактически оставленное его владельцем, пребывающим в неизвестном отсутствии, а также имущество, владелец коего неизвестен и не может быть установлен»².

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в последующих кодифицированных актах гражданского законодательства СССР указание на конкретные виды имущества, которые могли быть отнесены к бесхозяйному, более не нашло закрепления. Так, статья 68 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.³ в первоначальной редакции определяла в качестве критерия бесхозяйного имущества единственный признак неизвестности собственника, что свидетельствует об узости данной формулировки. Затем в 1925 г. данная статья претерпела изменения, и к указанному критерию бесхозяйности был добавлен критерий отсутствия собственника.

В период с 1935 по 1956 г. произошло отождествление бесхозяйного и выморочного имущества в силу закрепления следующих признаков бесхозяйного имущества – неизвестность, либо отсутствие собственника, либо признание собственника в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или умершим⁴. Так, было принято Положение «О порядке учета и использования национализированного, конфискованного, выморочного и бесхозяйного имущества» (утверждено 17 апреля 1943 г. Постановлением Совета народных комиссаров СССР № 404), согласно положениям которого предполагалось разграничение категорий бесхозяйности и выморочности имущества. Однако раскрытие сущностных признаков для соответствующего разграничения указанных категорий в данном Положении не предусматривалось.

Вместе с тем применение Положения осуществлялось в силу норм инструкции Народного комиссариата финансов СССР от 31 мая 1943 г., которыми предполагалась квалификация имущества, принадлежащего лицам, признанным умершими, в качестве бесхозяйного в случае отсутствия наследников у таких лиц. К бесхозяйному также стало относиться имущество, собственник которого известен, однако покинул территорию СССР без получения соответствующего разрешения уполномоченных органов либо скрылся в неизвестном направлении [1]. При этом стоит подчеркнуть противоречие, утвержденное указанной инструкцией: в наименовании нормативно-правового акта используются две различные правовые категории – бесхозяйное и выморочное имущество. Однако нормативными положениями инструкции по существу предусматривалось отождествление данных правовых категорий.

С принятием инструкции Министерства финансов СССР «О порядке учета и использования конфискованного, бесхозяйного и выморочного имущества» от 30 января 1956 г. № 35 критерии отнесения имущества к категории бесхозяйного вновь претерпевают изменения. Закрепляются класси-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. – Москва, 1943. – С. 646–649. – URL: <https://listmat.org/node/42746>

² Там же.

³ О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР // Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. (вместе с Гражданским кодексом РСФСР). СУ РСФСР. – 1922. – № 71. – Ст. 904 (утратило силу).

⁴ Инструкция Народного комиссариата коммунального хозяйства и Наркомата юстиции РСФСР от 22 октября 1935 г. № 227 «О бесхозяйных строениях частновладельческого фонда». – URL: <https://listmat.org/node/23893>

ческие критерии неизвестности и отсутствия собственника имущества. Кроме того, к бесхозному имуществу теперь относится также «имущество, ценности и денежные средства, владелец которых хотя и известен, но выбыл из данной местности и местожительство его неизвестно»¹. Затем статья 32 Основ гражданского законодательства 1961 г.² также закрепила два критерия бесхозности имущества: неизвестность и отсутствие собственника, которые остались закрепленными в статье 143 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.³

Таким образом, особенностями советского периода развития вещно-правовых отношений являлась презумпция государственной собственности на бесхозное имущество и дискуссионный вопрос об отождествлении правовых категорий бесхозности и выморочности имущества.

На современном этапе развития вещно-правовых отношений, к сожалению, приходится констатировать, что научные исследования большинства ученых-цивилистов сводятся к буквальному толкованию легально закрепленных признаков бесхозного имущества.

Другие ученые указывают на неоднозначность и недостаточность законодательно утвержденных критериев, в соответствии с которыми вещь признается бесхозной. Так, О. С. Лазарева, Е. А. Зайцева перечисляют три легально закрепленных признака бесхозной вещи (отсутствие либо неизвестность собственника, отказ от права собственности на вещь) и отмечают спорность первого и второго из них [5]. Однако полностью выявленную спорность признаков бесхозного имущества указанные авторы не раскрывают, ограничиваясь только тезисным указанием на существующую проблему.

И. Г. Бублик более детально рассматривает слабость критерия неизвестности собственника бесхозного имущества. Так, ученый указывает в качестве недостатка критерия неизвестности собственника его относительный характер, а также отмечает невозможность приравнивания критерия неизвестности собственника и категории бесхозяйности вещи [2].

Третья группа представителей современной цивилистики отмечает важность доктринального приведения квалифицирующих признаков бесхозности в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации⁴, Проектом концепции развития законодательства о вещном праве⁵. Ю. В. Виниченко различает бесхозные вещи «de jure» и «de facto», подчеркивая, что фактическое владение вещью означает отсутствие оснований для рассмотрения вопроса о признании вещи бесхозной [3].

Наиболее актуальным подходом в настоящее время является стремление к переосмыслению традиционных критериев бесхозности имущества в связи с грядущей значительной трансформацией регулирования вещно-правовых отношений. Так, одной из наиболее серьезных инициатив является предложение о правовом оформлении института владения, которое по существу в полной мере не закреплено в действующем российском законодательстве. При этом стоит отметить и непримиримую научную дискуссию по вопросу о квалификации владения в качестве правового или фактического состояния. В то же самое время, владельческое отношение к вещи становится определяющим в установлении адекватных критериев квалификации имущества в качестве бесхозного.

Поскольку характерными признаками владения являются намерение относиться к вещи как к своей собственной, нести бремя ее содержания, то при рассмотрении вопроса об определении необходимых критериев бесхозности предпочтительнее будет основываться на положениях теории владения.

Итак, принимая во внимание планируемые изменения вещного права и поддерживая позицию по актуализации подхода по установлению критериев квалификации имущества в качестве бесхозного с учетом положений теории владения, полагаем, что бесхозной считается вещь, фактическое обладание которой отсутствует, равно как и интерес конкретного лица в обладании ею.

¹ Инструкция Министерства финансов СССР «О порядке учета и использования конфискованного, бесхозного и выморочного имущества» от 30 января 1956 г. – № 35.

² Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик». Ведомости Верховного Совета СССР, 1961. – № 50. – Ст. 525 (утратил силу).

³ Гражданский кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1964. – № 24. – Ст. 407.

⁴ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – URL: <http://privlaw.ru/soveto-kodifikacii/conceptions/koncepciya1/>

⁵ Концепция развития законодательства о вещном праве. – URL: <http://privlaw.ru/soveto-kodifikacii/conceptions/koncepciya5/>

Список литературы

1. Блинков О. Е. Приобретение муниципальными образованиями права собственности на бесхозные недвижимые вещи // Государственная власть и местное самоуправление. – 2003. – № 5.
2. Бублик И. Г. К вопросу о неизвестности собственника бесхозного имущества // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – Барнаул, 2006. – № 11. – С. 28–30.
3. Виниченко Ю. В. Бесхозность вещей: de jure vs de facto // Вестник Пермского университета. – Пермь: Юридические науки, 2018. – № 2. – С. 225–239.
4. Кассо Л. А. Русское поземельное право. – 1906. – С. 25. – URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kasso_la_russkoe_pozemelnoe_pravo/ (дата обращения: 20.03.2022).
5. Лазарева О. С., Зайцева Е. А. Управление муниципальной недвижимостью: проблемы признания недвижимого имущества бесхозным // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». – Тверь, 2019. – № 4. – С. 75–80.
6. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. – 3-е изд., испр. – М. : Статут, 2003. – Серия «Классика российской цивилистики».

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2022-2-64-70>

Отдельные проблемы соблюдения и реализации принципов гражданского судопроизводства

Е. А. Иванченко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета.

Адрес: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
335017, город Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1.

E-mail: kvi-elena@yandex.ru

Т. В. Воротилина

кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова,

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: vorotilina@mail.ru

Individual Problems of Compliance and Implementation of the Principles of Civil Procedure

E. A. Ivanchenko

PhD, Associate Professor; Associate Professor of Legal Culture Protection of Human Rights of the Juridical Institute of the North-Caucasian Federal University.

Address: FSAEI «North-Caucasian Federal University», 1 Pushkin Street,
Stavropol, 335017, Russian Federation.

E-mail: kvi-elena@yandex.ru

T. V. Vorotilina

PhD, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: vorotilina@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные существующие проблемы соблюдения и реализации принципов судопроизводства в гражданском процессе, предложены пути их решения в контексте обеспечения задач гражданского судопроизводства, а именно правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц. Методологическая основа исследования базируется как на общетеоретических правовых концепциях, так и на положениях процессуального права. Применялись такие методы исследования, как диалектический, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический, системно-структурный с приемами анализа, синтеза и описания. Авторы приходят к выводу о том, что не следует однозначно понимать возможность непосредственного применения законодательно закрепленных принципов гражданского судопроизводства. Правореализационная деятельность судей, так или иначе, подвержена влиянию правовой доктрины и судебного прецедента, а также отдельных элементов субъективного характера, относящихся к опыту, практике, правосознанию, правовым убеждениям конкретного представителя судейского сообщества. Несмотря на то, что данное утверждение неоспорно, авторы убеждены в приоритетности законодательного закрепления и более четкой регламентации основ гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: принципы права, система принципов правосудия, гражданское судопроизводство, реализация принципов права, независимость судей, гражданское процессуальное законодательство.

Abstract

The article discusses some existing problems of compliance with and implementation of the principles of judicial proceedings in civil proceedings, proposed ways to solve these problems in the context of ensuring the tasks of

civil proceedings, namely, the correct and timely consideration and resolution of civil cases in order to protect violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests of citizens and legal entities. The methodological basis of the research is based both on general theoretical legal concepts and on the provisions of procedural law. Dialectical, formal-logical, comparative-legal, technical-legal, system-structural methods with methods of analysis, synthesis and description were used as research methods. The authors come to the conclusion that it is not necessary to unambiguously understand the possibility of direct application of the legally fixed principles of civil proceedings. The law-realization activity of judges, one way or another, is influenced by legal doctrine and judicial precedent, as well as by hotel elements of a subjective nature related to the experience, practice, legal awareness, legal beliefs of a particular representative of the judicial community. Realizing that this statement is indisputable, the authors, however, are convinced of the priority of legislative consolidation and clearer regulation of the foundations of civil proceedings.

Keywords: principles of law, system of principles of justice, civil proceedings, implementation of principles of law, independence of judges, civil procedural legislation.

Не ставя перед собой цель – глубоко изучить суть дефиниции «принципы гражданского судопроизводства», авторы данного исследования отмечают отсутствие легального определения данного термина. С учетом положения правовой доктрины необходимо подчеркнуть, что принципы правосудия являются руководящими положениями, основными началами для судебных органов, базируются на общеправовых принципах, носят общий характер и общеобязательны не только для суда, но и для всех иных участников судопроизводства. В соответствии с данными принципами должен быть выстроен весь судебный процесс.

Принципы правосудия, их система явились закономерным следствием эволюции правовых взглядов и этических представлений, в них отражаются фундаментальные правовые идеи отечественной системы права.

Распространяется влияние принципов правосудия и на иные ветви власти. Необходимо остановиться на взаимодействии органов государственной власти и их взаимовлиянии на формирование, сущностное наполнение и функционирование принципов любого из видов судопроизводства в целом и гражданского судопроизводства в частности.

Что касается законодательной власти, следует отметить, что, во-первых, сами принципы правосудия законодательно закреплены, во-вторых, занимаясь законотворчеством, органы законодательной власти должны учитывать, соответствуют ли вводимые нормативные предписания базовым правовым принципам, в том числе и принципам правосудия. Органы исполнительной власти в своей деятельности также руководствуются данными принципами, несмотря на то, что отправление правосудия не входит в их компетенцию.

Как справедливо отмечают Н. Н. Вопленко и В. А. Рудковский, «назначение правовых принципов состоит в обеспечении идеологического и практического единства» всех стадий механизма правового регулирования [2. – С. 7], начиная со стадии правотворчества и заканчивая стадией правоприменения. Это высказывание подтверждает бесспорность тезиса о том, что принципы правосудия находят свою практическую конкретизацию посредством реализации принципов судопроизводства, закрепленных в процессуальных нормативных правовых актах.

По нашему мнению, в систему основополагающих начал гражданского судопроизводства следует включать такие принципы, как осуществление правосудия только судом, равенство всех перед законом и судом, независимость судей, а также состязательность и равноправие сторон.

Рассмотрим отдельные проблемы реализации и соблюдения данных принципов применительно к деятельности суда, связанной с судебным разбирательством гражданских дел.

Реализация принципа по осуществлению правосудия только судом обеспечивается положениями Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которым функция отправления правосудия принадлежит исключительно судебным органам. Никакие соображения необходимости, целесообразности, экстренности и т. д. не могут служить основанием для передачи данного исключительного полномочия иному государственному органу, присвоения должностным лицом полномочий, принадлежащих судье.

Между тем в юридической литературе все более распространяется точка зрения, что в отдельных случаях, в рамках упрощенного производства,

в гражданском процессе возможно отнесение отдельных функций к компетенции иных субъектов. В частности, встречается мнение о возможности отнесения отдельных бесспорных дел к компетенции нотариуса [5. – С. 83], предложение о возможности наделения помощника судьи полномочием самостоятельно разрешать малозначительные и бесспорные дела [1. – С. 206; 7. – С. 187;], а также иные предложения о перераспределении судебской нагрузки.

Принимая во внимание благие намерения авторов (существенно снизить нагрузку на судебную систему), хотелось бы все-таки отметить категоричный характер положений Основного закона и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» – источников, обладающих большей юридической силой, чем гражданско-процессуальный закон, устанавливающих, что правосудие относится исключительно к компетенции судов и может осуществляться только лицом, обладающим статусом судьи.

Совершенно справедливо пишет по данному вопросу А. Ю. Старицын: «Правосудие – это та функция, которая характерна для судебных органов по их правовой природе. По этой причине выдвигаемый способ разрешения проблем правоприменительной практики категорически нежизнеспособен» [8. – С. 165–166].

Считаем также, что помощь судье в подготовке проектов судебных актов (на данную новеллу 2018 г., внесшую поправку в арбитражно-процессуальное законодательство, ссылаются отдельные авторы, рассматривая вопрос о возможности наделения помощника судьи отдельными полномочиями по осуществлению правосудия и в гражданском процессе) следует расценивать исключительно как проявление традиционной практики взаимодействия судьи со своим помощником, а не как промежуточный этап в процессе перехода части полномочий судьи по осуществлению правосудия к его помощнику.

Вместе с тем высказываемые в специальной литературе предложения нарушают логику презумпции обжалования, существующего в российском праве, согласно которой любое судебное решение может быть обжаловано стороной судебного процесса, однако обжалование может быть произведено только путем обращения в вышестоящий судебный орган, следовательно, отменить или изменить решение суда может только судеб-

ный орган, но и отменяемое или изменяемое судебное решение должно быть вынесено исключительно судебным органом. По нашему мнению, это является единственным и достаточным условием обеспечения надлежащей самостоятельности и независимости судебной власти.

Что касается принципа равенства всех перед законом и судом, то необходимо подчеркнуть, что при реализации данного принципа важным является следующее: установлен единый порядок обращения граждан в судебные органы; порядок привлечения граждан к ответственности также един и не зависит от пола, расы, национальности и т. д.; граждане в судебном процессе также обладают равными правами, и контроль за соблюдением данного равенства является обязанностью суда. Однако применительно к гражданскому судопроизводству реализация такого понятного на первый взгляд принципа встречает отдельные затруднения в контексте преломления его в свете общеправовых представлений о правовой определенности.

Аргументируем свою точку зрения. Реализация всех трех элементов – составляющих данного принципа, возможна только за счет исчерпывающей определенности правовой нормы, которая подразумевает, во-первых, ее ясность для всех субъектов права; во-вторых, ее точность и соответствие уже существующим в праве терминам и правовым конструкциям; в-третьих, ее недвусмысленность, т. е. конкретность с точки зрения использования юридической техники и, в-четвертых, ее непротиворечивость и согласованность с уже действующей системой правового регулирования общественных отношений.

Следовательно, изъян в любом из перечисленных элементов будет приводить к неадекватному ее применению в отношении одного из субъектов правоотношения, нарушая его право на доступную, справедливую и законную судебную защиту наравне с другими участниками процесса, а значит, его равенство с другими участниками, что недопустимо с точки зрения реализации «одной из фундаментальных общечеловеческих и универсальных идей», – так справедливо и точно называет в своей публикации принцип равенства Е. А. Дербышева [3. – С. 34].

Еще одной проблемой, влияющей в гражданском судопроизводстве на надлежащее соблюдение принципа равенства всех перед законом и судом, является соблюдение баланса между инте-

ресом частным и интересом публичным, о чем неоднократно упоминалось в юридической литературе. Проблема на сегодняшний день, к сожалению, сохраняется с явным смещением судебной защиты в сторону публичного интереса, тем самым нарушая рассматриваемый принцип и принцип состязательности и равноправия сторон.

Обеспечение принципа равенства коррелирует со многими иными принципами гражданского судопроизводства, перефразируя сказанное Е. А. Дербышевой, его смело можно назвать одним из фундаментальных и универсальных принципов судебного процесса, обеспечивающих равное право на обращение за защитой своих прав и свобод в судебные органы, которое закреплено конституционно и не может быть нарушено ни по каким основаниям. Благодаря реализации данного принципа в судебных органах может быть обжалована законность действий, бездействия, решения любого субъекта общественных отношений, независимо от того, наделен ли данный субъект властными полномочиями или не наделен.

Далее обратимся к принципу независимости судей. Значение данного принципа для осуществления правосудия сложно переоценить – только руководствуясь законом, совестью и внутренней уверенностью в принимаемом решении, не завися ни от каких государственных органов, должностных лиц и иных субъектов, судья способен рассмотреть дело по существу и вынести по нему законное, обоснованное и справедливое решение.

Актуальность рассмотрения данного принципа на страницах научной печати в последние годы только усилилась. Во многом это обусловлено непоследовательными законодательными решениями. С одной стороны, происходит поступательное укрепление социальных гарантий для судей, с другой стороны, судебная власть все больше подпадает под институциональную зависимость от президентской власти. Обозначенные проблемы заставляют исследователей вновь и вновь обращаться к институту независимости судей.

Обеспечивается реализация данного принципа следующим образом:

1. Судьи никому не подотчетны в своей деятельности по осуществлению правосудия.
2. Вся процедура осуществления правосудия подробно процессуально регламентирована; судья на каждом этапе судебной стадии процесса должен принять одно из предложенных законом решений, и принятое решение должно абсолютно

соответствовать основаниям, установленным также в процессуальном законе.

3. Установлен законодательно запрет на вмешательство в деятельность судьи, при этом уголовный закон придает такому запрету самое широкое толкование, предусматривая достаточность для наступления уголовной ответственности любого способа и любого мотива вмешательства.

4. Судья неприкосновенен, согласно статье 16 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», неприкосновенность судьи не только личная, она также распространяется на все его личное и профессиональное пространство: на его транспортное средство, его багаж, занимаемое жилище (и постоянное, и временное), служебные помещения и т. д. Данная неприкосновенность обеспечивается установленной за ее нарушение юридической ответственностью и сопровождает судью на протяжении всего срока осуществления полномочий, а также после прекращения полномочий.

5. Независимость судей подчеркивается их высоким социальным обеспечением, при этом его нельзя воспринимать, как что-то, подчеркивающее особенный социальный статус судьи.

6. Судья и члены его семьи пользуются повышенной государственной защитой в случае наличия опасности для их жизни, здоровья, уничтожения имущества. Как справедливо отмечает Р. М. Каримов, безопасность судьи имеет такое высокое значение для системы правосудия, что оно даже отражено в статье 120 Конституции Российской Федерации, а также в некоторых иных нормативных актах [4. – С. 297, 299].

Судья несменяем, и этим также обеспечивается его независимость. Данный аспект обеспечения независимости является крайне дискуссионным. Все высказываемые на страницах юридической литературы негативные отзывы по отношению несменяемости можно свести к единому знаменателю, сформулированному И. А. Щербаковой, «...отсутствует возможность исправления ошибки в случае назначения на должность судьи недостойного кандидата» [9. – С. 36]. Данное утверждение следует признать справедливым, однако сохранение такого уровня независимости судьи, при котором невозможно оказать на него любое давление, отстранить и заменить – цель гораздо более фундаментальная для поддержания основ справедливого правосудия.

В свою очередь реализация принципа независимости судей, определяющего также «взаимоотношения судов различных уровней судебной системы (статья 67 ГПК РФ)» [6. – С. 146], в теории правосудия вызывает отдельные вопросы. Прежде всего это относится к вопросу персональной ответственности судей за совершение дисциплинарного поступка в виде многочисленных нарушений материально-процессуальных норм. В пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» приведены примеры таких нарушений: нарушение судьей процессуальных сроков рассмотрения дел, очевидная небрежность при оформлении судебного акта и т. д. В пункте 2 этого же Постановления Пленума говорится о том, что судья не может привлекаться ни к какому виду ответственности за свое мнение и решение (уточним это положение – если не будет доказана вступившим в силу приговором суда его виновность в заведомой неправосудности принимаемых решений).

Можно ли нарушать один из фундаментальных принципов правосудия, нашедший свое отражение в системе принципов гражданского судопроизводства, руководствуясь только желанием повысить качество применения судьями процессуального и материального закона? По мнению авторов, это категорически неверная позиция, так как в данном случае произойдет недопустимое отождествление судебной ошибки с реализацией преступного умысла. Иное же видение реализации принципа независимости судей будет превращать эту независимость в достаточно хрупкую конструкцию, не способную обеспечить надлежащим образом достижение целей правосудия.

Следовательно, применительно к гражданскому судопроизводству независимость судьи необходимо рассматривать как диалектическое единство следующих четырех элементов на всех стадиях гражданского процесса:

- 1) независимость каждого конкретного судьи при принятии решения от влияния и вмешательства государственных органов и должностных лиц;
- 2) независимость от мнения иных судей, участвующих в разбирательстве гражданского дела;
- 3) независимость от позиции вышестоящей судебной инстанции;

- 4) независимость от иных участников судебного разбирательства.

Для эффективной реализации данных четырех элементов независимости судей решающее значение имеет надлежащее обеспечение таких процессуальных институтов, как «особое мнение судьи» и «тайна совещательной комнаты». Авторы назвали бы даже данные процессуальные институты символами независимости судей наряду с такой фундаментальной доктринальной категорией, как «внутреннее убеждение судьи».

Значение соблюдения и обеспечения данных категорий в гражданском судопроизводстве трудно переоценить, именно благодаря им обеспечивается независимость судьи. При этом необходимо осознавать, что независимость фундаментальна, но не безгранична, она четко ограничена законодательными положениями, которыми обязаны следовать судьи.

Что касается принципа состязательности и равноправия сторон, то следует обратить внимание на то, что суд обязан занимать нейтральную сторону в гражданском процессе, объективно и беспристрастно оценивая доводы сторон. Важно отметить, что стороны наделены равными процессуальными правами, а суд обязан контролировать, чтобы данные права надлежащим образом реализовывались. Такое равенство должно распространяться буквально на все процессуальные действия: на заявление ходатайств, предоставление доказательств и т. д.

В гражданском процессе принцип состязательности базируется на правиле «доказывает тот, кто заинтересован», при этом судья принимает решение на основании приводимых доводов и имеющих в деле доказательств, не совершая сбор доказательств за сторону процесса, которая фактически бездействует. Незнание стороной данной специфики цивилистического судопроизводства зачастую приводит к неудовлетворенности вынесенным судебным решением, которого можно было бы вполне избежать, прибегнув к помощи квалифицированного представителя. Однако отличительной чертой российского гражданского процесса является то, что граждане предпочитают отстаивать свои интересы самостоятельно. При этом разъяснение судом лицам, участвующим в деле их процессуальных прав и обязанностей, не способно устранить правовую неграмотность, так как одним судебским разъяснением не-

возможно в полном объеме сформировать у гражданина представление о способах защиты его нарушенного права.

Процессуальное противоборство невозможно без равноправия сторон, равноправие сторон в свою очередь бессмысленно без состязательности. И состязательность, и равноправие начинают одновременно реализовываться с момента подачи искового заявления и пронизывают все стадии гражданского процесса.

Казалось бы, все правовые гарантии рассчитаны на обеспечение состязательности и равенства сторон процесса, а в гражданском судопроизводстве создан идеальный механизм обеспечения процессуального противоборства. Тем не менее не все так идеально обстоит на практике.

Так, прежде всего образование и имущественное состояние стороны противоборства в суде будут иметь существенное значение для разрешения спора в ее пользу. При этом далеко не все граждане, обращающиеся в судебный орган, обладают правом на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи. Существование данной ситуации, полагают авторы, коренным образом противоречит надлежащей реализации принципа состязательности и равноправия сторон. В связи с этим должен быть предусмотрен механизм получения бесплатной квалифицированной помощи при обращении в судебный орган для всех без исключения граждан.

Параллельно должен быть взят курс на упрощение и лаконичность гражданского материального и процессуального законодательства, по смыслу идеи общедоступности понимания права, текст закона должен быть понятен любому гражданину, а не только имеющему соответствующее юридическое образование.

Другим предложением (авторы вполне признают его дискуссионность) является ограничение в процессуальном законе случаев, когда судья принимает решение при заявлении сторонами прав и разрешении ходатайств, основываясь исключительно на личном убеждении.

Особенно это актуально в контексте обеспечения возможности привлечения к рассмотрению гражданского дела специалиста-эксперта по вынесению мотивированного ходатайства стороны процесса, т. е. существует объективная необходимость внесения соответствующих поправок в процессуальное законодательство. По нашему убеждению, это в полной мере бы соответствовало соблюдению принципа состязательности и равноправия сторон.

Таким образом, были проанализированы некоторые проблемы соблюдения и реализации отдельных принципов гражданского судопроизводства. Большинство авторов, предметом научного интереса которых являются принципы цивилистического процесса, склоняются к тому, что данные принципы могут применяться непосредственно. Однако, на наш взгляд, такая точка зрения не совсем соответствует действительности. В связи с этим хотелось бы отменить два препятствия, во-первых, некоторую бессистемность закрепления принципов в процессуальном законе, во-вторых, практику применения в практической деятельности судей по отправлению правосудия принципов, не имеющих легального закрепления, но существующих в цивилистической доктрине, что, соответственно, обуславливает их формальную неопределенность. Оба препятствия с практической точки зрения являются вполне преодолимыми при соблюдении надлежащей логики реформирования гражданского процессуального законодательства.

Список литературы

1. Бедарева Е. А. Пути реформирования правового статуса помощника судьи в свете осуществления правосудия только судом в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Академическая публицистика. – 2021. – № 1. – С. 204–209.
2. Вопленко Н. Н., Рудковский В. А. Основные принципы права: понятие и классификация // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 5. Юриспруденция. – 2013. – № 1 (18). – С. 5–11.
3. Дербышева Е. А. Соотношение принципа правовой определенности с принципом равенства всех перед законом и судом // Вестник Гуманитарного университета. – 2021. – № 4 (35). – С. 32–35.
4. Каримов Р. М. Меры безопасности и меры защиты судей при осуществлении ими правосудия // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9 (189). – С. 297–299.

5. *Малешин Д. Я.* Содействие нотариата судебной реформе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 67–86.
6. *Пыжова Е. И.* Соотношение принципа независимости судей и персональной ответственности // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики : сборник научных статей. – СПб. : Астерион, 2021.
7. *Сорокопуд А. В.* О правовой природе приказного и упрощенного производства в цивилистическом процессе в свете поиска способов оптимизации судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 186–204.
8. *Старицын А. Ю.* Упрощенное производство в гражданском процессе как форма правосудия: проблемы и пути решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 1 (144). – С. 164–173.
9. *Щербакова И. А.* Несменяемость как конституционный принцип, обеспечивающий статус судей // Ex iure. – 2018. – № 3. – С. 34–45.

Непреступное уголовно-противоправное бездействие как разновидность уголовного проступка

Д. В. Коробейников

аспирант кафедры уголовного права

Российского государственного университета правосудия.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,

117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.

E-mail: luckerwinner@yandex.ru

Non-Criminal Criminally Illegal Inaction as a Kind of Criminal Misconduct

D. V. Korobeinikov

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law

of the Russian State University of Justice.

Address: Russian State University of Justice,

69 Novocheryomushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation.

E-mail: luckerwinner@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению категории «непреступное бездействие», относящейся к специфичной группе правонарушений, не являющихся преступлениями, но по своей сущности относящихся к уголовным. Автор обосновывается актуальность исследования категории «непреступное бездействие» именно как разновидности данной группы правонарушений, проводится сравнительный анализ содержания проектов федерального закона о внесении в УК РФ и УПК РФ изменений в связи с введением понятия «уголовный проступок». В статье делается вывод о том, что введение категории «уголовный проступок» представляет собой сложный и требующий глубокого анализа материального права процесс. Поскольку простое переименование отдельных групп преступлений в уголовные проступки без учета уже закрепленных в уголовном законе правонарушений, не являющихся преступлениями, но по своей сущности относящихся к уголовным, по мнению автора, является бессистемным и точечным изменением. В этой связи в статье называются способы обособления и выделения уголовных проступков, уже содержащихся в уголовном законе. Приведены примеры уголовных проступков. Показана взаимосвязь составов с административной преюдицией и уголовных проступков. Дано определение непреступного уголовно-противоправного бездействия как разновидности уголовного проступка.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, постпреступное поведение, докриминальное поведение, преступление, дифференциация, категория, уклонение, административное правонарушение, непреступные уголовно-противоправные деяния, уголовный закон, юридическая природа, гуманизация, уголовная политика.

Abstract

The article is devoted to the study of the category «imcriminal inaction», referring to a specific group offense that are not crimes, but in their essence pertaining to criminal. The author substantiates the relevance studies of the category of «imcriminal inaction» precisely as varieties of this group of offenses, a comparative contemplation of the pleadings of the draft federal law on incorporation in the Criminal Code of the Russian Federation and Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of amendments at the same time as the entry into force of the concept «criminal misdemeanour». The article concludes that the introduction category of «criminal misconduct» is a complex and requiring a deep analysis of substantive law process. Insofar as simple renaming of certain groups of crimes into criminal misdemeanors without taking into account those already enshrined in the Criminal Law offenses that are not crimes, but, in their essence, related to criminal, according to the author, is an unsystematic and point change. In this regard, the article calls for ways to isolate and isolate criminal offenses that are already contained in the criminal law. Examples of criminal offenses are given. The relationship of compositions with

administrative prejudice is shown with criminal offenses. The definition of non-criminal criminally illegal inaction as a kind of «criminal misconduct» is given.

Keywords: criminal offense, post-criminal behavior, pre-criminal behavior, crime, differentiation, category, evasion, administrative offense, non-criminal criminal and illegal acts, criminal law, legal nature, humanization, criminal policy.

Определяя основания и условия уголовной ответственности за преступное деяние, Уголовный кодекс Российской Федерации регламентирует также и ответственность за противоправное, но не преступное поведение лица, порождающее (в совокупности с иными обстоятельствами) уголовно-правовое отношение или оказывающее существенное влияние на динамику уже существующего.

Такое поведение различным, но всегда негативным образом сказывается на правовом статусе лица. Очевидно, что законодатель постепенно приумножает ситуации, связанные с таким отрицательным поведением, причем значительная их часть совершается в форме бездействия. Юридическая природа этих деяний изучена недостаточно.

В правовой литературе, в том числе и на монографическом уровне, рассматривались в основном вопросы, касающиеся ответственности за посткриминальное поведение осужденных.

Между тем не преступное уголовно-правовое бездействие характерно не только для постпреступного поведения лица, но для поведения докриминального.

Беря в расчет тот факт, что категория «не преступное бездействие» относится к группе правонарушений, не являющихся преступлениями, но по своей сущности относящихся к уголовным, становится очевидным, что существует необходимость исследования данной категории именно как разновидности указанных правонарушений.

Юридическая природа этих правонарушений, являющихся по своей сути уголовными проступками, как и природа не преступного бездействия, остаются неясными, поскольку в УК РФ их понятие отсутствует и в теории уголовного права «в чистом виде» они не изучались.

При этом в науке уже достаточно давно ведутся дискуссии по поводу сущности понятия уголовного проступка и большинство ученых признают, что это особый вид уголовных правонарушений, который отличается от административных проступков и преступлений.

В. Н. Сизова пишет о том, что понятие уголовного проступка характеризуется длительным генезисом. В течение продолжительного времени общество вырабатывает категории преступных деяний. Формируются мнения и оценки, позволяющие определить, как возникли общественные приоритеты, какие установились общественные отношения.

В. Н. Сизова подчеркивает, что именно историческая обусловленность влияет на то, как общество определит посягательства, выработает для них наказания, также какую представит классификацию преступных деяний в законодательстве.

А. А. Логецкий отмечает, что история разграничения проступка и преступления берет свое начало в петровское время. Причем выделение каждого из указанных понятий реализуется и с точки зрения идеологии, и в контексте законотворческой деятельности. В указанный период, а именно в начале XVIII в., появляются собственно понятия преступления и проступка. Процесс дифференциации преступления и проступка связан, в первую очередь, с трансформацией социально-экономического уклада российского общества и проведением реформ государственного аппарата на фоне распространения идей Просвещения [7].

Рассмотренный подход (посредством выделения преступлений и проступков) к совершенствованию уголовного законодательства, вызванный необходимостью гуманизации уголовного законодательства и снижению его репрессивного потенциала, можно отметить и у законодателя нашего времени.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в 2017 и в 2020 гг., реализовывая право законодательной инициативы, вносил на рассмотрение Федерального Собрания России законопроекты о внесении в УК РФ и УПК РФ изменений в связи с введением понятия уголовного проступка. Однако предлагаемый путь к реализации так называемого курса гуманизации уголовной политики посредством перевода ряда преступле-

ний в уголовные проступки неоднократно вызывал неоднозначную реакцию в научном сообществе.

Например, Н. Ю. Скрипченко пишет, что следует разграничивать уголовный проступок от иных преступлений исходя из того, какие значимые признаки состава преступления можно выделить. Согласно ее мнению, не следует основываться на таких параметрах, как размеры и срок наказаний, предусмотренных положениями УК РФ. Такой подход затрудняет понимание социального значения общественных отношений, которые охраняются уголовным законом, явно нарушает систему права [11].

Р. М. Актуяев считает, что в контексте закрепления уголовного проступка в нормах Особенной части УК, в российском законодательстве появится новая родовая категория, а именно уголовное правонарушение [1]. Фактически понятия уголовного проступка и преступления будут интегрированы в нее.

Л. Л. Кругликов, В. Ф. Лапшин отмечают, что уголовное правонарушение в отличие от административного представляет большую общественную опасность, а в сравнении с преступлением собственно уголовный проступок характеризуется меньшей степенью опасности обществу [6]. В данном смысле исследователи сходятся во мнении, что искусственное разграничение преступления и правонарушений может быть непродуктивной и даже вредной идеей.

Результаты анализа законопроекта показывают, что предполагаемые изменения могут затронуть не только положения, касающиеся уголовного проступка, но и содержание тех правовых норм, которые выходят за рамки регулирования правоотношений в сфере нового правового института и при этом успешно применяются [9].

И. Э. Звечаровский говорит о том, что в отличие от первой попытки реализовать идею уголовного проступка в УК РФ, во второй попытке это понятие выводится за рамки статьи 15 УК о категориях преступлений, однако и здесь уголовный проступок – это по-прежнему преступление.

Также И. Э. Звечаровский объясняет, что разница между рассматриваемыми категориями обнаруживается лишь по нескольким основаниям. В одном случае приходится говорить о преступлении небольшой тяжести, которое совершено

впервые и за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, в другом – о конкретном преступлении небольшой тяжести, которое лицо совершило впервые, или о совершенном опять же впервые конкретном преступлении небольшой или средней тяжести.

Другими словами, уголовный проступок не имеет качественных отличий от преступления. Порядок разграничения двух уголовно-правовых категорий происходит только за счет того, что уголовный проступок – это преступление, относящееся, как правило, к одной категории (небольшой тяжести). Одновременно такое преступление совершается впервые, и за него не предусмотрено наказание в виде лишения свободы [4].

Рассматриваемая уголовно-правовая категория представляет собой сложный процесс и требует глубокого анализа материального права, поскольку простое переименование отдельных групп преступлений в уголовные проступки без учета уже закрепленных в уголовном законе правонарушений, не являющихся преступлениями, но по своей сущности относящихся к уголовным, видится бессистемным и точечным изменением, основной задачей которого стоит не совершенствование и развитие уголовного законодательства, а снижение количественных показателей преступности и судимости.

В свою очередь, согласно общей теории права, проступки представляют собой противоправные деяния, для которых характерна меньшая по сравнению с преступлениями степень общественной вредности¹. В таком случае уголовный проступок представляет собой виновное противоправное деяние, влекущее наступление негативных последствий, предусмотренных уголовным законом.

Для того чтобы среди уголовно-противоправных деяний выделить уголовный проступок, необходимы следующие способы:

- во-первых, надлежит осуществить перевод деяний, уже признанных преступными, в число уголовных проступков;
- во-вторых, к уголовному проступку возможно отнести деяния, которые являются непроступными уголовно-противоправными;

¹ Власова Т. В., Дуэль В. М., Занина М. А. Теория государства и права : учебное пособие. – М. : РАП, 2011. – С. 189.

— в-третьих, уголовный проступок может возникнуть при комбинации уже упомянутых способах [4].

Так, в уголовном законе можно выделить следующие деяния, которые можно отнести к категории уголовных проступков:

А. Злостное уклонение от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания (часть 5 статьи 46 УК РФ).

Б. Злостное уклонение осужденного от отбывания обязательных работ (часть 3 статьи 49 УК РФ).

В. Злостное уклонение осужденного от отбывания исправительных работ (часть 4 статьи 50 УК РФ).

Г. Злостное уклонение осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания (часть 5 статьи 53 УК РФ).

Д. Предоставление ложных сведений лицом, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, или сокрытие таким лицом каких-либо иных существенных обстоятельства совершения данного деяния от правоохранительных органов (статья 63.1 УК РФ).

Е. Уклонение условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей или нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности (часть 2 статьи 74 УК РФ).

Ж. Систематическое нарушение условно осужденным общественного порядка, в том случае, если он был привлечен к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо уклонялся от контроля (часть 3 статьи 74 УК РФ).

З. Уклонение лица, которое совершило преступление, от следствия или суда (часть 3 статьи 78 УК РФ).

И. Уклонение от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено (часть 2 статьи 82 УК РФ).

К. Уклонение осужденного от отбывания наказания (часть 2 статьи 83 УК РФ).

Л. Систематическое неисполнение принудительной меры воспитательного воздействия несовершеннолетним (часть 4 статьи 90 УК РФ).

М. Отказ осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания, которому было отсрочено, от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклонение от лечения (часть 2 статьи 82.1 УК РФ).

Н. Отказ лица уплачивать судебный штраф при освобождении его от уголовной ответственности (часть 2 статьи 104.4 УК РФ).

Необходимо отметить, что составы с административной преюдицией по своей характеристике также можно отнести к уголовным проступкам. Основанием такого распределения становится факт предшествующего наложения административного взыскания за такое же деяние. Однако следует учесть, что независимо от количества повторений административное правонарушение не приобретает характерные черты, а именно сущностные и материальные свойства преступления. В этой связи представляется, что в настоящее время юридическое значение составов с административной преюдицией определено неверно.

В этой связи предлагается признать составы преступления с административной преюдицией уголовным проступком, который по своему содержанию отличается и от административного правонарушения, и от преступления [2].

Вместе с тем можно заметить, что значительная часть уголовных проступков совершается в форме бездействия. По своей сущности указанное бездействие как вид уголовного проступка также не обладает общественной опасностью, характерной для деяний, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса, но в то же время обладает всеми остальными признаками преступного бездействия.

Так, преступное бездействие – это пассивное поведение, при котором лицо не совершает действия, составляющие его обязанности тогда, когда оно должно и могло было их совершить. Именно в это заключается общественная опасность преступного бездействия¹.

Д. А. Гарбатович разъясняет, что бездействие представляет собой такой процесс, когда лицо не

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – С. 115.

выполняет действие, которое оно обязано совершить. По его мнению, положения Особенной части УК включают как конкретные составы преступлений, так и составы иных непроступных уголовно-правовых деяний [3].

Согласно методическим разработкам ФССП, к категории длящихся преступлений относится, например, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Это преступление начинается длиться с того момента, как вступает в законную силу решение или постановление суда, подтверждающее законность требований кредитора, после чего начинается явное (очевидное) уклонение от погашения кредиторской задолженности или от оплаты ценных бумаг.

В данном случае факт уклонения до признания его злостным являлся иным непроступным уголовно-правовым деянием¹.

Преступное бездействие представляет собой общественно-опасное деяние в том смысле, что виновный является нарушителем сложившихся в обществе отношений, нормальное функционирование которых обеспечивается охраной уголовного закона.

При этом наступление тех или иных тяжких последствий является необязательным.

Определение параметров общественной опасности требует выделения специальных критериев. Так, удачной представляется следующая классификация критериев:

1) поведение виновного и то, как он относится к своему деянию. Для реализации данного критерия происходит оценка преступного бездействия по нескольким направлениям. Во-первых, анализируется, имело ли место невыполнение обязанности вовсе или оно было выполнено ненадлежащим образом.

Такой процесс оценивается разной степенью невыполнения. Помимо этого, оценка преступного бездействия включает определение того, как соотносится преступное бездействие с должными результатами надлежащего действия в условиях соблюдения принципов необходимости и достаточности;

2) общий результат от самого преступного бездействия и наступившего при этом результата;

3) условия, которые послужили препятствием для виновного. Среди ключевых условий выделяются обстоятельства непреодолимой силы, физическое и психическое состояние виновного.

Могут иметь место также и иные уважительные причины [8].

На основании вышеизложенного необходимо определить, что под непроступным уголовно-противоправным бездействием как разновидностью уголовного проступка следует понимать не обладающее повышенной степенью общественной опасности, присущей преступлениям, но в то же время запрещенное уголовным законом поведение лица, заключающееся в неисполнении (либо в ненадлежащем исполнении) лежащих на нем обязанностей.

Кроме того, введение категории «уголовный проступок» на законодательном уровне действительно представляется целесообразным, но не посредством переименования отдельных групп преступлений, как это предлагается в настоящее время, а путем выделения из уже закрепленных в Уголовном кодексе непроступных уголовно-противоправных деяний, к числу которых относятся и разновидности непроступного уголовно-противоправного бездействия.

Список литературы

1. Актуяев Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. – 2013. – № 5. – С. 41–45.
2. Власов Ю. А., Михаль О. А. Административная преюдиция как вид уголовного проступка // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 119–125.
3. Гарбатович Д. А. Квалификация непроступных уголовно-правовых деяний. – М. : Юрлитинформ, 2017. – С. 8.

¹ «Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от

погашения кредиторской задолженности)» (утв. ФССП России 21 августа 2013 г. № 04-12) (ред. от 3 октября 2016 г.).

4. Звечаровский И. Э. Категория «уголовный проступок» в контексте либерализации уголовной политики России // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 43–46.
5. Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. – 2021. – № 2. – С. 45–46.
6. Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 80–84.
7. Логецкий А. А. Преступление и проступок в уголовном праве XIX – начала XX вв. : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 19.
8. Медведев Е. В. Механизм проявления общественной опасности преступлений, совершаемых в форме бездействия // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 49–52.
9. Орлова А. А. Возвращаясь к обсуждению уголовного проступка // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 3. – С. 59–64.
10. Сизова В. Н. Эволюция системы наказаний за совершение уголовных проступков в российском уголовном законодательстве // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 24–26.
11. Скрипченко Н. Ю. Уголовный проступок: наказать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 85–90

Особенности применения мер пресечения при производстве дознания

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова;

доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;

ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», 140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.

E-mail: marianna_26rus@mail.ru

Features of the Application of Preventive Measures during the Investigation

M. O. Rumyantseva

PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;

Russian Customs Academy, 4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015,
Russian Federation.

E-mail: marianna_26rus@mail.ru

Аннотация

В статье исследуются проблемы законодательной регламентации и правоприменительной практики в части, касающейся реализации мер пресечения при осуществлении предварительного расследования в форме дознания. Автор приходит к выводу, что уголовно-процессуальный закон достаточно подробно разъясняет порядок применения мер пресечения при производстве предварительного следствия, однако, когда речь заходит о реализации мер пресечения в рамках производства дознания в полной или сокращенной форме, законодатель безмолвствует, указывая лишь на тот факт, что в рамках осуществления расследования в форме дознания имеют место некоторые особенности применения мер пресечения. Подобного рода оговорки, по мнению автора, лишь запутывают правоприменителя, создают условия, при которых применение мер пресечения становится невозможным при производстве дознания. Конкретными примерами автор иллюстрирует, с одной стороны, несовершенство действующего законодательства, а с другой – растерянность дознавателей при реализации столь важного института уголовного процесса. На основе исследования материалов следственно-судебной практики, теоретических воззрений отечественных ученых-процессуалистов, автор формулирует собственное видение путей решения проблем, возникающих на практике, посредством разработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона в части, касающейся применения мер пресечения при производстве дознания.

Ключевые слова: иные меры процессуального принуждения; подписка о невыезде; заключение под стражу; обязательство о явке; дознание; дознание в сокращенной форме; условия, исключающие производство дознания в сокращенной форме; применение мер пресечения.

Abstract

Abstract: the article examines the problems of legislative regulation and law enforcement practice in terms of the implementation of preventive measures during the preliminary investigation in the form of an inquiry. The author comes to the conclusion that the Criminal Procedure law explains in sufficient detail the procedure for the application of preventive measures during the preliminary investigation, however, when it comes to the implementation of preventive measures within the framework of the inquiry in full or abbreviated form, the legislator is silent, pointing only to the fact that within the framework of the investigation in the form of an inquiry, there are some features of the application of preventive measures. Such reservations, according to the author, only confuse the law enforcement officer, create conditions under which the application of preventive measures becomes

impossible during the investigation. With concrete examples, the author illustrates, on the one hand, the imperfection of the current legislation, and on the other, the confusion of the interrogators in the implementation of such an important institution of criminal procedure. Based on the study of the materials of investigative and judicial practice, the theoretical views of domestic procedural scientists, the author formulates his own vision of ways to solve problems that arise in practice by developing proposals to improve the criminal procedure law in terms of the application of preventive measures during the investigation

Keywords: other measures of procedural coercion; subscription not to leave; detention; obligation to appear; inquiry; inquiry in abbreviated form; conditions excluding the production of inquiry in abbreviated form; application of preventive measures.

Логичным представляется утверждение, что меры пресечения могут применяться не только при производстве предварительного расследования в форме предварительного следствия, но и при производстве дознания, несмотря на тот факт, что в форме дознания, как правило, расследуются уголовные дела о преступлениях небольшой или средней тяжести.

Именно при избрании мер пресечения в рамках производства дознания у правоприменителей возникают значительные сложности, поскольку законодатель весьма расплывчато регламентирует процесс избрания меры пресечения, имея в виду то, что по общему правилу меры пресечения избираются в отношении обвиняемого.

Кроме того, практически отсутствуют теоретические исследования, посвященные порядку применения мер пресечения при производстве дознания. Многочисленные авторы научных изысканий о мерах пресечения обходят стороной особенности применения мер пресечения при производстве дознания, делая вид, что проблем в рассматриваемой сфере просто не существует, а те редкие исследователи, которые все же видят необходимость в отражении особенностей применения мер пресечения в рамках производства дознания, зачастую приводят полярные мнения.

Толкование норм главы 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) обнаруживает, что меры пресечения действительно применяются в первую очередь к обвиняемым. Так, в части 1 статьи 97 УПК РФ законодатель при конструировании правовой нормы первым объектом применения мер пресечения называет обвиняемого и лишь потом подозреваемого. Подобная же логика прослеживается и в иных нормах главы 13 УПК РФ.

Согласно части 1 статьи 100 УК РФ, «в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в статье 99 УПК РФ,

мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого». При этом обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения. Если же в обозначенный срок обвинение предъявить не удалось, то мера пресечения немедленно отменяется.

Более того, как гласит статья 100 УПК РФ, если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, то обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента задержания, а не с момента применения меры пресечения. Исключение законодатель делает лишь для преступлений террористической направленности (статьи 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ), организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, бандитизма, занятия высшего положения в преступной иерархии, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа, диверсии, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, акта международного терроризма – в случае расследования таких преступлений, обвинение должно быть предъявлено не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения, в противном случае мера пресечения будет отменена.

Как известно, при производстве дознания лицо, в отношении которого ведется расследование, остается подозреваемым вплоть до вынесения обвинительного акта – итогового документа, завершающего расследование по уголовному делу в форме дознания. Иными словами, как вытекает из смысла статьи 100 УПК РФ, при производстве дознания действие любой меры пресечения ограничено 10 сутками. Однако законодатель, раскрывая в статье 224 УПК РФ особенности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу при производстве дознания, указывает, что «если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт составляется не

позднее 10 суток со дня заключения подозреваемого под стражу». При этом в случае невозможности составить обвинительный акт в десятидневный срок, подозреваемому предъявляется обвинение в общем порядке, предусмотренном главой 23 УПК РФ, после чего дознание продолжается, либо данная мера пресечения отменяется.

Примечательно, что каких-либо положений относительно иных мер пресечения глава 32 УПК РФ, регламентирующая особенности производства предварительного расследования в форме дознания, не содержит, в том числе в ней не упоминается мера пресечения в виде домашнего ареста, которая, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, является столь же строгой, как и заключение под стражу¹.

Разумным представляется воспроизвести содержание части 1 статьи 223 УПК РФ, согласно которой, предварительное расследование в форме дознания производится в том же порядке, что и предварительное следствие, с изъятиями, предусмотренными главой 32 УПК РФ, и предположить, что порядок применения мер пресечения при производстве дознания аналогичен порядку, сложившемуся при производстве предварительного следствия. Однако напомним, что действующее законодательство не предусматривает возможности предъявления обвинения при производстве дознания, следовательно, положения, установленные статьей 100 УПК РФ, к дознанию малоприменимы.

Возникает вопрос, какой же нормой об избрании меры пресечения дознавателю следует руководствоваться: статьей 100 УПК РФ, которая указывает, что если лицу не предъявлено обвинение, то срок действия любой меры пресечения составляет 10 суток, или статьей 224 УПК, которая десяти сутками при производстве дознания ограничивает действие лишь меры пресечения в виде заключения под стражу.

В этой связи некоторые ученые утверждают, что «в случае применения в дознании к подозреваемому

другой меры пресечения, например, подписки о невыезде, правило десяти суток не действует» [2]. Однако изучение практики применения мер пресечения при производстве дознания обнаруживает, что правоприменители по-разному трактуют содержание уголовно-процессуальных норм.

Так, например, Письмо Федеральной службы судебных приставов России от 30 марта 2017 г. № 00043/17/27988-ДА «О Памятке дознавателя ФССП России» содержит указание, что в случае «применения в отношении подозреваемого меры пресечения, дознавателем обвинительный акт составляется не позднее 10 суток с момента назначения такой меры, при невозможности составления обвинительного акта мера пресечения отменяется»², т. е. по мнению руководителей ФССП России действие любой меры пресечения ограничивается десятью сутками.

Аналогичную позицию занимает Генеральная прокуратура России, которая в Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов разъясняет, что в «исключительных случаях ... орган дознания или дознаватель ... вправе избрать в отношении подозреваемого меру пресечения (подписку о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части). При этом обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения. ... Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется»³.

Дознаватели таможенных органов, не имея подобного рода разработанных рекомендаций, и не понимая, какими нормами УПК РФ следует руководствоваться при избрании мер пресечения, вынуждены применять меры пресечения на свое усмотрение. Так, в ходе анкетирования некоторые дознаватели (в частности, таможенных органов) сообщили, что срок избрания меры пресечения при производстве дознания зависит, в том числе от усмотрения надзирающего прокурора в разных

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 1.

² Письмо Федеральной службы судебных приставов России от 30 марта 2017 г. № 00043/17/27988-ДА «О Памятке дознавателя ФССП России» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2017. – № 5.

³ Приказ Генпрокуратуры России от 32 октября 2014 г. № 150 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов». – СПС «КонсультантПлюс».

регионах: если последний считает, что руководствоваться при избрании меры пресечения надо статьей 100 УПК РФ, то срок действия избранной меры пресечения будет ограничен десятью сутками; если же прокурор полагает, что действие статьи 100 УПК РФ не распространяется на дознание в силу отдельного указания статьи 224 УПК РФ, то срок действия избранной меры пресечения будет ограничиваться лишь сроками производства дознания.

В качестве примера приведем уголовное дело, находившееся в производстве отдела дознания Энской таможни.

Отделом дознания Энской таможни 4 апреля 2014 г. было возбуждено уголовное дело в отношении гражданки К. по части 1 статьи 194 УК РФ по факту уклонения от уплаты таможенных платежей с партии цветов, перемещенных через таможенную границу. Дознавателем 24 апреля 2014 г. было вынесено постановление об избрании в отношении гражданки К. меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении; 4 мая 2014 г. тем же дознавателем было вынесено постановление об отмене меры пресечения на том основании, что в течение 10 суток со дня избрания меры пресечения гражданке К. обвинение в совершении преступления дознанием предъявлено не было. Тем не менее, поскольку необходимость в применении меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении не отпала (гражданка К., осуществляя внешнеэкономическую деятельность, систематически должна была выезжать в Голландию для закупок партий цветов), уже 5 мая 2014 г. дознаватель отдела дознания вновь вынес новое постановление об избрании меры пресечения. Разумеется, 15 мая 2014 г. дознаватель постановил отменить ранее избранную меру пресечения, а 16 мая 2014 г. было вынесено очередное постановление об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, которое по истечении 10 суток было отменено и заменено новым постановлением об избрании меры пресечения. Таким образом, дознаватель Энской таможни избирал и отменял меру пресечения пять раз, а реальный срок действия меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении составил 50 дней.

Иными словами, комментируя вышеприведенный пример, можно заключить, что дознаватель выносит постановление об отмене меры пресечения не по тому основанию, что в ней отпадает необходимость, или следует изменить ранее избранную меру на более строгую или более мягкую, или в случае изменения основания для избрания меры пресечения (часть 1 статьи 110 УПК РФ), а по формальному основанию, не предусмотренному законом, – истек срок, установленный законом, а обвинение предъявить не представляется возможным. При этом ничто не мешает дознавателю вынести новое постановление об избрании меры пресечения на следующий день, ввиду того, что уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на повторное избрание отмененной ранее меры пресечения, не связанной с ограничением свободы подозреваемого.

Разумеется, ограничение действия меры пресечения в отношении подозреваемого десятью сутками, по замыслу законодателя, призвано максимально защитить права и законные интересы лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу. Но реалии таковы, что правоприменители в целях обеспечения надлежащего производства по уголовному делу вынуждены самостоятельно толковать закон и приспособливать принцип «разрешено все, что не запрещено» к такой тонкой сфере, как применение мер пресечения.

Не меньшую сумятицу вносит предложенная СПС «КонсультантПлюс» форма подписки о невыезде, которая дана органу дознания. Ниже приведен образец заполнения.

Я, Победин Сергей Сергеевич, 1 января 19__ г. рождения, проживающий по адресу: Энская область, г. Оконешниково, ул. Боевая, дом. 120, кв. 7, даю настоящую подписку старшему дознавателю отделения дознания отдела полиции «Оконешниковский» Энской области старшему лейтенанту полиции Селезневу С. М. в том, что до окончания предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела по обвинению меня в совершении преступления, предусмотренного пунктом «а» части 2 статьи 115 Уголовного кодекса Российской Федерации....»¹.

Представленная форма снабжена следующим пояснением, что она подготовлена с использованием правовых актов по состоянию на 10 июня

¹ Форма: Подписка о невыезде, которая дана органу дознания (образец заполнения) (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2019). – СПС «КонсультантПлюс».

2019 г. Как следует из содержания приведенной формы, действие подписки о невыезде при производстве дознания ограничено лишь сроками предварительного расследования и последующего судебного разбирательства, а не 10 сутками, как это указано в статье 100 УПК РФ.

Таким образом, приходится констатировать существенное противоречие между наукой, законом и правоприменительной практикой, нуждающееся в разрешении на законодательном уровне. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что дознаватели зачастую боятся применять какие-либо меры пресечения, что самым негативным образом влияет на качество предварительного расследования.

В научной же литературе встречаются весьма сомнительные предложения закрепить в статье 100 УПК РФ запрет на применение в отношении подозреваемого подписку о невыезде и допустить лишь избрание обязательства о явке [3]. Непонятно, правда, почему неужто именно подписка о невыезде, а не все остальные меры пресечения.

По нашему мнению, институт реализации мер пресечения в рамках производства дознания нуждается в реформировании, и здесь видится несколько путей.

Во-первых, ввиду того, что дознание является полноценной формой расследования уголовного дела, представляется возможным распространить условия реализации мер пресечения, действующих в рамках предварительного следствия, на сферу дознания.

Во-вторых, разумно было бы распространить положения статьи 224 УПК РФ, предусматривающей возможность предъявить подозреваемому обвинение в общем порядке, установленном для предварительного следствия, и на иные меры пресечения, а не ограничивать его лишь мерой пресечения в виде заключения под стражу.

В-третьих, если статья 100 УПК РФ устанавливает четкие границы относительно времени действия мер пресечения в отношении подозреваемых, необходимо ее дополнить положением, запрещающим повторное избрание меры пресечения по истечении срока действия ранее избранной меры пресечения, либо, наоборот, предусмотреть процессуальный порядок отмены ранее избранной меры и повторного избрания меры пресечения.

Не менее проблематичным представляется вопрос, касающийся возможности применения мер пресечения при производстве дознания в сокращенной форме.

Глава 32.1 УПК РФ, претворяя изложение порядка производства дознания в сокращенной форме, предупреждает в части 1 статьи 226.1, что дознание в сокращенной форме производится в порядке, установленном главой 32 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными главой 32.1 УПК РФ. Однако указанная глава относительно применения мер пресечения безмолвствует. Единственный намек на возможность применения мер пресечения содержится в части 10 статьи 226.7 УПК РФ, согласно которой к обвинительному постановлению прилагается справка, в которой указываются сведения об избранной мере пресечения, о времени содержания под стражей, домашнего ареста, запрета определенных действий, если обвиняемому была избрана одна из этих мер пресечения. Иными словами, закон теоретически позволяет применять меры пресечения к лицу, в отношении которого ведется дознание в сокращенной форме.

Тем не менее в научной среде ведутся дискуссии о возможности применения мер принуждения в целом и мер пресечения при производстве дознания в сокращенной форме, в частности. Ряд авторов полагает, что при производстве дознания в сокращенной форме из всех возможных мер принуждения применимо лишь задержание лица, совершившего преступления [1]. Справедливости ради следует отметить, что автор, высказавший озвученную позицию, предлагает целую концепцию по совершенствованию института дознания в сокращенной форме, выражающуюся в сокращении срока производства дознания до двух суток, следовательно, задержания было бы вполне достаточно для обеспечения надлежащего порядка производства по делу.

Другие исследователи считают, что применение мер пресечения возможно, однако они не должны быть связаны с ограничением свободы [5; 6; 7. – С. 24].

О правомерности применения мер пресечения, по крайней мере, не связанных с ограничением свободы, при производстве дознания в сокращенной форме свидетельствуют многочисленные материалы правоприменительной практики.

Так, подозреваемому по делу № 1-217/2021, рассмотренному Шалинским городским судом Чеченской республики, на время производства дознания в сокращенной форме была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, и суд, рассмотрев дело, счел необходимым оставить ранее избранную меру

пресечения без изменения в целях обеспечения исполнения приговора¹.

Другие исследователи утверждают, что применение мер принуждения невозможно и вообще должно трактоваться как препятствие к производству дознания в сокращенной форме [4. – С. 155]. Иными словами, если для обеспечения надлежащего производства по делу необходимо применять меры пресечения, то дознание должно осуществляться в общем порядке, а не в сокращенной форме, поскольку, по мнению автора, срок дознания в сокращенной форме не должен превышать 10 суток.

С последней из высказанных позиций сложно не согласиться. Напомним, одним из условий производства дознания является, в силу указания статьи 226.1 УПК РФ, факт признания подозреваемым своей вины, характера и размера ущерба, причиненного преступлением, согласие с правовой оценкой деяния. Следовательно, озвученное выше условие ставит под сомнение намерение лица скрываться от органов дознания или суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства или уничтожать доказательства либо каким-то образом препятствовать производству по уголовному делу (тем более, что, по сути, производства по делу и вовсе нет, а от доказывания всех обстоятельств совершения преступления органы дознания освобождены)².

Иными словами, поскольку у лица, совершившего преступление, отсутствует цель угрозы свидетелю, иным участникам судопроизводства, уничтожения доказательств и воспрепятствованию производству по уголовному делу, то остается единственная цель применения к лицу мер принуждения – обеспечение явки к дознавателю или в суд.

При этом цель обеспечения явки подозреваемого к дознавателю или в суд может быть реализована не только посредством мер пресечения, но и за счет иной меры процессуального принуждения – обязательства о явке.

Следует отметить, что отобрание у лица, в отношении которого ведется производство по делу, обязательства о явке является одной из наиболее распространенных на сегодняшний день мер при-

нуждения, применяемых при производстве дознания не только в сокращенной форме, но и в полной. И причин такой «популярности» обязательства о явке у дознавателей несколько: во-первых, обязательство о явке, как следует из содержания статьи 111 УПК РФ, имеет своей целью, равно как и меры пресечения, обеспечение установленного порядка уголовного судопроизводства; во-вторых, закон на сегодняшний день не ограничивает срок действия рассматриваемой меры принуждения и не устанавливает еще каких-либо ограничений относительно порядка избрания, в отличие от ранее упомянутых мер пресечения.

Так, М. совершил преступление, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ (управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения), а также преступление, предусмотренное частью 3 статьи 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа). Поскольку М. признал свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривал правовую оценку деяний, приведенную в постановлении по возбуждению уголовного дела, обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, предусмотренные статьей 226.2 УПК РФ, по делу отсутствовали, дознание производилось в сокращенной форме. В ходе дознания в отношении М. была избрана мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке, которую суд постановил сохранить М. до вступления приговора в законную силу³.

Приведенный пример как раз иллюстрирует высказанное мнение о наибольшей приемлемости обязательства о явке при производстве дознания в сокращенной форме.

Таким образом, по результатам проведенного в рамках данной статьи исследования, следует сделать ряд выводов.

На сегодняшний день закон неоднозначно трактует порядок применения мер пресечения при производстве дознания. В частности, УПК РФ не уточняет сроки применения мер пресечения (за исключением заключения под стражу), что создает немалые проблемы для правоприменителей. В этой связи представляется возможным

¹ Приговор Шалинского городского суда Чеченской Республики от 30 июля 2021 г. по делу № 1/217/2021.

² Подробнее о порядке производства дознания в сокращенной форме см., например, Румянцев М. О. Дознание в сокращенной форме : учебное пособие. – М. : МПСУ, 2018.

³ Приговор Ленинского районного суда города Кемерово по делу № 1-263/2019. – URL: <https://sudact.ru>.

предложить несколько вариантов разрешения сложившегося противоречия.

Во-первых, ввиду того, что дознание является полноценной формой расследования уголовного дела, представляется возможным распространить условия реализации мер пресечения, действующие в рамках предварительного следствия, на сферу дознания.

Во-вторых, разумно было бы распространить положения статьи 224 УПК РФ, предусматривающей возможность предъявить подозреваемому обвинение в общем порядке, установленном для предварительного следствия, и на иные меры пресечения, а не ограничивать их лишь мерой пресечения в виде заключения под стражу.

В-третьих, если статья 100 УПК РФ устанавливает четкие временные границы действия мер пресечения в отношении подозреваемых, необходимо дополнить ее положением, запрещающим повторное избрание меры пресечения по истечении срока действия ранее избранной меры пресечения, либо, наоборот, предусмотреть процессуальный порядок отмены ранее избранной меры и повторного избрания меры пресечения.

Установлено, что значительные проблемы у правоприменителей возникают при применении мер пресечения в рамках производства дознания в сокращенной форме. Изучение норм, регламентирующих порядок производства дознания в сокращенной форме, а также материалов правоприменительной практики обнаружило, что при производстве дознания принципиально не может возникнуть необходимости в применении мер пресечения, поскольку подозреваемый, в отношении которого ведется производство по делу, изначально признает свою вину, соглашается с характером и размером причиненного преступлением вреда, с правовой оценкой деяний, приведенными в постановлении по возбуждению уголовного дела, следовательно, у этого лица отпадает необходимость угрожать участникам уголовного судопроизводства или уничтожать доказательства либо каким-то иным образом препятствовать производству по уголовному делу. В этой связи применение принуждения со стороны государства возможно

лишь для достижения единственной цели – являться по вызовам дознавателя или в суд, а достижение указанной цели возможно и без применения мер пресечения. В частности, статья 112 главы 14 УПК РФ предусматривает иную меру процессуального принуждения, которая может применяться, в том числе к подозреваемым/обвиняемым – обязательство о явке.

В свете вышеизложенного следует дополнить часть 1 статьи 226.2 УПК РФ, в которой перечислены обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме, пунктом 2.1, суть которого раскрывается следующим образом: «имеются основания для применения мер пресечения в порядке, установленном главой 13 настоящего Кодекса».

Поскольку, по нашему мнению, целесообразно применять в отношении лица вместо мер пресечения меру процессуального принуждения в виде обязательства о явке, следует дополнить часть 1 статьи 226.1 УПК РФ предложением следующего содержания: «к подозреваемому может быть применено обязательство о явке».

Ввиду предлагаемых изменений, касающихся невозможности применения каких-либо мер пресечения в рамках производства дознания в сокращенной форме, необходимо переработать содержание части 10 статьи 226.7 УПК РФ, представив ее в следующей редакции: «К обвинительному постановлению прилагается справка, в которой указываются сведения о месте жительства или месте нахождения лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, об избранной мере принуждения в виде обязательства о явке, вещественных доказательствах, сроке дознания в сокращенной форме, а при наличии у обвиняемого, потерпевшего иждивенцев – о принятых мерах по обеспечению их прав». В справке должны быть указаны соответствующие листы уголовного дела.

Как представляется, подобного рода коррективы уголовно-процессуального законодательства разрешат значительное количество проблем в правоприменительной деятельности и примирят спорящих теоретиков.

Список литературы

1. *Гаврилов Б. Я.* Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Электронный научный журнал Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 6.
2. *Давлетов А. А., Политыко О. Е.* Проблема исключительности применения меры пресечения к подозреваемому // Российская юстиция. – 2018. – № 6. – С. 50–52.
3. *Кузьменко Е. С., Шайдуллина Э. Д.* Подписка о невыезде или обязательство о явке: вопросы правоприменительной деятельности в отношении подозреваемого // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2021. – Т. 1. – № 1 (3). – С. 223–231.
4. *Насонова И. А., Зотова М. В.* Применение мер процессуального принуждения при производстве дознания в сокращенной форме // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3. – № 4.
5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М. : Российская газета, 2015.
6. *Семенцов В. А., Наumenко О. В.* Обеспечение прав личности при производстве дознания : монография. – М. : Юрлитинформ, 2016.
7. *Торовков А. А.* Некоторые особенности применения мер процессуального пресечения при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2014. – № 1.

Сравнительно-правовой анализ института наследственного договора в праве России, Франции и Германии

А. А. Гаджиев

кандидат юридических наук, главный юрисконсульт ООО «АТВ ГРУПП».

Адрес: 141006, Московская область, Мытищи, пр-т Олимпийский, владение 29, стр. 2.

E-mail: adil_ha3@mail.ru

Comparative Legal Analysis of Hereditary Institution Contract in Russia, France and Germany Law

A. A. Hajiyev

PhD in Law, Chief Legal Counsel of ATV GROUP LLC.

Address: 2 Buildin 29 Olympic Avenue, Mytishchi, Moscow Region, 141006, Russian Federation.

E-mail: adil_ha3@mail.ru

Аннотация

В статье представлено исследование актуальных проблем института наследственного договора в праве России, Франции и Германии. В исследовании применялись общенаучные и частнонаучные методы, такие как анализ, сравнение, структурный, системный и функциональный подходы и др. Основу научного исследования составил метод сравнительного анализа, который позволил выявить наиболее насущные и коллизионные нюансы юридической конструкции наследственного договора. Анализ нормативно-правовых норм, доктрин, судебной и нотариальной практик в праве России, Франции и Германии позволяет сделать вывод о том, что преимущества юридической конструкции наследственного договора для наследодателя не очевидны. Кроме того, данный институт является характерным и традиционным для немецкого наследственного права, где изначально он и формировался в конце XIX – XX в. Французское законодательство вплоть до 2016 г. отказывалось от института наследственного договора, однако после принятия Директивы ЕС № 650/2012 «О компетенции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении публичных свидетельств по наследственным делам, а также по вопросу о введении единого европейского свидетельства о наследстве» французские законодатели признали наследственный договор как способ распоряжения имуществом наследодателя, но с оговоркой, которая допускает только признание наследственных договоров, заключенных в других странах ЕС. Институционализация юридической конструкции наследственного договора в российском гражданском законодательстве с 1 июня 2019 г. вызывает множество вопросов с правовой и с практической точки зрения, более того, отсутствие достаточного научного исследования практики заключения наследственных договоров в зарубежных странах, исследования нотариальной и судебной практики оставляет судьбу статьи 1140.1 ГК РФ относительно неопределенной. В современном мире законодатели стран находятся в процессе поиска и выработки наиболее эффективного правового способа распоряжения имуществом наследодателя на случай смерти. Однако вводимые законодательные нововведения, как правило, требуют проведения широкомасштабного научного исследования, основанного на социально-экономической политике государства и потребностей сформировавшихся общественных отношений. В случае произвольного копирования норм права зарубежных стран внутригосударственное законодательство не развивается, а наоборот, деструктурируется.

Ключевые слова: институционализация, наследование, национальное законодательство, гражданский кодекс, право, директива ЕС, наследственные отношения, юридическая конструкция, наследодатель, унификация, тенденции, коллизия, нотариальная практика, судебная практика.

Abstract

The article presents a study of topical problems of the institution of a hereditary contract in the law of Russia, France and Germany. In the study, general scientific and particular scientific methods were used, such as: analysis, comparison, structural, systemic and functional approaches, etc. The basis of scientific research was the method of comparative analysis, which made it possible to identify the most pressing and conflicting nuances of the legal

structure of the inheritance contract. An analysis of the legal norms, doctrines, judicial and notarial practices in the law of Russia, France and Germany allows us to conclude that the advantages of the legal structure of the inheritance contract for the testator are not obvious. In addition, this institution is characteristic and traditional for German inheritance law, where it was originally formed at the end of the 19th-20th centuries. Until 2016, French legislation abandoned the institution of an inheritance contract, however, after the adoption of EU Directive No. competence, applicable law, recognition and enforcement of decisions, acceptance and enforcement of public certificates in inheritance cases, as well as on the issue of introducing a single European certificate of inheritance "French legislators recognized the inheritance contract as a way of disposing of the testator's property, but with a clause that allows only recognition of inheritance contracts concluded in other EU countries. Institutionalization of the legal structure of the inheritance contract in Russian civil law from 06/01/2019. raises many questions from a legal and practical point of view, moreover, the lack of sufficient scientific research into the practice of concluding inheritance contracts in foreign countries, the study of notarial and judicial practice leaves the fate of article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation is relatively uncertain. In the modern world, legislators of countries are in the process of finding and developing the most effective legal way to dispose of the testator's property in the event of death. However, the introduced legislative innovations, as a rule, require a large-scale scientific research based on the socio-economic policy of the state and the needs of the formed social relations. In the case of arbitrary copying of the legal norms of foreign countries, domestic legislation does not develop, but rather destructures.

Keywords: institutionalization, inheritance, national legislation, civil code, law, EU directive, inheritance relations, legal structure, testator, unification, trends, conflict, notarial practice, judicial practice.

Развитие экономических отношений, усиление процессов глобализации и их усложнение трансграничным элементом приводит к неминущей необходимости для законодательных органов стран усовершенствования правовой регламентации наследственных отношений. Ключевым фактором, оказывающим влияние на совершенное правовое регламентирование наследственных отношений, служит повышенный государственный и общественный интерес [8].

В рамках наследственного права государство реализует свою социально-экономическую политику в отношении индивида, а общественный интерес основывается на необходимости государства гарантировать права собственности лица, которое позволит ему определить последующую судьбу имущества. В рамках права собственности лицо имеет возможность свободно, по своему усмотрению распоряжаться имуществом, находящимся в собственности, на случай смерти путем составления завещания или путем распределения наследства в той очередности, которая предусмотрена в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отмеченные виды наследования с учетом социально-экономической и исторической специфики зарождения и формирования являются традиционными способами распоряжения имуществом умершего для российского, французского и немецкого законодательства [11].

Повышенный интерес государства к сфере наследования обосновывается тем, что оно является одним из источников пополнения государственного бюджета. Например, судами в России ежегодно рассматриваются наследственные дела на сумму, превышающую 20 млрд рублей. Только поступления от уплаты государственной пошлины за 2018 г. составили более 400 млн рублей. В зарубежных странах по сравнению с Россией налог на имущество, переходящее в порядке наследования, существенно выше. Например, в Германии ежегодно в государственную казну поступает не менее 7 млрд евро, при этом данный показатель возрастает¹.

Исследование законодательных тенденций развития наследственного права в России, Франции и Германии показывает, что наследственное право является достаточно консервативной частью гражданского права в целом. Несмотря на попытки законодателей внести изменения, поправки и нововведения, предлагаемые новшества повсеместно сопровождаются бурной дискуссией и критикой. В итоге уже сложившиеся традиционные институты наследственного права сохраняют свое былое преимущество в неизменном виде [7]. Причины, вызывающие необходимость реформирования наследственного права в России и зарубежных странах, всегда разные, но общий вектор развития один – разработать наиболее совершен-

¹ См.: *Steueraufkommen nach Steuerarten / Statistisches Jahrbuch // Finanzen und Steuern. – 2017. – P. 275. – URL:*

https://www.destatis.de/DE/Publikationen/StatistischesJahrbuch/FinanzenSteuern.pdf;jsessionid=299EC0745EB51468D755A8C9CE527D29.InternetLive1?__blob=publicationFile

ную правовую конструкцию распоряжения имуществом наследодателя на случай смерти [5]. В целях достижения поставленных задач законодателя России, Франции и Германии на основе анализа уже существующих институтов наследственного права в зарубежных странах выделяют наиболее эффективные и внедряют их в свое национальное право. Наиболее ярким примером представляется институт наследственного договора, который был введен в российское право (с 1 июня 2019 г.).

Данный институт является традиционным для немецкого наследственного права, однако абсолютно чуждым для французского права. Несмотря на попытки унификации общеевропейских стандартов регулирования наследственных отношений и призыва ввести институт наследственного договора во французское наследственное право, изначально французские законодатели так и не пошли по пути институционализации данной юридической конструкции в гражданское законодательство.

Основой современного института наследственного договора во Франции и Германии выступает Директива ЕС № 650/2012 «О компетенции, подлежащем применению праве, признании и исполнении решений, акцепте и исполнении публичных свидетельств по наследственным делам, а также по вопросу о введении единого европейского свидетельства о наследстве» (далее – Директива)¹. Данная Директива особое внимание уделяет вопросам введения во всех странах ЕС таких институтов, как наследственный договор и совместное завещание супругов. Анализ содержания Директивы позволяет сделать вывод о том, что именно основополагающие элементы и признаки института наследственного договора Германии (книга пятая, раздел четвертый ГУ ФРГ) легли в основу общеевропейской политики унификации наследственных отношений.

В тексте Директивы разъясняются унифицированные понятия: «наследственное правопреемство», «наследственный договор» и др. «Наследственный договор» определяется как «соглаше-

ние, включая соглашение на основе взаимных завещаний, которое на возмездной или безвозмездной основе является основанием возникновения, изменения или прекращения прав на будущее наследство одного или нескольких участвующих в этом соглашении лиц» (статья 3 Директивы).

Традиционное французское гражданское право до недавнего времени категорически отвергало и признавало аморальными сделки, а именно *pactes sur succession future*, т. е. сделки о наследстве на будущее². Однако в настоящее время французские законодатели проявили лояльность и допустили заключение наследственного договора (с оговоркой, которая существенно умоляет суть данного института)³.

В 2016 г. под влиянием Директивы ЕС № 650/2012 французское гражданское право претерпело существенные изменения: французские законодатели (статья 722 ГК Франции) допустили заключение наследственных договоров в случаях, предусмотренных в законе, а какие именно это случаи, законодатель до сих пор умалчивает. Данная оговорка обеспечила сохранность традиционных способов распоряжения имуществом на случай смерти наследодателя, но при этом допустила признание наследственных договоров, заключенных в странах Европейского союза [1].

Таким образом, французские законодатели признали наследственный договор одним из способов распоряжения имуществом наследодателя, но признали в той степени, в которой не нарушаются сложившиеся традиционные институты наследственного права⁴.

Юридическая конструкция института наследственного договора в начале введения в законодательство Германии подвергалась довольно негативной критике, однако в начале XIX – XX в. немецкие цивилисты и законодатели признали обоснованность существования наследственного договора как способа распоряжения имуществом наследодателя.

Нормы, регулирующие содержание наследственного договора, закреплены в § 1941 Граждан-

¹ См.: Verordnung (eu) Nr. 650/2012 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 4. Juli 2012 über die Zuständigkeit, das anzuwendende Recht, die Anerkennung und Vollstreckung von Entscheidungen und die Annahme und Vollstreckung öffentlicher Urkunden in Erbsachen sowie zur Einführung eines Europäischen Nachlasszeugnisses. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=celex%3A32012R0650>

² См.: Часть 2 статьи 1130 ГК Франции / Code civil (Dernière modification: 1 mars 2019). – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

³ См.: Статья 722 ГК Франции // Code civil (Dernière modification: 1 mars 2019). – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

⁴ URL: <https://www.heritage-succession.com/article-les-pactes-sur-succession-future.html>

ского уложения ФРГ. Согласно данному параграфу наследодатель вправе назначить наследника с помощью договора, определить полномочия и обязанности, выбрать подлежащее применению наследственное право (наследственный договор). Одновременно согласно части 2 § 1941 ГУ ФРГ наследником (наследником по договору) или отказополучателем может быть определена как другая сторона договора, так и третье лицо.

Немецкие законодатели рассматривают наследственный договор как исключительно личную сделку. Следовательно, наследственный договор должен быть подписан наследодателем лично, представительство при этом запрещено. Напротив, для другой стороны наследственного договора допускается представительство. Способность наследодателя заключить соответствующий договор не исчерпывается ни дееспособностью завещателя (§ 2229), ни дееспособностью вообще (§ 104). Для определения дееспособности наследодателя заключить наследственный договор действуют свои собственные правила. Согласно § 2275 ГУ ФРГ наследодатель вправе заключить наследственный договор, когда он имеет неограниченную дееспособность. Несмотря на императивный характер требования этой статьи, немецкое законодательство допускает исключения. Так, например, ограниченно дееспособный наследодатель может заключить наследственный договор со своей супругой (супругом), с лицом, с которым помолвлен наследодатель, однако лишь с согласия законного представителя, а если наследодатель находится под опекой, то с согласия суда по делам опеки.

Законодатели Германии особое внимание уделяют содержанию наследственного договора. В соответствии с гражданским правом Германии содержание наследственного договора не может быть определено по усмотрению сторон. В практике применяются строго определенные законом образцы договоров. Согласно § 2278 ГУ ФРГ в наследственный договор могут быть включены соответствующие договору распоряжения на случай смерти только о назначении наследника, завещательном отказе и завещательном возложении. Остальные нюансы не могут относиться к содержанию наследственного договора, а в случае если завещатель желает изъять свою окончательную волю в одностороннем порядке со своими

требованиями, с точки зрения законодателя он вправе составить завещание.

Современные тенденции развития права в странах, относящихся к романо-германской правовой семье, вызывают необходимость усовершенствования и российского наследственного права. Так, с 1 июня 2019 г. в ГК РФ (статья 1140.1) допускается заключение наследственного договора¹.

Институционализация юридической конструкции наследственного договора является предметом множества дискуссий среди российских цивилистов и законодателей. Безусловно, для внедрения того или иного правового института в национальное законодательство в первую очередь необходимо выявить потребность общественных отношений в более совершенном правовом регулировании, проанализировать их, рассмотреть законодательные нормы, судебную и нотариальную практику их решения и применения в зарубежных странах, оценить их положительные и отрицательные стороны и только потом институционализировать. Именно проведение широкомасштабной аналитическо-правовой работы, основывающейся на балансе социально-экономической политики государства и правовой потребности участников гражданских правоотношений, является залогом совершенного права. Иначе судьба любого правового нововведения, носящего характер копирования или введенного в угоду общеевропейским тенденциям развития, останется неопределенной.

Следует отметить, что, например, определение наследственного договора в вышеуказанной Директиве ЕС № 650/2012 значительно проще и ясней той формулировки, которую предложил российский законодатель, указывая, в частности, на то, что этим договором должен регулироваться «порядок перехода прав на наследство», что существенно противоречит как статье 1110 ГК РФ, так и сути этой юридической конструкции.

Согласно части 2 статьи 1110 ГК РФ наследование регулируется Гражданским кодексом РФ и другими законами, а в случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами. Данная норма является специальной, императивной и недвусмысленно устанавливает источники права наследования. В противовес этой норме законодатель в части 1 статьи 1140.1 ГК РФ определяет,

¹ Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 23.07.2018. – № 30. – С. 4552.

что наследственный договор определяет «порядок перехода права наследодателя после его смерти». По сути, законодатель наделяет наследодателя правом формировать свой порядок перехода права, который может кардинально отличаться от порядка, предусмотренного ГК РФ. Описанная формулировка явно контрастирует с формулировками немецких и французских законодателей. Например, в соответствии с § 1941 ГУ ФРГ наследодатель имеет право предусмотреть в наследственном договоре следующее: определить наследников; установить завещательные отказы и возложения и избрать подлежащее применению право наследования.

Столь широкое коллизийное определение понятия наследственного договора российским законодателем приводит к обоснованным дискуссиям среди отечественных цивилистов. Представляется, что данная коллизия является крайне опасной не только для правоприменительной практики как нотариальной, так и судебной, но и в экономическом смысле. Нередки случаи, когда наследодатели оставляют предприятия с немалым штатом работников, рабочей техникой, производственными материалами и т. д., которые при неправильном толковании и применении норм права могут быть утрачены. Кроме того, данная коллизия может затянуть во временном промежутке спор среди наследников и процесс вступления в наследство на года.

Критическим аспектом, усложняющим роль и место юридической конструкции наследственного договора в современном российском гражданском праве, является произвольное включение статьи 1140.1 ГК РФ в главу 62, посвященную определению правил наследования по завещанию, которое в отличие от наследственного договора по правовой природе является односторонней сделкой [1. – С. 104].

Нельзя не согласиться, что завещание и наследственный договор являются альтернативными способами распоряжения имуществом на случай смерти и оба института направлены на защиту и выражение заключительной воли наследодателя. Однако при неглубоких научных исследованиях становится очевидным, что они по своей правовой природе кардинально отличны друг от друга. Сплетение названных юридических конструкций приведет к существенным трудностям и коллизиям в нотариальной и судебной правоприменительной практике.

Кроме того, столь громоздкое содержание статьи 1140.1 ГК РФ не является показателем технико-юридического мастерства.

В зарубежной и российской практике часто встречаются случаи, когда столь широкое наполнение одной статьи приводит к трудностям в правоприменительной практике. Аналогичные институты в гражданском законодательстве Германии регулируются нормами разных разделов. Наследование по завещанию основано на норме раздела 3 книги 5 ГУ ФРГ, а наследование на основании наследственного договора регулируется нормами раздела 4 книги 5 ГУ ФРГ.

Проведенный анализ зарубежного опыта по данной проблематике позволяет отметить, что далеко не все страны используют практику институционализации наследственного договора. Причем в значительной части стран этот вид договора не предусматривается либо прямо запрещен. В самой немецкой цивилистике до сих пор встречаются дискуссии о неэффективности юридической конструкции наследственного договора, более того в правоприменительной практике часто возникают коллизии, которые приводят к долгим растянутым во временном интервале спорам и разделу имущества наследодателя [2; 3; 4; 6; 7; 9; 10; 12; 13]. Поэтому говорить сегодня о каком-либо устойчивом единообразии и однородности подходов к институту наследственного договора не приходится, что в значительной степени продиктовано самой природой и юридическим характером этого вида гражданско-правовых сделок.

В заключение хотелось бы отметить, что существенными аспектами, обосновывающими законодательную регламентацию институтов наследственного права в рассматриваемых странах, являются их исторические истоки возникновения и пути развития, которые не могут рассматриваться в разрыве от социально-экономической политики государства и потребностей общественных отношений. Законодатели стран в попытках поиска наиболее совершенной правовой формулы регламентации наследственных отношений в целом обязаны выявлять тонкости общественных отношений, основываясь на судебной и нотариальной практике, которые нуждаются в правовой регламентации, и только потом исключительно точно рассматривать зарубежные наследственно правовые конструкции как эффективные инструменты решения отечественных наследственно правовых проблем. Так, закрепление юридической конструкции института наследственного договора в праве

Германии не означает необходимость его внедрения во французское или российское право, поскольку последним присущи свои исторически традиционно сложившиеся особенности регулирования наследования, актуальные на современном правовом этапе развития государства и общества.

Последние научные исследования зарубежной нотариальной и судебной практики показывают, что традиционные юридические конструкции распоряжения имуществом (наследование по закону и наследование по завещанию) наследодателя сохраняют наибольшую актуальность, а альтернативные способы распоряжения имуществом необходимы относительно небольшому проценту общества, владеющему значительными финансовыми и экономическими ресурсами. Последние также нередко распоряжаются своим имуществом путем составления завещания. Традиционно устоявшиеся

институты наследственного права, проверенные временем и практикой, в наибольшей степени защищают интересы наследодателя, обеспечивают баланс среди наследников и гарантируют конструктивное развитие права и экономик стран.

В связи с этим последующие пути развития наследственного права как неотъемлемой части гражданского права должны иметь целью совершенствование уже имеющихся правовых инструментов распоряжения имуществом наследодателя на основе сформировавшихся практических изъяснов, которые сегодня создают трудности в судебной и нотариальной деятельности. При решении отмеченных задач следует анализировать и тенденции развития общественных отношений и, опираясь на динамику этих тенденций, разрабатывать актуальную юридическую конструкцию.

Список литературы

1. Гаджиев А. А. Правовое регулирование наследственных отношений в России, Франции и Германии : дисс. ... канд. юрид. наук. – М. : Российский университет дружбы народов, 2021. – С.104.
2. Матвеев И. В. Наследственный договор // Хозяйство и право. – 2008. – № 11. – С. 39–44.
3. Матвеев И. В. Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. – 2015. – № 1. – С. 6–9.
4. Der Erbvertrag als Problem von Rechtswissenschaft: eine rechtswissenschaftsgeschichtliche Untersuchung vor dem Hintergrund der Geschichte eines allgemeinen Vertragsbegriffs / Jan Ulrich. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2017. – XIV.
5. Dutta A. Warum Erbrecht? Das Vermögensrecht des Generationenwechsels in funktionaler Betrachtung. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2014. – XX.
6. Erbvertrag und Synallagma / von Daniela Rothe. – Berlin : Duncker & Humblot, 2008.
7. Grimaldi M. Droit civil: successions. – 6e. éd. – Paris : Litec, 2001. – XII.
8. Malaurie P., Brenner C. Droit des successions et des libéralités. – Paris : LGDJ, une marque de Lextenso, 2016.
9. Malaurie, Ph. Les successions, les libéralités / Philippe Malaurie. A jour au 31 décembre 2003. – Paris : Defrénois, 2004. – XII.
10. Nachlassrecht: Erbfolge, Testament, Erbvertrag, Pflichtteilsrecht, Rechtspflege, Insolvenz, Verfahren, Erbschaftsteuer und IPR / Hans Lothar Graf. – 11. Auflage. – München : Beck, CH, 2018.
11. Schotten G., Schmellenkamp C. Das Internationale Privatrecht in der notariellen Praxis / von G. Schotten und C. Schmellenkamp. 2., neu bearb. und erg. Aufl. – München : Beck, 2007. – XLVII.
12. Terré F., Lequette Y., Gaudemet S. Droit civil : Les successions. Les libéralités // Dalloz. – 2013.
13. Wilke U. Willensherrschaft und Nachlassbindung. – Frankfurt am Main : Wolfgang Metzner Verlag, 2017.

Berliner Testament: особенности взаимного распоряжения супругов-наследников

Ю. А. Сахно

аспирантка, ассистент кафедры гражданского права и процесса НИУ «БелГУ»

Адрес: ФГАОВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»,
308015, Белгород, ул. Победы, 85.

E-mail: kabinet.adv@yandex.ru

Berliner Testament: Peculiarities of the Mutual Disposition of Spouses Who are Heirs

J. A. Sakhno

Postgraduate Student, Assistant of the Department of Civil Law and Procedure Department
Federal State Educational Institution of Higher Professional Education
of the BelSU University.

Address: Belgorod State National Research University, 85 Victory Street, Belgorod,
308015, Russian Federation.

E-mail: kabinet.adv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной теме наследственного права, изложенной в области межпредметных исследований совместных завещательных распоряжений по законодательству России и Германии. Методом системного анализа исследуются юридические конструкции и особенности взаимного завещания супругов в наследственном праве Германии. В статье обращается внимание на особенности отмены и оспаривания супружеских завещаний по Гражданскому кодексу Германии. Автором исследованы понятия «берлинское завещание», «совместное супружеское завещание» с позиций Гражданского кодекса Федеративной Республики Германия. В статье рассмотрены вопросы эффективности берлинского завещания, изучены последствия при расторжении отношений и повторном браке супругов; проанализированы ситуации при наличии обязательной доли наследников. Сделан вывод: в отличие от российского законодательства, наследственное право Германии представляет завещателю больше возможностей в выборе подходящего вида распоряжения, а также способов правовой защиты в случаях отмены и оспаривания совместного завещания. Предложены подходы к решению спорных вопросов в отношении совместных завещаний в российском наследственном праве с позиции ограничений свободы завещания и правовой защиты наследников. Автор считает необходимым продолжить изучение сложившегося опыта германского законодательства в правовом регулировании института завещательных распоряжений для решения проблем действующего российского законодательства с позиций его возможного заимствования и использования в нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: наследственное право, немецкое право, совместное завещание супругов, виды завещания, берлинское завещание, обязательная доля, супруг, наследник, наследодатель.

Abstract

The article is devoted to the topical topic of inheritance law, set out in the field of interdisciplinary research of joint testamentary dispositions under the laws of Russia and Germany. Using the method of systematic analysis the legal constructions and peculiarities of the mutual bequests of spouses in German inheritance law are investigated. The article focuses on the peculiarities of cancellation and contestation of spousal wills under the Civil Code of Germany. The author explores the concepts of the "Berlin will" and the "joint marital will" from the perspective of the Civil Code of the Federal Republic of Germany. The article examines the effectiveness of the Berlin will, exploring the implications in the dissolution of the relationship and the remarriage of spouses; analyzes situations where there is a compulsory share of heirs. It is concluded that, in contrast to Russian law, inheritance law in Germany provides more opportunities for the testator to choose the appropriate type of disposition, as well as ways of legal protection in cases of annulment and contestation of the joint will. Approaches to solving disputes over joint bequests in Russian inheritance law from the perspective of restrictions on the freedom of the will and the legal

protection of heirs have been proposed. The author considers it necessary The author considers it necessary to continue to study the existing experience of German law in the legal regulation of the institute of testamentary dispositions to solve the problems of current Russian legislation from the perspective of its possible borrowing and use in rule-making activity.

Keywords: inheritance law, German law, joint will of spouses, types of wills, Berlin testament, compulsory share, the spouse, the heir, the testator.

Фраза «до тех пор, пока смерть не разлучит нас» является неотъемлемой частью многих брачных обетов и свидетельствует о стремлении супругов к совместной жизни, но включает в себя не только хорошие времена, но и время болезней и финансовых забот. По этой причине многие, особенно пожилые пары, предпочитают принимать меры предосторожности на случай своей смерти. Около 75% всех супружеских пар в Германии составляют для этого берлинское (совместное) завещание.

Что будет считаться берлинским завещанием (Berliner Testament) и каковы его особенности? В берлинском завещании супруги устанавливают друг друга в качестве единоличных претендентов на наследство, при этом дети являются окончательными наследниками [7. – С. 85].

Важно, что совместно составленное завещание, отменяется или изменяется обоими партнерами совместно. Для этого достаточно составить новое завещание, а старое – уничтожить. В одностороннем порядке отказаться от совместного завещания можно, но только с учетом следующих правил: при жизни обоих супругов; отказ заверен нотариусом и направлен (передан) второму из супругов.

Допускается ли изменять берлинское завещание после смерти супруга? Нет, после смерти первого супруга, переживший супруг уже не может изменить распоряжение. Это особая форма брачного завещания, которое может быть составлено как собственноручно, так и нотариусом.

Берлинское завещание – это совместное завещание супругов или лиц, живущих в зарегистрированном браке или партнерстве. При взаимном завещании супруги устанавливают друг друга в качестве единоличного наследника и вместе определяют, кому достанется имущество, т. е. кто является окончательным наследником, а последующим наследником пережившего супруга будет третье лицо (чаще всего дети). Берлинское завещание получило свое название, поскольку ранее было особенно распространено именно в Берлине.

Заметим, что институт помолвки играет важную роль в Федеративной Республике Германии;

помолвка также влечет за собой определенные юридические последствия, следовательно, аналогичное правило о недействительности завещания применяется и к помолвленным лицам.

Совместное завещание – это особое средство урегулирования отношений, предоставленное супругам и официально незарегистрированным партнерам [6].

По модели берлинского взаимного завещания наследственное имущество на данный момент не переходит к общим детям и другим наследникам. Таким образом, изменение законного наследования в берлинском завещании гарантирует, что вдова или вдовец будут по-прежнему финансово обеспечены и при необходимости сохраняют право проживания в доме. Это связано с тем, что с помощью такого взаимного завещания можно предотвратить формирование большого количества наследников после смерти первого супруга и, следовательно, избежать раздела и возникновения долевой собственности, влекущей ряд негативных последствий для родственников, а также сохранить родственные чувства и отношения между поколениями.

В наследственном праве Германии такое распоряжение применяется с учетом положений, что дети – юридически говоря о потомках – на данный момент исключаются из наследования.

Следовательно, берлинское завещание имеет смысл, когда из-за большого числа наследников следует опасаться, что недвижимость может быть поделена, продана или не может быть гарантировано прежнее содержание оставшегося в живых партнера.

Берлинское завещание и развод супругов

Как уже упоминалось ранее, использование берлинской модели в завещании возможно исключительно для супружеских пар и партнерства при жизни. Это зафиксировано в § 2265 Гражданского кодекса Германии (BGB) [2]. Однако это также означает, что берлинское завещание становится неэффективным в целом, когда дело доходит до

развода или аннулирования брака (§ 1933 Гражданского кодекса Германии, BGB). Если заинтересованные участники после развода снова вступают в брак, это не возвращает силу берлинскому завещанию. Но после развода заинтересованные стороны могут оформить новые варианты распоряжения на случай своей смерти:

- 1) сохранить единство наследственной массы;
- 2) провести раздел наследственного имущества [7. – С. 89].

В первом случае полноправным наследником будет переживший супруг; он вправе с учетом разумности пользоваться имуществом умершего спутника жизни, а дети впоследствии, после смерти второго родителя, получают целиком и полностью родовое наследственное имущество.

Во втором варианте учитывается статус первоначальных и последующих (Vor- und Nacherbe) правопреемников: исходным наследником назначается переживший супруг, а дети станут наследниками с правом наследования имущества только после смерти пережившего супруга. В таком случае наследственная масса ранее умершего супруга приобретает обособленный статус от имущества пережившего супруга совместно с обязательствами и с ограничениями по распоряжению.

Таким образом, переживший супруг, став наследником, обязан сохранить имущество для детей, либо вправе отказаться от таких прав, не утратив при этом свободу распорядиться имуществом на случай своей смерти.

Вместе с тем в порядок правопреемства, определенный супругами, может быть внесен разлад, когда кто-то из наследников сразу после смерти первого родителя решит воспользоваться правом на получение обязательной доли. Возможные риски решаются специально предусмотренными штрафными оговорками, примеры приведены ниже.

Обязательная доля наследников в берлинском завещании

В берлинском завещании общие дети бывают лишены наследства после смерти первого родителя, однако дети все равно могут потребовать обязательную часть (Pflichtteil). Если общее имущество супругов состоит в основном из самостоятельной собственности, требование обязательной части может привести к тому, что дом должен быть продан, чтобы обеспечить выплату. Зачастую требование о выплате обязательной доли

может поставить оставшегося в живых родителя в затруднительное финансовое положение.

Чтобы этого избежать, завещание дополняется формулировкой, называемой «обязательной частичной оговоркой». В том случае если заключительный наследник требует обязательной части в первом случае наследования, то и во втором случае он имеет право только на это условие (§ 2303 Гражданского кодекса Германии, BGB). В Берлинском завещании такое требование вносится как «штрафная статья» (Pflichtteilsstrafklausel).

Если один из общих детей запрашивает обязательную часть после смерти первого родителя, любая оговорка о наследстве, сделанная в его пользу, становится недействительной. В этом случае после кончины обоих родителей этот ребенок не получает заключительной части, а только возложенную на него обязательную часть и гораздо меньше, чем остальные наследники, поскольку обязательная доля включает только половину части, полагающейся по закону.

В случае, если единственный ребенок разведенных супругов, унаследовавший все имущество после смерти одного из родителей, умирает, не оставив детей, тогда собственность переходит ко второму родителю. В этом случае после смерти ребенка имущество одного из разведенных супругов, перейдя по наследству к их общему ребенку, возвращается к оставшемуся в живых супругу.

Обязательные лица из числа наследников (Pflichtteilsberechtigten) имеют право также на подаренное имущество, если завещатель подарил его другому лицу не ранее чем за 10 лет до его смерти. Кроме того, обязательный наследник имеет право потребовать денежную компенсацию в дополнение к своей обязательной доле, если подаренное имущество входит в наследственную массу.

Последствия повторного брака

В берлинском завещании супруги указываются в качестве единоличных наследников. Оставшийся в живых супруг не может с этого момента изменить общее совместное завещание. Однако частный случай существует, когда вдова или вдовец повторно женятся, поскольку в этом случае новый супруг имеет право наследования и обязательной доли. Последствиями для детей от первого брака в таком случае может стать уменьшение наследственного имущества. По этой причине завещание может быть оспорено в течение одного года после заключения брака. Таким образом, со

дня смерти первого супруга задним числом применяется законное наследование.

Возможность оспаривания существует не только при повторном браке. Другими причинами могут стать, например, усыновление или рождение других детей, поскольку они также имеют право на часть имущества. Чтобы избежать перечисленных проблем для общих детей, полезно включить так называемую оговорку о повторном браке (*Wiederverheiratsklausel*) в брачное завещание.

Частный случай оспаривания совместного завещания

Вопросы о недействительности завещания в Гражданском кодексе Германии решаются по-разному. Если завещатель написал совместное завещание, оспаривание зачастую усложняется. Это связано с тем, что в этих завещаниях принимаются так называемые взаимные распоряжения, касающиеся обоих супругов, а не только одного наследодателя.

Если такое завещание оспаривается после смерти одного супруга (партнера), распоряжения другого также становятся недействительными¹. Завещатель не вправе в одиночку отменить распоряжения, если при жизни составлено общее совместное супружеское или берлинское завещание (*gemeinschaftliche Testament der Ehegatten*).

Отмена или признание недействительным распоряжений одного из супругов в рамках взаимных общих завещаний в соответствии с § 2270 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) приводит к недействительности распоряжения и другого партнера².

Отметим, что в Германии совместное завещание и наследственный договор приоритетны перед обычным завещанием. Наследственное право – это сложная область права, где неточные формулировки могут иметь негативные последствия [9].

Выводы

Берлинское завещание прежде всего обеспечивает целостность и недопустимость долевого дробления общей недвижимости и заключается в интересах пережившего супруга. Во-первых, оно гарантирует, что оставшийся в живых супруг будет

по-прежнему обеспечен жильем и сохранит финансовую стабильность, во-вторых, обеспечивает невозможность изменения наследования в одностороннем порядке.

Такое завещание имеет и недостатки: будущие налоговые проблемы для наследников, особенно, если наследство имеет высокую стоимость. Льготный размер налога для пережившего супруга составляет 500 000,00 евро. Каждый из детей может наследовать 400 000,00 евро без налогов от каждого родителя. Однако для них такая налоговая льгота существует только после смерти второго родителя. Если полученное имущество превышает указанную границу в денежной оценке, взимается обязательный налог на наследство. В подобных случаях разумнее подумать об иной альтернативе распоряжения.

Отличительной особенностью немецкого права является возможность считать главным основанием для оспаривания и недействительности любого завещания следующий факт: ранее имущество было завещано кому-то из супругов, но до смерти наследодателя произошло расторжение брака (§2077 ГГУ). В данном случае прекращение брака имеет негативное значение для пережившего супруга, поскольку он теряет право на наследство, если на момент смерти наследодателя подано заявление или дано согласие на развод.

Существуют частные случаи ограничения в волеизъявлении: привязка наследодателя к предыдущим распоряжениям (наследственный договор или завещание), когда наследодатель привязан к более старым распоряжениям, что ограничивает возможность составить новое завещание. Этот принцип непосредственно относится к общему совместному завещанию супругов (*gemeinschaftliche Testament der Ehegatten*). Завещатель также не вправе единолично отменить распоряжения, если при жизни было подписано совместное супружеское завещание (*Gegenseitiges Testament unter Eheleuten*).

Конструкция завещания по российскому и германскому праву во многом схожа. На наш взгляд, завещательное право ФРГ предоставляет больше возможностей для выбора подходящего вида распоряжения, в отличие от Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, если

¹ См.: Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – С. 110.

² Там же. – С. 302.

говорить о форме распоряжения, германское гражданское право включает пять основных видов: письменную, электронную формы, в виде текста, официального свидетельствования и нотариального удостоверения [8]. Также в ГГУ допустимы и завещания, содержащие неимущественные распоряжения: об опекунах, исполнителе завещания, назначение третьего лица при завещательном отказе и т. д.

С 19 июля 2018 г. Федеральным законом № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ включены нормы о совместном завещании супругов.

В отличие от Германского кодекса, отечественные нормы, внесенные указанным законом, не предполагают оговорку в свободе распоряжения полученным имуществом для пережившего супруга. Таким ограничением могло быть внесение в законодательные акты запретительных норм и введение определенных последствий в случае отмены или изменения пережившим супругом совместного завещания после смерти супруга. Например, введение механизма, предусматривающего при регистрации недвижимого имущества, указанного в совместном завещании, либо унаследованного пережившим супругом, внесения обязательного условия об обременении.

В некоторых случаях стоит предусмотреть введение отдельного пункта в совместное распоряжение, когда переживший супруг до конца жизни сохранит право пользования совместной собственностью, а любой раздел супружеской недвижимости возможен только после его смерти. Такие обеспечительные меры позволят защитить интересы будущих наследников.

Положения третьей части Гражданского кодекса Российской Федерации не предполагают для наследников по совместному завещанию никаких методов правовой защиты, если переживший супруг впоследствии решит отменить (изменить) совместное завещание. Внесенные нормы также ограничивают его возможности распорядиться своим личным имуществом в общей наследственной массе по своему усмотрению и иными способами.

Так, бесспорным является правило: невозможно распорядиться совместно нажитым имуществом, которое принадлежит и пережившему супругу на праве собственности. На наш взгляд, противоречивой и нарушающей принцип свободы и содержания завещания является норма, согласно которой, переживший супруг как собственник лишается любой возможности вносить изменения в совместное завещание даже в отношении принадлежащего ему на праве собственности имущества [4. – С. 231].

Несмотря на то что законодательно не предусмотрена отмена совместного завещания после смерти одного из супругов, в случае отмены порядок и возможные последствия также нормативно не разъясняются. Завещание, составленное позже одним из супругов, предполагает недействительность всех положений ранее заключенного совместного завещания. Такое правило, на наш взгляд, не должно применяться в отношении объектов или их частей (доли), относящихся к личному имуществу пережившего супруга.

Подходы к спорным вопросам в отношении совместных завещаний в зарубежной судебной практике уже отработаны. К сожалению, в нашей отечественной практике подобный опыт по их решению еще не сложился.

В связи с этим, по нашему мнению, попытка компиляции норм зарубежного права о совместных завещаниях супругов в отечественном законодательстве не совсем успешна и не доработана. Причина – не только в небезупречных юридических формулировках, но и в отсутствии практической пользы и возможных последствий при нарушениях: не предусмотрен механизм санкций и принуждения в случаях ненадлежащего исполнения совместного завещания пережившим супругом. Безусловно, невозможно игнорировать негативные последствия, риск которых связан с недобросовестными поступками и злоупотреблениями со стороны одного из супругов [3. – С. 87].

Считаем возможным предусмотреть для пережившего супруга определенную имущественную ответственность при вступлении в повторный брак после смерти супруга. Таким условием могла бы стать обязанность частично или в полном объ-

¹ См.: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 30. – Статья 4552.

еме вернуть полученное наследственное имущество умершего супруга детям, указанным в совместном завещании, или компенсировать им его стоимость в денежном эквиваленте.

Заметим, что разумно было бы учитывать и риски, связанные с отменой взаимных распоряжений после смерти одного из наследодателей. Гарантией для пережившего супруга будет введение по аналогии с германским наследственным правом обязательства передавать детям права на полученное ими по завещанию, чтобы в дальнейшем свободно распоряжаться своим личным имуществом.

Так, в ФРГ совместное завещание включает распоряжения на общее и на личное имущество каждого из супругов, поскольку не относит совместную собственность супругов (*Zugewinnngemeinschaft*) к законному режиму имущественных отношений.

Стоит, на наш взгляд учитывать предполагаемые последствия, связанные с правами обязательных наследников. Отсутствие сложившейся практики и правовых способов разрешения спорных вопросов совместного завещания может привести к указанным выше неблагоприятным последствиям. Следовательно, разумным подходом

будет применить сложившийся опыт германского законодательства в правовом регулировании института завещательных распоряжений.

Автор считает, что введение на законодательном уровне иных вариантов положений, входящих в содержание совместного завещания, например, включающих условия о возможности наследования одновременно с пережившим супругом иных наследников (совместных детей), было бы востребованным и обоснованным.

Предложенные варианты будут способствовать соблюдению баланса и сохранению стабильности прав и интересов наследников при отмене совместного завещания.

Новые положения о совместных завещаниях, безусловно, актуальны для российского права и, по нашему времени, будут востребованы в наследственных правоотношениях. При этом Германское наследственное право характеризуется схожими юридическими конструкциями с институтом российского наследования. Изучение, анализ и опыт немецкого завещательного права помогут найти способы устранения трудностей, связанных с практическим применением, учесть юридические особенности в области совместного завещания.

Список литературы

1. Блинков О. Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. – 2015. – № 3. – С. 3–7.
2. Гражданское уложение Германии : Вводный закон к Гражданскому уложению = *Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz* : пер. с нем. / науч. ред. Т. Ф. Яковлева. – 4-е изд., перераб. – М. : Инфотропик Медиа, 2015. – Серия «Германские и европейские законы» = *Serie "Deutsche und Europäische Gesetze"*. – Кн. 1. – С. 485–582.
3. Мамай Е. А., Мамай Е. О. Совместное завещание супругов как новый институт в российском наследственном праве // Юридическая практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 84–88.
4. Некрасова Е. В., Аблаева Д. С. Институт совместной воли супругов в законодательстве Российской Федерации: перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). – № 3. С. 228–233.
5. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. – М. : Статут, 2016. – С. 65.
6. Backhaus B. Vererben und Erben. 7, aktualisierte Aufl. – Berlin : Stiftung Warentest, 2009. – S. 136–139.
7. Graf H. L., Firsching K. Handbuch der Rechtspraxis. 8. Aufl.: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 2000. – S. 85–89.
8. Kallwass W. Privatrecht: Ein Basisbuch. – München: Verlag Franz Vahlen, 2004. – S. 50–53.
9. Lange K. Erbrecht. Kapitel 20. Die Mindestteilhabe des übergangenen gesetzlichen Erben. Series: Großes Lehrbuch. – 2 ed., 2019. – S. 844–932.

Механизмы государственного управления инвестиционной привлекательностью Республики Татарстан

Д. Р. Якубова

студентка магистратуры факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: dinarayakubova1998@mail.ru

Mechanisms of State Management of Investment Attractiveness in the Republic of Tatarstan

D. R. Yakubova

Master Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: dinarayakubova1998@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются механизмы государственного управления инвестиционной привлекательностью Республики Татарстан. Особое внимание акцентируется на действующем законодательстве Российской Федерации, которое регулирует инвестиционные процессы в рассматриваемом регионе. Государственное управление инвестиционной привлекательностью региона заключается в формировании благоприятных условий, которые направлены на повышение надежности и эффективности инвестиций. В работе выделяются и описываются основные механизмы государственного управления инвестиционной привлекательностью региона. К числу относятся правовые, административные, экономические и организационные методы и инструменты. Также изучено законодательство Республики Татарстан, которое регламентирует инвестиционную деятельность в регионе. Кроме того, в статье были рассмотрены нормативно-правовые документы, направленные на снижение административных барьеров для участников инвестиционного процесса. Значительное внимание уделяется финансовым мерам (в форме предоставления налоговых льгот) и инфраструктурным мерам государственного управления инвестиционной деятельностью. В статье также выделяются государственные органы власти Республики Татарстан, наделенные полномочиями, направленными на повышение инвестиционной привлекательности и привлечение инвестиционных средств в экономику.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный климат, органы государственной власти, методы и инструменты государственного управления, инвестиционная деятельность, инвестиционная политика, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития.

Abstract

In this article the mechanisms of state management of the investment attractiveness in the Republic of Tatarstan are discussed. Particular attention focuses on the current legislation of the Russian Federation, which regulates investment processes in the region under consideration. The state management of the investment attractiveness of the region consists in the formation of favorable conditions that are aimed at improving the reliability and efficiency of investments. The work highlights and describes the main mechanisms of state management of the investment attractiveness of the region. These include legal, administrative, economic and organizational methods and tools. The legislation of the Republic of Tatarstan, which regulates investment activities in the region, are also studied. In addition, the article identifies regulatory documents aimed at reducing administrative barriers for participants in the investment process. Considerable attention is paid to financial measures (in the form of tax benefits) and infrastructural measures of the state administration of investment activities. The article also highlights the state authorities of the Republic of Tatarstan, created to improve investment attractiveness and attract investment in the economy.

Keywords: investments, investment climate, state bodies, mechanisms of state administration, direct methods, indirect methods, investment activity, investment policy, special economic zones, territories of advanced socio-economic development.

Главной задачей органов государственной власти при реализации инвестиционной политики является формирование благоприятного инвестиционного климата, который способствует развитию предприятий и привлечению новых инвесторов и инвестиционных ресурсов. Стоит отметить, что для регионов, в которых отсутствуют конкурентные преимущества, нет необходимости привлекать крупных российских и иностранных инвесторов. Им нужно акцентировать свое внимание на существующих на территории предприятиях, а также малый и средний бизнес. Эффективность инвестиционной политики часто зависит от обеспечения полной информацией потенциальных инвесторов.

Под управлением инвестиционной привлекательностью региона понимается целенаправленная деятельность региональных органов власти по формированию благоприятных условий, которые направлены на повышение степени надежности и эффективности вложенных инвестиционных ресурсов, обеспечивают прозрачность инвестиционной деятельности на всех уровнях, а также поддержку эффективных инвесторов [2. – С. 6]. Региональное управление инвестиционной привлекательностью основывается на стоимостных показателях, показателях уровня риска и показателях оценки эффективности проектов по привлечению инвестиций в регион.

Главной особенностью государства как участника инвестиционного процесса является право принуждения, которое основано на законе. Эта особенность определяет не только цели и задачи государственного регулирования инвестиционной деятельности, но и инструменты и методы государственного управления инвестиционной привлекательностью [4. – С. 1484].

Механизмы государственного управления инвестиционной привлекательностью – это совокупность правовых, административных, экономических и организационных методов и инструментов, которые обуславливают необходимость применения всех видов экономических отношений между производителями и потребителями по созданию, производству и эксплуатации новшеств.

Все методы и инструменты, применяемые государством, чтобы воздействовать на инвестиционную привлекательность региона, можно разделить

на две основные группы: прямые и косвенные, которые в свою очередь подразделяются на правовые, административные, экономические и организационные (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Характеристика основных методов государственного управления инвестиционной привлекательностью региона*

Наименование метода	Описание метода	Инструмент метода
Правовые методы	С помощью правовых методов разрабатываются и принимаются нормативно-правовые акты по регулированию инвестиционной деятельности	1) Нормативно-правовые акты (Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»); 2) государственные программы; 3) концепции развития отраслей экономики; 4) стратегии социально-экономического развития, развития отдельных сфер экономики
Административные методы	Административные методы стимулируют участников инвестиционной деятельности соблюдать установленные нормы и правила	1) регистрация; 2) лицензирование; 3) квоты; 4) санкционная система; 5) разрешительные процедуры
Экономические методы	Данная группа методов регулирования инвестиционных процессов направлена на формирование таких условий, которые благоприятно скажутся на привлечении инвесторов и, соответственно, инвестиций	1) финансирование из средств федерального и регионального бюджетов; 2) льготные налоговые ставки и специальный налоговый режим; 3) бюджетные кредиты; 4) государственные гарантии; 5) субсидии и льготы по различным категориям платежей
Организационные методы	Эти методы создают организационную структуру, которая регулирует и координирует инвестиционную деятельность на территории. Эта группа методов также использует средства, повышающие имидж региона среди иностранных и отечественных инвесторов	1) создание инвестиционного совета; 2) формирование базы данных инвестиционных проектов; 3) организация органа государственной власти, в полномочия которого входит предоставление необходимой информации; 4) разработка маркетинговых мероприятий

* Источники: [1. – С. 94; 3. – С. 34].

Главную роль в управлении инвестиционной привлекательностью региона, регулируемого прямыми методами, играют властные и административные отношения, с помощью которых субъекты, участвующие в инвестиционном процессе, находятся под непосредственным влиянием государства. Прямые методы разрешают субъектам инвестиционных отношений применять решения по указанию государства. К прямым методам регулирования инвестиционной деятельности относятся правовые и административные.

Экономические методы относятся к косвенным методам и используются при управлении инвестиционной привлекательностью. Процесс поступления и использования инвестиционных ресурсов с помощью косвенных методов регулирования инвестиционной деятельности осуществляется опосредованно, автоматически, безадресно [5. – С. 48].

Таким образом, при управлении инвестиционной привлекательностью применяются правовые, административные, экономические и организационные группы методов. Они могут прямо или косвенно влиять на привлечение инвестиционных ресурсов в регион, повышая инвестиционную привлекательность территории.

Государственная инвестиционная политика в Республике Татарстан в настоящее время нацелена на формирование условий для динамично развивающихся секторов экономики. В регионе реализуется комплекс законодательных, организационных и исполнительных мероприятий, имеющих целью создание благоприятных факторов для привлечения инвестиций в экономику Республики Татарстан для участников инвестиционного процесса, активизирующих инвестиционную деятельность, повышающих производственную эффективность и решающих социальные проблемы.

Рассмотрим основные правовые инструменты управления инвестиционной деятельностью на территории Республики Татарстан. Так, основными нормативно-правовыми актами являются:

1) Закон Республики Татарстан от 25 ноября 1998 г. № 1872 «Об инвестиционной деятельности в Республике Татарстан». Главным предметом регулирования данного закона является инвестиционная деятельность субъектов инвестиционного процесса, которые направляют денежные средства в новое строительство или ремонт действующих предприятий, на приобретение оборудования и др.;

2) Закон Республики Татарстан от 19 июля 1994 г. № 2180-XII «Об иностранных инвестициях в Республике Татарстан», который регулирует инвестиционную деятельность с участием иностранных вложений, содержит основную информацию о порядке защиты прав и интересов иностранных инвесторов и инвестиций, а также предоставление им государственной поддержки;

3) Указ Президента Республики Татарстан от 18 июня 2012 г. № УП-477 «Об Инвестиционной декларации Республики Татарстан», разработанный для создания в субъекте благоприятного инвестиционного климата, который построен на принципах равенства, вовлеченности, прозрачности и эффективной практики.

4) Закон Республики Татарстан от 1 августа 2011 г. № 50-ЗРТ «О государственно-частном партнерстве в Республике Татарстан», который определяет полномочия государственных органов власти в сфере государственно-частного партнерства. Государственно-частное партнерство на территории Республики Татарстан привлекает частные инвестиции в экономику в основном для инфраструктурного развития и для того, чтобы обеспечить доступность и повысить качество производимых товаров, работ и услуг.

В Республике Татарстан повышенное внимание уделяется уменьшению административных барьеров. В целях снижения административных барьеров в регионе было принято Постановление от 20 февраля 2013 г. № 115 «Об утверждении Временного регламента взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности по содействию в реализации инвестиционных проектов на территории Республики Татарстан по принципу «одного окна». «Одно окно» помогает инвестору экономить время при реализации инвестиционного проекта, так как все услуги оказываются в одном месте.

Помимо этого, данный документ формирует порядок оказания государственной поддержки инвесторам. Кроме того, в соответствии с распоряжением Правительства от 31 января 2017 г. № 147-р «О целевых моделях упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации» в Республике Татарстан ответственные министерства реализуют 12 целевых моделей, направленных на упрощение бизнес-процедур. Некоторые из этих целевых моделей выполнены на 100%. Эти выполненные модели направлены на развитие механизмов поддержки инвестиционной деятельности, на качество инвестиционного

портала, на эффективность процесса привлечения инвестиций, на регистрацию земельных прав, а также на подключение к водоснабжению, газоснабжению и электроснабжению.

В соответствии с положениями Закона Республики Татарстан от 25 ноября 1998 г. № 1872 «Об инвестиционной деятельности в Республике Татарстан» и Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 7 мая 1999 г. № 284 «Об утверждении Положения о порядке предоставления государственной поддержки предприятиям и организациям, реализующим инвестиционные проекты в Республике Татарстан» предоставляются финансовые и инфраструктурные меры государственного управления инвестиционной деятельностью.

К основным финансовым инструментам поддержки относятся: предоставление бюджетных кредитов и государственных гарантий по инвестиционным проектам; обеспечение участников инвестиционной деятельности льготными условиями предоставления земельных участков; развитие лизинга (финансовой аренды); поручительство; предоставление налоговых льгот и др.

В Татарстане механизм государственной поддержки предприятий и организаций в форме предоставления льгот по налогам детально проработан и находит широкое применение. В соответствии с Законом Республики Татарстан от 28 ноября 2003 г. № 49-ЗРТ «О налоге на имущество организаций», Законом Республики Татарстан от 2 августа 2008 г. № 53-ЗРТ «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков» и Законом Республики Татарстан от 10 октября 2011 г. № 68-ЗРТ «Об инвестиционном налоговом кредите в Республике Татарстан», который позволяет повысить эффективность предоставляемых налоговых льгот, ставки выглядят следующим образом (табл. 2).

Льготы по налоговым ставкам и инвестиционному налоговому кредиту предоставляются на срок окупаемости инвестиционного проекта. Важно отметить, что, если льготы даны юридическим лицам, то данный срок не может быть больше 7 лет. В случае назначения льготных налоговых ставок в сфере машиностроения срок

не может превышать 13 лет с момента начала инвестиционного процесса.

Таблица 2
Ставки по налоговым льготам
в Республике Татарстан

Тип льготы	Льготная ставка, %
Налог на прибыль	13,5
Налог на имущество	0
Земельный налог	0
Инвестиционный налоговый кредит	½ ключевой ставки ЦБ РФ

Кроме финансовой поддержки в Республике Татарстан предоставляется и инфраструктурная поддержка, которая способствует привлечению инвестиций в регион. Для этого создана вся необходимая инфраструктура (рис. 1).

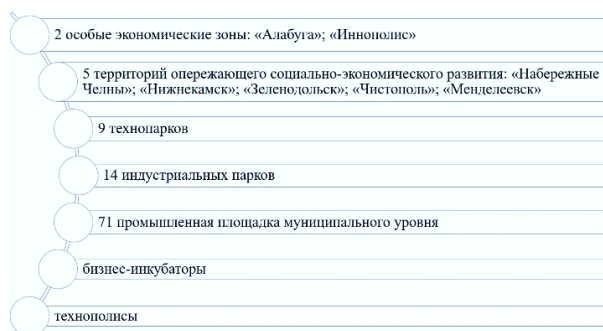


Рис. 1. Инвестиционная инфраструктура
в Республике Татарстан

Источник: URL: <https://ru.investinrussia.com/data/image/regions/e-Guide-to-investment-Tatarstan-2020.pdf> (дата обращения: 21.11.2021).

Рассмотрим основные показатели деятельности особых экономических зон и территорий опережающего социально-экономического развития Республики Татарстан за 2020 г. (табл. 3).

Одной из эффективных площадок промышленно-производственного типа является ОЭЗ «Алабуга»¹. Среди резидентов данной зоны следует выделить такие всемирно известные компании, как Ford, 3M, Rockwool, Air Liquide, Armstrong. Инвестиционные проекты реализуются в перспективных высокотехнологичных отраслях: нефтехимической, автомобильной и строительной. В ОЭЗ «Алабуга» за период функционирования было

¹ Особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алабуга». – URL: <https://alabuga.ru/ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

привлечено 144,9 млрд рублей государственных инвестиций, зарегистрировано 57 компаний-резидентов, создано 6 971 новых рабочих мест. ОЭЗ «Алабуга» предоставляет такие налоговые льготы: по налогу на прибыль ставка составляет 2% в первые пять лет, в следующие пять лет ставка повышается до 7%, затем по истечении 10 лет налог на прибыль будет исчисляться по ставке 15,5%; ставка налога на имущество и на землю, транспортный налог и таможенные пошлины составляет 0% на 10 лет.

Т а б л и ц а 3

**Итоги деятельности ОЭЗ и ТОСЭР
Республики Татарстан на 2020 г.**

ОЭЗ и ТОСЭР	Общая сумма инвестиций, млрд руб.	Общее количество рабочих мест, ед.	Количество резидентов, ед.
ОЭЗ «Алабуга»	144,9	6971	57
ОЭЗ «Иннополис»	31,9	3931	115
ТОСЭР «Набережные Челны»	15,4	5632	39
ТОСЭР «Нижнекамск»	1,7	356	20
ТОСЭР «Зеленодольск»	1,9	99	26
ТОСЭР «Менделеевск»	0,29	36	4
ТОСЭР «Чистополь»	0,63	331	13

* Источник: URL: <https://ru.investinrussia.com/data/image/regions/e-Guide-to-investment-Tatarstan-2020.pdf> (дата обращения: 21.11.2021).

В Республике Татарстан активно развивается также ОЭЗ технико-внедренческого типа «Иннополис», которая содействует организациям, реализующим инвестиционные проекты в сфере высоких технологий¹.

На 2020 г. в «Иннополисе» объем инвестиций составил 31,9 млрд рублей, создано 3 931 рабочих мест, и количество резидентов составило 115 единиц. ОЭЗ «Иннополис» представляет такие же налоговые льготы как ОЭЗ «Алабуга».

В Республике Татарстан на 2020 г. функционировало 5 территории опережающего социально-экономического развития. Их создание позволяет

диверсифицировать экономику, уменьшить подвластность градообразующим предприятиям, улучшить инвестиционную привлекательность региона, создать новые рабочие места, а также привлечь инвестиции в регион.

Ключевыми направлениями производственной деятельности резидентов являются производство: продуктов питания и напитков, продукции предприятий химической и фармацевтической, деревообрабатывающей, мебельной и целлюлозно-бумажной промышленности, а также другой готовой продукции.

ТОСЭР дает резидентам льготы по налогам и тарифам на страховые взносы, представляет следующие налоговые льготы: по налогу на прибыль – 5% в первые пять лет, 12% – в следующие пять лет; ставка налога на созданное с нуля или имущество, купленное по договору, и земельный налог составляет 0%; транспортный налог равен от 25 руб. от 100 л. с.

Для повышения эффективности работы по привлечению инвестиционных ресурсов в экономику региона и обеспечения комплексного и единого сопровождения инвестиционных проектов было создано Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан.

В соответствии с Указом Президента Республики Татарстан от 1 июня 2011 г. № УП-298 «Об Агентстве инвестиционного развития Республики Татарстан» агентство является исполнительным органом специальной компетенции по управлению и развитию инвестиционной привлекательности.

При обращении в Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан, которое работает по принципу «одного окна», инвестор получает все необходимые услуги в одном месте.

Этот процесс проходит в несколько этапов (рис. 2).

Для обеспечения открытости данных об инвестиционной деятельности в регионе, для повышения инвестиционной привлекательности Республики Татарстан среди участников инвестиционного процесса, в том числе иностранных инвесторов, для передачи точной и актуальной информации об инвестиционных проектах и условиях привлечения инвестиций в регион, представления инвестиционного потенциала, а также для

¹ Особая экономическая зона технико-внедренческого типа «Иннополис». – URL: <http://innopolis.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

развития системы поддержки инвесторов в режиме «одного окна» в регионе функционирует Инвестиционный портал.

Данный портал был разработан на основе лучших мировых практик, он содержит всю необходимую информацию для привлечения инвестиционных ресурсов и доступен на 11 языках¹.



Рис. 2. Этапы получения услуг инвестором в Агентстве инвестиционного развития Республики Татарстана

Источник: URL: <http://tida.tatarstan.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

Для улучшения инвестиционной привлекательности и привлечения инвестиций в Республику Та-

тарстан создан Инвестиционный совет. Организация деятельности этого коллегиального совещательного органа, его цели, задачи и полномочия отражены в Указе Президента Республики Татарстан от 5 июля 2012 г. № УП-538 «Об образовании Инвестиционного совета Республики Татарстан».

В соответствии с вышеназванным нормативно-правовым актом Инвестиционный совет занимается:

- 1) анализом инвестиционных проектов, в том числе определяет, реализуем ли данный проект на территории региона;
- 2) определением ключевых направлений развития государственно-частного партнерства;
- 3) мониторингом и контролем хода реализации и результатов инвестиционных проектов;
- 4) снижением административных барьеров, в том числе с точки зрения уменьшения сроков и упрощения процедуры выдачи разрешений;
- 5) оказанием государственной поддержки инвестиционным проектам;
- 6) стимулированием инвестиционной деятельности.

В заключение можно сделать вывод, что Республика Татарстан при управлении инвестиционной привлекательностью применяет правовые, административные, экономические и организационные механизмы, которые способствуют повышению инвестиционной привлекательности региона. Используя инструменты управления этих методов, Татарстан привлекает не только отечественных, но и иностранных инвесторов на территорию, тем самым способствуя росту экономики.

Список литературы

1. Голованова Л. А. Совершенствование экономического механизма регулирования инвестиционной привлекательности региона // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2018. – № 3 (50). – С. 91–100.
2. Костина Е. И. Методы и модель управления, повышающие инвестиционную привлекательность региона // Экономический обозреватель. – 2018. – № 2. – С. 4–8.
3. Миргалеева И. В., Жилина Н. Н. Методы управления инвестиционной привлекательностью региона // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 1. – № 4. – С. 33–37.
4. Никулина Е. В., Гайворонская М. А. Совершенствование механизма инвестиционного обеспечения экономики региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 8 (443). – С. 1478–1487.
5. Филиппова И. А. Управление инвестиционной привлекательностью региона: теоретический аспект // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2015. – № 22. – С. 42–48.

¹ URL: <http://invest.tatarstan.ru/> (дата обращения: 30.05.2020).

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
 - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
 - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
 - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
 - б) заглавие статьи;
 - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
 - предмет исследования;
 - метод или методологию исследования;
 - научную новизну и выводы;
 - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
 - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
 - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
 - статьи из периодических изданий;
 - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
 - материалы конференций;
 - монографии.
 - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера

упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.